

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1902.

№ 13.

ЮЛЬ. — КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Рѣчь предъ благодарственнымъ молебствіемъ, совершеннымъ по случаю Высочайше дарованнаго 3-го іюня устава о пенсіяхъ и пособіяхъ епархіальному духовенству. <i>Преосвященнаго Стефана, Епископа Сумскаго</i>	1—3
Высокопреосвященный Амвросій, Архіепископъ Харьковский (продолженіе). <i>Протоіерей Т. Буткевича</i>	4—30
Участіе русскаго духовенства и монашества въ развитіи единой державы и самодержавія въ Московскомъ государствѣ въ концѣ XV и первой половинѣ XVI в.в. (продолженіе). <i>В. С—наго</i>	31—58
Состояніе души пророковъ при отравленіяхъ Духа Святаго. <i>Феодора Владимірскаго</i>	59—78

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:

Русскій Оригенъ XIX вѣка <i>Вл. С. Соловьевъ</i> (продолженіе). <i>Александра Никольскаго</i>	1—32
---	------

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Высочайшая отмѣтка.—Списокъ лицъ, служащихъ въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ за 1902 уч. г.—Списокъ лицъ, служащихъ въ Кулянскомъ духовномъ училищѣ за 1902 уч. г.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Харьковской духовной семинаріи, составленный послѣ годичныхъ испытаній за 1901—1902 уч. г.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Кулянскаго духовнаго училища за 1901—1902 уч. г.—Отъ Правленія Кулянскаго духовнаго училища.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища за 1901—1902 уч. г.—Отъ Правленія Сумскаго духовнаго училища.—Разрядный списокъ учениковъ Харьковскаго духовнаго училища, составленный Правленіемъ училища послѣ годичныхъ испытаній за 1901—1902 уч. г.—Отъ Правленія Харьковскаго духовнаго училища.—Отчетъ Харьковскаго Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ о состояніи раскола и сектантства въ епархіи и дѣятельности епархіальной миссіи за 1901 г.—Епархіальная извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки **Объявленія.**

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер. д. № 17.

1902.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли изъ чуждыхъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листовъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, червячекъ текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лнія, контера В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1892 г., по 8 р. за 1895—1899 годы. За 1900 г.—9 р. и 1901 г. 10 рублей. Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 125 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Вошеіе внутри васъ“. Британскій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.

4. „Папство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французск. К. Истомина. Харьковъ. 1895. Ц. 1 р. съ перес.

5. Нѣсколько словъ по поводу „двухъ характерныхъ писемъ“. присланныхъ Преосвященному Амвросію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому. Леонидъ Баграцова. Харьковъ 1901 года. 52 стр. Цѣна 30 коп., съ перес. 35 коп.

О Г Л А В Л Е Н І Е

С Т А Т Е Й

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

— ❧ Т. II.—Ч. I. ❧ —

ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІИ.

Этическое движеніе новѣйшихъ временъ. Его исторія и ученіе.—*Профессора Варшавскаго Университета Генриха Струве* (стр. 1—16, 43—55, 93—113).

Что такое нравственность, какъ общечеловѣческое явленіе.—*Н. Городенскаго* (стр. 17—42).

Ученія, отрицающія специфическую природу нравственной оцѣнки.—*Н. Городенскаго* (стр. 56—92, 114—148).

Научно-механическое міропониманіе и этика.—*Свящ. Николая Липскаго* (стр. 149—175, 203—222, 245—264, 283—305, 323—342, 367—387).

„Дарвинизмъ“ предъ судомъ философа Гартмана.—*А. Кириловича* (стр. 176—202, 223—244).

Понятіе о „honestum“ (о честномъ) въ первой книгѣ сочиненія Цицерона „De officiis“.—*А. Воронцова* (стр. 265—282, 306—322).

Христіанское вѣроученіе и буддизмъ.—*А. А. Берса* (стр. 343—366).

Чѣмъ должна быть критика и чѣмъ иногда является она въ наше время.—*Н. Страхова* (стр. 388—406, 463—494).

Русскій Оригенъ XIX вѣка Вл. С. Соловьевъ.—*Александра Никольскаго* (стр. 407—425, 443—462, 495—530). ¹⁾

Святоотеческое ученіе о душѣ чловѣка.—*В. Давыденка* (стр. 426—442, 531—544) ²⁾.

¹⁾ См. во 2-й части указаніе продолженій.

²⁾ См. во 2-й части указаніе продолженій.

Πιστεῖ νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Юля 1902 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солтисъ*

Р Ъ Ч Ъ

Преосвященнаго Стефана, Епископа Сумскаго,

предъ благодарственнымъ молебствіемъ, совершеннымъ по случаю **ВЫСОЧАЙШЕ** дарованнаго 3-го іюня устава о пенсіяхъ и пособіяхъ епархіальному духовенству ¹⁾).

Возлюбленные братіе и сестры о Господѣ!

Многіе изъ васъ вѣроятно удивляются необычному собранію нынѣ пастырей и служителей Господнихъ въ семь святомъ храмѣ и желаютъ знать причину этого собранія. Эти пастыри и служители Божіи собрались сюда, дабы вознести усердную благодарность Господу Богу и свои горячія моленія Ему за здравіе Благочестивѣйшаго Государя нашего **НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА**, Который недавнимъ повелѣніемъ своимъ обезпечилъ приличными пенсіями и единовременными пособіями старость, безвременную болѣзнь пастырей и служителей православной церкви Христовой и сиротство ихъ дѣтей. Какъ добрыя дѣти радуются радостію и благополучію своихъ родителей, войдите и вы, возлюбленные братіе и сестры о Господѣ, въ радость вашихъ пастырей и отцевъ духовныхъ, войдите въ одушевляющія ихъ теперь чувства благодарности Богу и Благочестивѣйшему Монарху нашему. Ибо милость, дарованная имъ, если вникнуть въ дѣло, простирается и на всѣхъ васъ. Въ самомъ дѣлѣ, избавленные милостію Государя отъ тяжелыхъ думъ и гнетущихъ заботъ о дняхъ своей старости или болѣзненности, о возможномъ сиротствѣ малолѣтнихъ дѣтей своихъ, они теперь

¹⁾ Произнесена 30 іюня 1902 г. въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ.

съ удвоеннымъ усердіемъ и съ полнымъ самоотверженіемъ будутъ совершать дѣло служенія своего, будутъ пасти васъ, *Божіе стадо, не принужденно, но охотно, не для мусной корысти, но изъ усердія* (1 Пет. 5, 2). Видя ваше сорадованіе и слѣдовательно вашу любовь къ нимъ, они будутъ пещись о душахъ вашихъ, *не воздыхая, ибо это для васъ не полезно, а съ радостію* (Евр. 13, 17). Итакъ, войдите же въ ихъ радость, вознесите вмѣстѣ съ ними горячую благодарность Богу, вложившему въ сердце возлюбленнаго Государя нашего такое усердное попеченіе о пастыряхъ вашихъ, а тѣмъ самымъ и о васъ, пасомыхъ ихъ!

А вы, пастыри и служители Господни, будьте достойны столь великаго попеченія о васъ и оправдайте возлагаемыя теперь на васъ надежды Монарха нашего, Церкви и пасомыхъ вашихъ. Вникайте въ себя и въ ученіе, преданное намъ Христомъ, Его святыми Апостолами и святою Церковію, занимайтесь симъ постоянно, ибо такъ поступая и себя спасете и вашихъ пасомыхъ (1 Тим. 4, 16). Убѣгайте, по заповѣди Апостола, *сребролюбія, которое, по нему, есть корень всѣхъ золъ, а преуспѣвайте въ правдѣ и благочестіи, вѣрѣ и любви, терпѣніи и кротости; подвизайтесь добрымъ подвигомъ отры, держитесь вѣчной жизни* (6, 10—2). Старайтесь представить себя Богу достойными, дѣлателями неукоризненными, вѣрно преподающими слово истины (2 Тим. 2, 15). Проповѣдуйте это слово истины, *настойте во время и не во время, обличайте, запрещайте, увѣщевайте со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ* (4, 2). Будьте бдительны во всемъ, переносите скорби, ревностно совершайте дѣло благовѣстниковъ, усердно исполняйте служеніе свое (4, 5). Во всемъ показывайте въ себѣ *образецъ добрыхъ дѣлъ, въ учительствѣ чистоту, степенность, неповрежденность, слово здоровое неукоризненное, чтобы противники наши были посрамлены, не имѣя ничего сказать о насъ худого* (Тит. 2, 7—8). Напоминайте своимъ пасомымъ *повиноваться и покоряться начальству и властямъ, быть готовыми на всякое доброе дѣло, никого не злословить, не быть сварливыми, но тихими и оказывать всякую кротость ко всѣмъ челоуькамъ* (3, 1—2). Наипаче же прошу васъ *совершать,*

воздѣвая чистыя руки безъ гнѣва и сомнѣнiя (1 Тим. 2, 8), молитвы, прошенiя, моленiя, благодаренiя за всѣхъ челоуковъ, за царя и за всѣхъ начальствующихъ, дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную во всякомъ благочестii и чистотѣ, ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись и достигли познанiя истины (1 Тим. 2, 1—4).

Вознесемъ же вмѣстѣ, пастыри и пасомые, едиными устами и единымъ сердцемъ свои горячiя моленiя о здравii и благополучii возлюбленнаго Государя нашего, оказавшаго намъ всѣмъ столь великую милость, и усердныя отъ всего сердца благодаренiя Господу Богу, подвигшему сердце благочестивѣйшаго Государя нашего на такуюю намъ милость.

Епископъ Стефанъ.

Высокопреосвященный Амвросій Архіепископъ Харьковскій.

(Продолженіе *).

12-го октября 1882 г. преосвященному Амвросію давало прощальный обѣдъ московское общество призрѣнія дѣтей, просящихъ милостыни. На этомъ обѣдѣ преосвященный произнесъ прекрасную рѣчь объ источникахъ утѣшеній въ благотвореніи.

Послѣдующіе дни недѣли преосвященный Амвросій посвятилъ на прощанье съ своими московскими родственниками, знакомыми и различными учрежденіями. 14-го октября Совѣтъ Московской Практической Академіи коммерческихъ наукъ избралъ его въ свои почетные члены, о чемъ и извѣстилъ его президентъ состоящаго при этой академіи общества любителей коммерческихъ знаній, князь В. А. Долгоруковъ особымъ отношеніемъ отъ 15-го октября; а въ своемъ адресѣ Совѣтъ Академіи писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Надолго сохранятся въ академіи благодарныя воспоминанія о томъ оживленіи и назиданіи, которыя личное, дѣятельное участіе и живое, любовью къ дѣтямъ согрѣтое, слово ваше вносило въ годовичныя испытанія воспитанниковъ по закону Божию. Навсегда памятными останутся и ваши служенія въ храмѣ академіи для всѣхъ, имѣвшихъ счастье присутствовать при этихъ служеніяхъ 17-го декабря, въ день, когда академія празднуетъ годовщину своего основанія. Никогда въ особенности не забудется впечатлѣніе тѣхъ, полныхъ силой слова и духа, поученій, съ которыми въ эти торжественные въ жизни училища дни вы обращались съ церковной кафедры къ его питомцамъ.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1902 г. № 12.

Слово ваше, одушевленное и учительное, было драгоценнымъ украшеніемъ академическаго праздника и ваше отсутствіе на этомъ праздникѣ будетъ долго вызывать непритворное, глубокое чувство лишенія въ душѣ его обычныхъ участниковъ. Особенно, впрочемъ, сердечностію отличались прощальные обѣды, данные преосвященному его почитателями въ обществѣ любителей церковнаго пѣнія и въ школѣ иконописи. На этихъ обѣдахъ присутствовалъ и ключарь харьковскаго кафедральнаго собора протоіерей С. А. Илларионовъ.

18-го октября, въ воскресенье, преосвященный Амвросій, въ сослуженіи съ ключаремъ харьковскаго кафедральнаго собора, совершалъ божественную литургію въ Богоявленскомъ монастырѣ, гдѣ онъ проживалъ и настоятельствовалъ, какъ викарій московской епархіи. Въ этотъ же день, онъ давалъ у себя отвѣтный прощальный обѣдъ московскому духовенству и почетнѣйшимъ гражданамъ Москвы. На этомъ обѣдѣ присутствовалъ, между прочимъ, и ключарь харьковскаго собора, протоіерей о. С. А. Илларионовъ, произнесшій прекрасный тостъ, въ которомъ вѣрно было выражено настроеніе харьковскаго духовенства по поводу назначенія преосвященнаго Амвросія на кафедру харьковской епархіи. „Ваше преосвященство!“—сказалъ о. ключарь. „Ученикамъ предтечи Іоанна, посланнымъ спросить: „ты ли еси грядый, или иного чаемъ?“—Господь отвѣчалъ: „идите и скажите Іоанну, *яже слышаста и видѣста*“. Отъ харьковской паствы, вѣренной вашему архипастырскому водительство, мнѣ первому выпалъ жребій предстать предъ лицо ваше. Харьковцы обязали меня повѣдать имъ, что услышу и увижу, о святительской особѣ вашей, дабы имъ имѣть возможность приготовиться достойно встрѣтить ваше пришествіе. Много отраднаго, назидательнаго и умилительнаго имѣю возвѣстить имъ. Осчастливленный вашимъ архипастырскимъ вниманіемъ и удостоенный чести быть вчера и сегодня въ сонмѣ избранныхъ священнослужителей московскихъ церквей и почетнѣйшихъ гражданъ, я видѣлъ и убѣдился въ искреннѣйшей преданности и пламенной любви къ вамъ московскаго духовенства; преданность эта и любовь снисканы вашею нѣжною, отеческою любовью къ нимъ; такъ, я видѣлъ

олицетвореніе словъ блаженнаго Августина: „даждь любящаго и обрящется любимый“, видѣлъ благоговѣйное уваженіе къ вамъ почетнѣйшихъ гражданъ—этихъ достойнѣйшихъ сыновъ матери Москвы.—людей, которые крѣпко охраняютъ вѣру и благочестіе и воздаютъ должная только пастырямъ ревностнымъ, право правящимъ слово истины. Не далѣе, какъ вчера, былъ свидѣтелемъ умилительной картины, выражающей безпредѣльную любовь къ вамъ народа. При появленіи вашемъ, масса людей всѣхъ званій и состояній, какъ волна, охватывала васъ, каждый спѣшилъ принять ваше благословеніе и съ болѣзнію сердца и слезами на глазахъ взывалъ къ вамъ: „прощайте, владыко святой!“ Видѣлъ вашу любовь къ величію и благолѣпію св. храмовъ, слышалъ назидательное слово, полное силы и духа Христова, и видѣлъ высокій примѣръ христіанскаго человеколюбія, выраженный въ учрежденіи школы иконописанія. Слова нисанія: *тебѣ оставленъ нищій, сиру ты буди помощникъ*—горячо приняты вашимъ святительскимъ сердцемъ. Вашими отеческими заботами призрѣны и приючены такіе, которымъ, въ силу несчастно сложившихся обстоятельствъ, или нищеты и бѣдности, или просто бездарности, грозила участь быть отребіемъ міра; нынѣ они имѣютъ возможность развиться настолько, чтобы своими трудами добывать хлѣбъ и быть полезными членами общественной семьи. Много видѣлъ назидательнаго и добраго, хотя далеко не все; но передавать передъ очевидцами благотворность вашей дѣятельности не представляется надобности; постараюсь передать это тѣмъ, которые съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, повѣдаю новой вашей паствѣ харьковской. Сугубою радостію забьются сердца харьковцевъ; изъ сказаннаго они убѣдятся, что къ нимъ грядетъ архипастырь не иного коего духа, а духа Христова. Но, владыко святой, это—одна сторона дѣла,—свѣтлая; при этомъ возникаютъ вопросы, наводящіе на другія думы. Обращаете ли вы въ новомъ вертоградѣ вашемъ достойныхъ дѣлателей, встрѣтите ли вы людей талантливыхъ, способныхъ содѣйствовать вашимъ мѣропріятіямъ и осуществляютъ ваши благія намѣренія? Удобрена ли и приготовлена ли нива харьковская настолько, чтобы сѣемое вами доброе сѣмя произрастало и приносило плоды? Украсятъ ли принесенные

вами бисеры паству харьковскую или же, быть можетъ, будутъ попораны и потоптаны? Отвѣчать на эти вопросы отрицательно нельзя: харьковскую ниву удобрялъ цѣлый рядъ архипастырей мудрыхъ, благонамѣренныхъ, бдительно стоявшихъ на стражѣ спасенія; но, не отступивъ отъ истины, нельзя сказать и утвердительно. Самая тучная и воздѣланная нива въ короткое время покрывается иногда терніемъ и волчцами; вздымаются вѣтры и издалека несутъ сорныя сѣмена; покрывается небо облаками и сѣмена быстро пріурочиваются къ почвѣ; требуется много своевременныхъ и усиленныхъ трудовъ дѣлателя, чтобы устранить грустныя послѣдствія. Подобныя явленія бывають и между людьми. Можетъ быть, встрѣтятся сорныя травы и на нивѣ харьковской и окажутся *тросты, колеблемыя вѣтромъ современныхъ взглядовъ—нечистыхъ и неправославныхъ*. Съ увѣренностію смѣю доложить вашему преосвященству одно: паства харьковская всецѣло отдается въ послушаніе вамъ, съ радостію пойдетъ по вашимъ указаніямъ и принесетъ вамъ искренній обѣтъ творить *ничесоже болѣе повелѣннаго* вами. При такой готовности паствы, если и встрѣтятся какія либо нестроенія, вы легко и скоро, владыко св., исправите *стропотная въ правая и острая въ пути гладки* и будете проходить чреду архипастырскаго служенія *съ радостію, а не въздыхающе*.

„Отцы и братіе, и вы, достопочтеннѣйшіе гражданае Москвы! Разставаясь съ высокопочитаемымъ и незабвеннымъ вашимъ архипастыремъ—нынѣ нашимъ,—напутствуйте его вашими усердными молитвами и благожеланіями: да царствуетъ между архипастыремъ и паствою харьковскою крѣпкая живая христіанская связь и единеніе духа. Да здравствуетъ преосвященнѣйшій Амвросій, епископъ харьковскій и ахтырскій, на многія и многія лѣта“!

Рѣчь эта, прекрасно и громко произнесенная, произвела сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Преосвященный Амвросій отвѣтилъ на нее тостомъ за харьковское духовенство и паству. Кромѣ того, на этомъ обѣдѣ было произнесено много задушевныхъ и сердечныхъ рѣчей лучшими представителями московскаго духовенства въ честь преосвященнаго Амвросія.

На другой день (19-го октября) преосвященный Амвросій отпустилъ изъ Москвы ключаря харьковскаго кафедральнаго собора, а самъ сталъ собираться въ путь въ г. Александровъ Владимірской губерніи, на свою родину, чтобы поклониться въ послѣдній разъ въ этой жизни могиламъ своихъ усопшихъ родственниковъ. Въ Александровъ онъ прибылъ 23-го октября и прямо отправился въ Богоявленскую церковь, привѣтствуемый колокольнымъ звономъ. Въ этой церкви нѣкогда священнодѣйствовалъ его дѣдъ (по матери) и преемственно—его отецъ и братъ. Самъ преосвященный былъ въ ней крещенъ. Со входомъ преосвященнаго въ этотъ завѣтный для него храмъ, началась божественная литургія, которую онъ слушалъ въ алтарѣ; послѣ нея отслужена была преосвященнымъ Амвросіемъ соборнѣ, въ сослуженіи Христорождественскаго, г. Александрова, собора протоіерея В. Н. Уводскаго и мѣстнаго приходскаго священника М. О. Успенскаго, павнихида по усопшимъ: дѣдѣ, отцѣ и братѣ (послѣдніе двое погребены у церкви Богоявленской) и прочимъ почившимъ роднымъ преосвященнаго. Въ храмъ стеклось множество городскихъ обывателей, изъ среды коихъ не мало было сверстниковъ, а также и лицъ, помнящихъ молодые годы даровитаго земляка своего. Преосвященный Амвросій привѣтствовалъ всѣхъ собравшихся въ храмъ своимъ краснорѣчивымъ словомъ, вспоминая о былыхъ дняхъ своихъ въ г. Александровѣ, и благословилъ каждого изъ присутствовавшихъ. По выходѣ изъ церкви, преосвященный поклонился могиламъ близъ нея погребенныхъ отца и брата своего и, сопровождаемый многочисленною толпою, прибылъ въ бывшій дѣмъ своихъ родителей (въ немъ проживала тогда его сестра, вдова Н. О. Богоявленская), гдѣ александровское городское общество, въ лицѣ гласныхъ городской думы и городского головы, встрѣтило его съ хлѣбомъ—солью. Преосвященный Амвросій отвѣтилъ привѣтствовавшему его обществу, съ свойственнымъ ему обаятельнымъ краснорѣчіемъ, словомъ благодаренія за радушіе и въ этомъ краткомъ словѣ вспомнилъ, что этимъ хлѣбомъ—солью общество г. Александрова дѣлилось и съ его дѣдомъ, отцомъ и братомъ; почтивъ собраніе отрядною бесѣдою, онъ отпустилъ своихъ александровскихъ почитателей, призывая на нихъ Божіе благословеніе. Долго не

расходились граждане, обрадованные этою рѣдкою встрѣчею съ своимъ сановитымъ землякомъ; каждый спѣшилъ принять святительское благословеніе и уносилъ въ сердцѣ своемъ память о счастливомъ днѣ. По отбытіи гостей, преосвященный Амвросій оправился въ Успенскій, г. Александрова, дѣвичь монастырь, гдѣ поклонился могилѣ погребеннаго тамъ дѣда своего о. Ильи Семеновича Селезнева и посѣтилъ маститую старицу—настоятельницу монастыря, игуменью Елизавету. Остальное время дня онъ былъ занятъ посѣщеніемъ своихъ старыхъ знакомыхъ и бесѣдою съ присными. Не забыть былъ преосвященнымъ Амвросіемъ и маститый старецъ о. діаконъ Богоявленской церкви Иванъ Никитичъ Жаровъ, находившійся тогда уже на покоѣ. Преосвященный сердечно привѣтствовалъ этого о. діакона, какъ своего учителя грамоты. Столѣтній старецъ-діаконъ, подъ впечатлѣніемъ сердечной радости, со слезами на глазахъ благоговѣнно взиралъ на своего убѣленного сѣдинами ученика-святителя. Тогда же преосвященный Амвросій въ память о себѣ далъ вкладъ въ Богоявленскую церковь: прекрасной художественной работы сребропозлащенные крестъ и блюдо.

25-го октября преосвященный Амвросій возвратился въ Москву и сталъ собираться къ отъѣзду въ Харьковъ. 26-го октября онъ совершалъ въ Москвѣ послѣднюю литургію въ соборной церкви бывшаго своего Богоявленскаго монастыря. Большой храмъ къ 10-ти часамъ утра наполнился москвичами, явившимся въ послѣдній разъ услышать слово своего любимаго архипастыря. Въ обычное время преосвященный обратился къ присутствовавшимъ съ прощальнымъ своимъ словомъ на тему: „Миръ оставляю вамъ, миръ даю вамъ“. Послѣдній его завѣтъ былъ—сохранять миръ и любовь въ семействѣ, кружкахъ друзей и близкихъ. „Объ этомъ я искренно прошу васъ всѣхъ, въ надеждѣ, что вы исполните послѣднюю просьбу своего пастыря“,—говорилъ преосвященный. „И я, съ своей стороны, прошу васъ всѣхъ: пожелайте и мнѣ мира“. Рѣчь эту съ трудомъ могъ закончить владыка: слезы нѣсколько разъ останавливали его голосъ. Всѣ почти присутствовавшіе рыдали. Въ своихъ „воспоминаніяхъ“, напечатанныхъ въ „Московскихъ Вѣдомо-

стяхъ" (1901 г. № 245), и написанныхъ подъ грустнымъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти владыки, москвичъ И. Ромашковъ, лично присутствовавшій при этомъ послѣднемъ священнослуженіи преосвященнаго Амвросія въ Богоявленскомъ монастырѣ, говоритъ: „Особенно трогательно и сердечно было прощаніе архипастыря съ Москвой. Тотъ, кто присутствовалъ при послѣднемъ прощальномъ богогуженіи владыки, видѣлъ всю силу любви, какую питалъ народъ къ почившему. Теперь, когда разнесется повсюду вѣсть о кончинѣ владыки, нѣтъ сомнѣнія, будетъ исполнена и послѣдняя просьба архипастыря къ своимъ слушателямъ: „когда услышите, что угасла жизнь моя, вспомните о мнѣ съ любовью“. По окончаніи литургіи, преосвященнаго у царскихъ вратъ окружило духовенство и поднесло ему въ напутствіе св. икону. Преосвященный же, принявъ съ благоговѣніемъ св. образъ, краткою рѣчью своею просилъ священнослужителей простить ему всѣ его вольныя и невольныя ошибки и заблужденія. Но въ высшей степени была трогательна сцена, когда архипастырь поклонился въ ноги всѣмъ священнослужителямъ, которые то же въ свою очередь пали ницъ предъ оставлявшимъ ихъ любимымъ святителемъ.

Въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ была помѣщена телеграмма изъ Москвы отъ 27-го октября о томъ, что преосвященный Амвросій выѣзжаетъ изъ Москвы въ Харьковъ 28-го октября. Но сообщеніе это оказалось невѣрнымъ. Въ дѣйствительности преосвященный Амвросій выѣхалъ изъ Москвы 29-го октября, въ пятницу, о чемъ своевременно и дано было знать соборному ключарю о. С. А. Илларионову для надлежащихъ распоряженій. Въ этотъ же день соборный ключарь о. Илларионовъ и благочинный харьковскихъ градскихъ церквей протоіерей Чижевскій съ вечернимъ курьерскимъ поѣздомъ выѣхали для встрѣчи преосвященнаго въ г. Бѣлгородъ, гдѣ въ 9^{1/2} часовъ утра 30-го октября и удостоились встрѣтить и принять отъ него архипастырское благословеніе и сопутствовали ему до Харькова. На первой станціи харьковской епархіи „Казачья Лопань“ преосвященнаго встрѣтилъ благочинный 4-го округа харьковского уѣзда, протоіерей Маркъ Рокитянскій и причтъ села Казачьей Лопани, а крестьяне этого села поднесли ему хлѣбъ—соль. Преосвященный вышелъ

изъ вагона на платформу принялъ хлѣбъ—соль, благословилъ всѣхъ присутствовавшихъ, при этомъ пожелалъ жителямъ слободы Казачьей Лопани, а въ лицѣ ихъ и всей своей паствѣ изобилія плодовъ земныхъ и совершеннаго благополучія. Между тѣмъ харьковцы еще съ 11-ти часовъ утра, не смотря на дождь, спѣшили въ кафедральный соборъ или на вокзалъ. Въ числѣ желавшихъ встрѣтить преосвященнаго на вокзалѣ были: начальникъ губерніи, д. с. с. В. В. Калачовъ, командующій войсками бывшаго харьковского округа, генераль-адъютантъ Ф. Ф. Радецкій, корпусный командиръ, генераль-адъютантъ Свѣчинъ, городской голова, ректоръ и инспекторъ семинаріи, смотритель духовнаго училища, начальница и инспекторъ классовъ епархіальнаго женскаго училища, члены и секретарь консисторіи, нѣкоторые церковные старосты и много народа, покрывшаго всю вокзальную платформу. Въ 12-ть часовъ и 12-ть минутъ дня колокольный звонъ всѣхъ церквей города возвѣстилъ харьковцамъ о прибытіи владыки. По выходѣ изъ вагона, преосвященный Амвросій отправился въ царскіе покои, гдѣ и преподалъ всѣмъ присутствовавшимъ свое архипастырское благословеніе, затѣмъ вышелъ изъ вокзала, сѣлъ въ поданную ему карету и по Екатеринославской улицѣ прослѣдовалъ въ кафедральный соборъ; по пути слѣдованія его всѣ, стоявшіе по обѣимъ сторонамъ улицы, обнажая головы, приветствовали его поклономъ. Въ кафедральномъ соборѣ преосвященный Амвросій былъ встрѣченъ по чиноположенію православной церкви, всѣмъ харьковскимъ духовенствомъ во главѣ съ викаріемъ харьковской епархіи, преосвященнымъ епископомъ Веніаминомъ, который обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: „Преосвященнѣйшій владыко! Съ священною торжественностію, радостными чувствами и свѣтлыми чаяніями встрѣчаемъ мы тебя, нашъ новый, Богомъ дарованный архипастырь! Мы видимъ тебя лично, внѣшними очами, въ первый разъ; но мы уже давно и хорошо знаемъ тебя своимъ духомъ, знаемъ по твоимъ глубоко обдуманымъ и живо прочувствованнымъ пастырскимъ словамъ и наставленіямъ, какія ты говорилъ въ своемъ мѣстѣ по разнымъ случаямъ и обстоятельствамъ времени и которыя печать пронесла по всѣмъ концамъ

нашего православнаго русскаго царства. Читая эти слова и наставленія, мы внутренно радовались, чувствовали въ нихъ животворную теплоту, созидающую духъ, могучую силу ума, низлагающую всѣ сопротивныя образы мыслей лжеименнаго разума, и видѣли въ нихъ то безцѣнное сокровище, какое только можетъ исходить отъ высшаго христіанскаго разума, проникнутаго глубокимъ убѣжденіемъ въ непоколебимыхъ и вѣчныхъ истинахъ слова Божія. Какъ же намъ не радоваться, при встрѣчѣ тебя, въ которомъ обитаетъ такая великая драгоценность? Какъ не возблагодарить Господа, по волѣ и маповенію Котораго совершилось твое назначеніе къ намъ для священнѣйшаго служенія церкви Христовой? Съ твоимъ назначеніемъ къ намъ и благополучнымъ прибытіемъ въ нашъ край мы соединяемъ самыя свѣтлыя надежды и упованія уже потому, что ты благодатію Божіею и своими собственными трудами стяжалъ умъ Христовъ, который служитъ вѣрнымъ залогомъ и ручательствомъ за все чистое, прекрасное и святое въ мысляхъ, чувствованіяхъ, намѣреніяхъ и самыхъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ того, кто владѣетъ этимъ первымъ и необходимымъ для смертнаго человѣка даромъ свыше. Этотъ великій даръ открылъ тебѣ путь къ высокому мѣсту настоящаго твоего служенія, и онъ же служитъ для насъ радостнымъ знаменіемъ того, что ты будешь для своей паствы пастыремъ по сердцу Божію и упасешь свое словесное стадо ученіемъ разума и истины. О если бы милосердый Господь, отъ лица Котораго исходишь къ намъ съ Его благодатными дарами, утѣшилъ и твое сердце новою паствою такъ, чтобы ты могъ приложить къ себѣ написанное: „межи мои прошли по прекраснымъ мѣстамъ и наслѣдіе мое пріятно для меня“ (Пс. 15, 6). Да соединитъ же единый великій Пастыреначальникъ, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, посылаемаго Имъ пастыря съ своею паствою въ духѣ истины, правды, любви, и да направитъ общую жизнь нашу къ единой великой цѣли—вѣчному спасенію душъ пашихъ и тихому пристанищу вождѣннаго небснаго царствія!

На это привѣтствіе преосвященный Амвросій отвѣтилъ краткою рѣчью, въ которой просилъ всѣхъ принять его съ миромъ, любовію и довѣріемъ.

Послѣ обычнаго молитвословія съ произнесеніемъ многолѣтія Государю Императору съ Его Августѣшимъ Домомъ, Св. Синоду и преосвященнымъ епископамъ Амвросію и Веніамину, правительствующему синклиту, христолюбивому воинству и всѣмъ православнымъ христіанамъ, преосвященный Амвросій изъ каѳедрального собора отправился въ архіерейскій покровскій монастырь, гдѣ поклонился чудотворному Озерянскому образу Божіей Матери и затѣмъ прослѣдовалъ въ свои архіерейскіе покои.

Къ двумъ часамъ дня преосвященный Амвросій пригласилъ къ своему столу старшее городское духовенство—нѣкоторыхъ членовъ консисторіи, благочиннаго и ректора семинаріи. На этомъ обѣдѣ былъ поданъ всѣмъ прежде всего тотъ черный ржаной хлѣбъ, который былъ поднесенъ преосвященному крестьянами слободы Казачьей Лопани. Обѣдъ отличался простою и скромностію. Усталый отъ пути, преосвященный былъ молчаливъ. Ни рѣчей, ни тостовъ не было.

Вечеромъ всенощное бдѣніе преосвященный Амвросій слушалъ въ Покровской церкви архіерейскаго дома. Пѣніе архіерейскаго хора ему не понравилось,—и послѣ всенощной онъ долго бесѣдовалъ съ регентомъ о томъ, чтобы ввести въ Харьковѣ Обиходъ, изданный Московскимъ Обществомъ любителей церковнаго пѣнія. На другой день, 31-го октября, въ воскресенье, преосвященный Амвросій совершалъ первую литургію въ харьковскомъ каѳедральномъ соборѣ. Храмъ былъ буквально переполненъ народомъ и—не простымъ только, но лицами всѣхъ сословій и состояній. Въ положенное время владыка произнесъ слово *о любви*. „Поставленный властію церковною и волею Монаршею на служеніе Церкви Божіей среди васъ, братія,—такъ началъ онъ свое слово,—не безъ смущенія вступаю я на это новое поприще служенія. Каѳедра харьковская прославлена дарованіями, трудами и заслугами многихъ знаменитыхъ архипастырей, градъ вашъ обладаетъ святилищами высшей науки и изобилуетъ людьми даровитыми и высокообразованными. Поэтому великія требованія съ вашей стороны могутъ быть обращены ко мнѣ, какъ по воспоминаніямъ вашимъ о моихъ предшественникахъ, такъ и по вопросамъ на-

шего времени, за которыми здѣсь люди науки слѣдятъ непре-
станно. Въ виду этихъ требованій, при искреннемъ сознаніи
своихъ недостатковъ, я нахожу себѣ ободреніе только въ томъ
убѣжденіи, что мы, служители Церкви, приходимъ на мѣста
служенія не отъ своего имени, а отъ имени посылающаго
насъ верховнаго Архіерея и Главы Церкви—Господа Иисуса,
не съ человѣческой наукою, но съ Его божественнымъ уч-
неніемъ, не со своими только дарованіями, но съ благодатию
Божіею, *немоущая врачующею и оскудѣвающая восполняющею*.
Въ такомъ расположеніи духа, въ основаніе перваго слова
моего къ вамъ я полагаю наставленіе св. Апостола Павла:
„истинною любовію все возвращайте въ Того, Который есть
глава, Христосъ“; иной цѣли для мысли, слова и дѣла ни
себѣ, ни вамъ я не могу поставить, какъ только возрастаніе
во Христа, или возвышеніе въ Его истину, силу и жизнь, а
способа соединяться всѣмъ намъ въ этомъ направленіи и по-
лагать конецъ всѣмъ недоумѣніямъ и колебаніямъ, по увѣре-
нію Апостола, нѣтъ иного, кромѣ „истинной любви“. Изло-
живъ затѣмъ христіанское ученіе о любви и о ея значеніи
въ жизни, преосвященный Амвросій закончилъ свою рѣчь
слѣдующими словами: „Съ любовію я прихожу къ вамъ,
братія, и молю васъ съ тою же любовію принять меня. Такое
расположеніе духа, установленное съ обѣихъ сторонъ, сдѣлаетъ
насъ другъ къ другу свисходительными и благожелательными,
и наилучшимъ плодомъ этого душевнаго расположенія съ
теченіемъ времени и при помощи благодати Божіей будетъ
то, что, по слову Апостола, мы будемъ единомысленны, мирны,
и Богъ любви и мира будетъ съ нами (2 Кор. 13, 11)“.

Разказавъ о совершеніи преосвященнымъ Амвросіемъ пер-
вой литургіи въ кафедральномъ соборѣ и упомянувъ объ его
проповѣди, хроникеръ тогдашнихъ „Харьк. Епарх. Вѣд.“ за-
мѣтилъ (№ 21, стр. 569): „Впечатлѣніе на всѣхъ присутство-
вавшихъ въ храмѣ Архипастыръ произвелъ самое громадное,
сразу внушивъ всѣмъ искреннія чувства любви и глубочай-
шаго уваженія къ себѣ“.

Здѣсь я долженъ разказать о случаѣ, который имѣлъ для
меня весьма важное значеніе въ жизни и который прекрасно

характеризуетъ личность въ Бозѣ почивающаго Архипастыря. 11-го ноября, въ четвергъ, въ 12 часовъ дня вдругъ ко мнѣ является архіерейскій секретарь, покойный С. Н. Соколовскій и сообщаетъ мнѣ: сегодня, въ 6 часовъ вечера хочетъ быть у васъ владыка... Ровно въ 6 часовъ вечера преосвященный пріѣхалъ. Я вышелъ встрѣчать его во дворъ. Преосвященный поблагословилъ меня и сейчасъ же сдѣлалъ замѣчаніе мнѣ за то, что я не берегу себя: вышелъ раздѣтый и стоялъ безъ шляпы. Не помню, что я сказалъ ему на это, но вѣрнѣе всего, что я ничего не сказалъ. Когда преосвященный вошелъ въ мою квартиру, его встрѣтила моя семья. Раздѣвшись въ передней, онъ вошелъ въ пріемную, помолился къ иконамъ и, обратившись къ моей женѣ, спросилъ:

— „Ну, матушка, гдѣ позволите садиться?“

Мы попросили его на диванъ. Усѣвшись на нашемъ простенькомъ диванѣ, онъ прежде всего *попросилъ позволеніе* снять свой клобукъ и положилъ его на сосѣдній стулъ.

— „Ну, какъ же вы поживаете?“ спросилъ владыка.

— „Ничего, слава Богу!“ отвѣчалъ я.

Между тѣмъ преосвященный, окинувъ взоромъ нашу квартиру, нашелъ, что она очень плоха: комнаты наши называлъ „курниками“, окна нашелъ маленькими, обои—плохими и т. д.

Преосвященный пробылъ у насъ около двухъ часовъ и положительно очаровалъ насъ своимъ простымъ и сердечнымъ обращеніемъ.

Здѣсь же разъяснзлась и цѣль его пріѣзда ко мнѣ. Ему не понравились тогдашнія Епархіальныя Вѣдомости. „Въ нихъ все идетъ рѣчь только о крупѣ да о пшенѣ для епархіальнаго училища“,—сказалъ онъ; „а мнѣ хотѣлось бы дать что-нибудь духовенству и для чтенія. Я вотъ что хочу сдѣлать— не знаю, какъ вы на это смотрите: редакцію я хочу передать въ семинарію. Редакторомъ назначимъ ректора; Истоминъ (инспекторъ семинаріи) беретъ на себя обзоръ текущихъ церковныхъ событій въ Россіи; а вы, говорятъ, хорошо знаете новѣйшіе иностранные языки; на васъ мы свалимъ обзоръ иностранной релігіозной жизни. Согласны? Если согласны, такъ и по рукамъ“...

Я, конечно, изъявилъ охотно свое согласіе. Владыка былъ доволенъ; приказалъ мнѣ представить списокъ тѣхъ иностранныхъ періодическихъ изданій, которыя я хотѣлъ бы получать; но онъ былъ пріятно удивленъ, когда послѣ нѣмецкихъ и французскихъ изданій я назвалъ ему сербскія, болгарскія и чешскія...

— „Да развѣ вы понимаете по—сербски и по—болгарски?“ спросилъ онъ.

— „Да, владыко, отвѣчалъ я, я славянскія нарѣчія знаю“.

— „Гдѣ же вы ихъ изучали?“

— „Въ московской духовной академіи“.

— „Неужели ихъ преподають въ нашихъ академіяхъ?“ спросилъ онъ. „За мое время этого не было“.

— „Да, ваше преосвященство, отвѣчалъ я,—“ и хорошо преподають, такъ что студенты научаются свободно понимать книги и журналы, издающіеся на славянскихъ нарѣчіяхъ“.

— „Это—очень хорошо, замѣтилъ преосвященный; теперь въ Болгаріи, Богъ знаетъ, что дѣлается, и намъ нужно слѣдить за этимъ. Пишите, всему рады будемъ. А теперь вотъ что: 15-го вечеромъ, у меня будутъ ректоръ и инспекторъ семинаріи,—пріѣзжайте, потолкуемъ о будущемъ изданіи. Надо поставить дѣло такъ, чтобы не ударить лицомъ въ грязь“...

Послѣ этого, пожелавъ намъ всякаго благополучія и благословивъ всѣхъ членовъ моей семьи, въ томъ числѣ даже и прислугу, владыка уѣхалъ домой. Было 8 часовъ вечера.

15-го ноября въ 6 часовъ вечера я былъ на засѣданіи у владыки. На этомъ засѣданіи, въ которомъ, кромѣ владыки, присутствовали ректоръ семинаріи, протоіерей Михаилъ Разногорскій, инспекторъ К. Е. Истомина и я, были выработаны правила, которыми должна руководиться новая редакція Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Всѣ наши труды въ этомъ засѣданіи ограничились тѣмъ, что я записывалъ на бумагу то, что диктовалъ владыка, а ректоръ и инспекторъ слушали и одобряли то, что было диктовано. Черезъ нѣсколько дней „правила“ эти были переписаны на—бѣло въ архіерейской канцеляріи и на основаніи ихъ 29 ноября преосвященный далъ консисторіи слѣдующее предложеніе:

„Изданіе Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей съ будущаго 1883 года поручается ректору харьковской духовной семинаріи, протоіерею Михаилу Разногорскому, на слѣдующихъ основаніяхъ.

„1. Ректоръ, протоіерей Разногорскій назначается редакторомъ Епархіальныхъ Вѣдомостей и въ помощь ему въ качествѣ обязательныхъ сотрудниковъ къ составу редакціи присоединяются преподаватели семинаріи: исправляющій должность инспектора Истоминыхъ, Вещуровъ и Извольскій.

„2. Епархіальныя Вѣдомости будутъ съ 1883 года выходить по прежней программѣ еженедѣльно по воскреснымъ днямъ въ количествѣ 52 №№ въ годъ, не менѣе двухъ печатныхъ листовъ въ каждомъ. На отдѣлъ литературный будетъ обращено особенное вниманіе.

„3. Цензоромъ изданія по—прежнему остается каѳедраальный протоіерей Тимоѳей Павловъ.

„4. Цѣна годовому изданію Епархіальныхъ Вѣдомостей по случаю увеличенія ихъ объема назначается 6 руб.: а съ доставкой на домъ въ г. Харьковѣ и съ пересылкою 7 руб.

„5. Выписывать Епархіальныя Вѣдомости на церковныя суммы обязательно должны всѣ монастыри, соборы и приходскія церкви епархіи, не исключая и приписныхъ, гдѣ изданіе можетъ быть полезно для школъ, ихъ учителей и прихожанъ.

„6. Деньги за изданіе отъ церквей чрезъ благочинныхъ должны быть высылаемы въ редакцію на имя ректора семинаріи полностію, безъ вычета въ пользу епархіальнаго женскаго училища, причѣмъ для возмѣщенія недостающей для училища суммы будутъ найдены другіе источники.

7. При семъ предлагается духовенству епархіи принять участіе въ изданіи доставленіемъ въ редакцію своихъ сочиненій, корреспонденцій и всякаго рода свѣдѣній полезныхъ для духовенства и народа. О такихъ сотрудникахъ редакція будетъ обязана ежегодно докладывать епархіальному начальству и на эти труды будетъ обращено особенное вниманіе.

8. Относительно веденія дѣла со стороны редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей мною утверждены особыя правила, которыя и даны ей для руководства.

„Предлагаю харьковской духовной консисторіи объявить о семъ по епархіи до окончанія сего года не только чрезъ припечатаніе въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, но и особыми циркулярами чрезъ благочинныхъ. Затѣмъ всѣ офіціальные сообщенія, какія консисторія сочтетъ нужнымъ печатать въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, посылать въ новую редакцію“.

На меня лично не было возложено никакой офіціальной обязанности по изданію Епархіальныхъ Вѣдомостей подъ предлогомъ дальнаго разстоянія моей церковной квартиры отъ семинаріи. Впослѣдствіи, впрочемъ, преосвященный открылъ мнѣ и истинную причину этого обстоятельства. На обязательныхъ сотрудниковъ были возложены хлопоты и мелочныя заботы—административныя и хозяйственныя—по изданію; а владыка не хотѣлъ связывать меня такими хлопотами, чтобы не отнимать у меня времени для литературныхъ трудовъ. Такъ онъ поступалъ по отношенію ко мнѣ и впослѣдствіи. Когда протоіерей о. І. В. Вертеловскій оставилъ должность члена консисторіи, владыка очень затруднялся вріисканіемъ кандидата на его мѣсто.

— „Другой архіерей вамъ бы предложилъ эту должность“, сказалъ онъ мнѣ,—„но мнѣ васъ жаль развлекать этою безжизненною канцелярщиною, которая однако-же поглощаетъ очень много времени. Ваши литературные труды принесутъ больше пользы. Я очень благодаренъ митрополиту Филарету: такъ онъ меня берегъ, такъ берегу и я васъ“...

Тѣмъ не менѣе съ половины ноября 1882 года преосвященный Амвросій не только духовно, внутренно, своимъ умомъ и сердцемъ привязалъ меня къ себѣ, но также и внѣшнимъ образомъ. Онъ *просилъ* меня (да, именно—*просилъ*, хотя его кроткая *просьба* всегда была для меня нравственно-обязательнымъ приказаніемъ) бывать у него каждую субботу въ одиннадцать часовъ утра.

— „Въ это время я имѣю обыкновеніе отдыхать отъ чтенія консисторскихъ дѣлъ и другихъ занятій по епархіи; пью чай; къ этому же времени ко мнѣ будутъ съѣзжаться и члены новой редакціи—ректоръ и инспекторъ семинаріи,—и вы будете сообщать намъ, что новаго и интереснаго встрѣтите въ иностранныхъ газетахъ и журналахъ“...

— „А если, ваше преосвященство, ничего интереснаго я не встрѣчу?“ спросилъ я.

— „Тогда чаю напьетесь съ нами; послушаете, о чемъ мы будемъ говорить; быть можетъ, отъ насъ услышите, что нибудь интресное. Теперь жизнь движется быстро. Вопросы возникаютъ одинъ за другимъ, и намъ нельзя къ нимъ не прислушиваться“.

Собранія свои онъ обыкновенно называлъ „чаепитіями“, а участниковъ—„чаепійцами“, „субботниками“. На этихъ „чаепитіяхъ“ владыка держалъ себя всегда чрезвычайно просто, радушно, бесѣдовалъ съ откровенностію, непринужденностію. Предметомъ бесѣдъ было всегда обсужденіе общихъ вопросовъ изъ русской или иностранной жизни. Здѣсь же были обсуждаемы часто дѣла редакціи новыхъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, а впоследствии—и журнала „Вѣры и Разума“; особенно часто были обсуждаемы достоинства и недостатки статей, поступавшихъ въ редакцію для напечатанія. Съ другой стороны владыка любилъ, чтобы и его „чаепійцы“ держали себя просто, откровенно, искренно, излагали свои мнѣнія свободно.

Здѣсь, мнѣ кажется, у мѣста очертить нравственный обликъ въ Бозѣ почивающаго архипастыря и представить его powerful для насъ характеристику. Но—да простятъ мнѣ читатели, что ради этого я долженъ оставить на нѣкоторое время принятый мною хронологическій порядокъ изложенія и для подтвержденія того, что будетъ мною сказано, буду обращаться къ фактамъ изъ различныхъ годовъ служенія преосвященнаго Амвросія въ харьковской епархіи.

Насколько я могъ узнать преосвященнаго Амвросія въ теченіе 19-ти лѣтъ его управленія харьковскою епархіею, онъ былъ человекъ глубоко религіозный и преданнѣйшій сынъ Православной Церкви; онъ искренно вѣровалъ въ промысленіе Божіе о мірѣ и человекѣ. И его вѣра была свѣтлая, чистая, разумная. Не себѣ, а Богу онъ обыкновенно приписывалъ не только свои дѣла, но и свои благія мысли. „Богъ положилъ на сердце“, „Богъ внушилъ“, „Богъ помогъ“, „съ помощію Божіею“—эти выраженія постоянно слышались въ его рѣчахъ и бесѣдахъ. Его келейныя молитвы были весьма про-

должительны; послѣ утренней молитвы онъ неопустительно каждый день читалъ Евангеліе и святоотеческія творенія, чаще всего творенія св. Іоанна Златоуста. На богослуженіяхъ, особенно во время совершенія божественной литургіи онъ всегда былъ внутренно сосредоточенъ и какъ бы не замѣчалъ, что происходило вокругъ него. Если случалось какое-либо замѣшательство среди сослужащихъ, онъ не обращалъ на него вниманія. Богослуженія онъ совершалъ чинно, истово, благоговѣйно и, такъ сказать, сановито. „По служенію Амвросія, говорили сослужившіе съ нимъ, можно часы провѣрять“. Онъ не любилъ, когда пѣвчіе затягивали какія-либо пѣснопѣнія, но не терпѣлъ и поспѣшности. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ страдалъ болѣзнію ногъ и жаловался, что ему трудно выстаивать продолжительныя всеобщія бдѣнія.

— „Да, вѣдь можно бы, владыко, всеобщія нѣсколько, сократить“,—сказалъ я ему. Когда былъ въ Харьковѣ преосвященный Макарій и однажды пѣвчіе слишкомъ тянули всеобщее бдѣніе, я слышалъ, какъ онъ говорилъ регенту: „молитва—дѣло чувства, а чувства продолжительными не бываютъ“... ¹⁾.

— „Нѣтъ, сказалъ преосвященный Амвросій, общественная молитва—есть дѣло церковнаго устава“...

Впрочемъ, иногда, въ дни крайней усталости и болѣзни, онъ вынужденъ былъ допустить и упрощенныя всеобщія бдѣнія. Но чтобы не подавать никому соблазна, такія всеобщія были совершаемы для него не въ церкви, а въ его собственныхъ покояхъ.

При всемъ своемъ величіи и торжественности, священнослуженія преосвященнаго Амвросія отличались чудною простотою и безыскусственностію. Онъ не любилъ ничего бьющаго на эффектъ и дѣланность. Большой знатокъ и любитель цвѣтовъ у себя дома и въ своемъ дачномъ саду, онъ не терпѣлъ ихъ въ храмѣ и въ особенности—въ алтарѣ. Съ самаго начала управленія своею харьковскою епархіею онъ сталъ преслѣдовать украшенія гробовъ умершихъ цвѣтами и растеніями въ храмѣ и возложеніе вѣнковъ на гроба. Осуждалъ онъ широко распространенный въ харьковской епархіи обычай

¹⁾ Весьма сомнительно, чтобы приписываемыя авторомъ Преосв. Макарію слова, имъ были сказаны на Всеобщ. бдѣніи. *Примѣч. цензора.*

искусственно украшать плащаницу огромнымъ деревяннымъ крестомъ, лѣстницею съ пѣтухомъ, тростию, терновымъ вѣнкомъ и т. п.

— „Это—обычай у васъ католическій“,—говорилъ онъ.

Молитвы онъ произносилъ просто и благоговѣнно. Не любилъ онъ, когда нѣкоторые священники, при чтеніи молитвъ, ломали свой языкъ и рисовались московскимъ выговоромъ, произнося о съ удареніемъ, какъ а, г—какъ латинское g. Въ этомъ случаѣ онъ дѣлалъ замѣчаніе даже и заслуженнымъ протоіереямъ. Къ сожалѣнію, голосъ у него былъ всегда слабъ, а потому и служилъ онъ тихо. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ очень скорбѣлъ о томъ, что у него былъ „перебитъ“ языкъ, такъ что онъ не могъ читать громко ни молитвъ, ни Евангелія.

Какъ истинно-русскій человѣкъ, преосвященный Амвросій безпредѣльно любилъ Россію и съ благоговѣніемъ преклонялся не только предъ волею, но и самымъ именемъ русскихъ императоровъ, какъ истинныхъ помазанниковъ Божіихъ; но въ особенности благоговѣнно чтилъ онъ въ глубинѣ своей души императора Александра III. Преждевременная кончина этого государя сильно потрясла его. Ему казалось всегда недостаточнымъ именовать Александра III—„Царемъ—Миротворцемъ“; самъ онъ называлъ его обыкновенно „Спасителемъ Россіи“. Любовь къ Россіи и благоговѣніе предъ русскими самодержцами навсегда опредѣлили характеръ его проповѣднической дѣятельности и создали ему множество враговъ; въ этомъ случаѣ онъ утѣшалъ себя мыслию о томъ, что это были враги его не личные, а враги его міровоззрѣнія: его врагами были враги безпредѣльно любимой имъ Россіи и Православной Церкви. Онъ радовался усиленію могущества Россіи; но скорбѣлъ, когда поклонники запада и либералы старались расшатать коренныя основы ея. Любя Россію, онъ любилъ и всѣхъ истинно-русскихъ людей. Но въ особенности онъ благоговѣлъ предъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевымъ, и именно—потому, что признавалъ его вѣрнѣйшимъ слугою русскихъ самодержцевъ, преданнѣйшимъ сыномъ Православной Церкви и истинно-русскимъ человѣкомъ. Когда незадолго

предъ кончиною до него дошелъ слухъ о томъ, что оберъ-прокуроръ Св. Синода будто бы намѣренъ выйти въ отставку, онъ, тяжело вздохнувъ, произнесъ съ глубокою скорбію:

— „Это будетъ истиннымъ горемъ для Россіи и Церкви“.

Частная жизнь преосвященнаго Амвросія отличалась поразительною скромностію и простотою. Онъ обыкновенно вставалъ въ 4 часа утра, рѣдко—въ 5. Послѣ молитвы, прочитавъ главу Евангелія, онъ тотчасъ садился за работу и работалъ до 11-ти, а въ послѣдніе годы до 10-ти часовъ утра. Въ это время онъ обыкновенно писалъ свои проповѣди или письма къ знакомымъ. Свободное время посвящалъ чтенію газетъ и журналовъ. Онъ получалъ всѣ духовные журналы, издавашіеся въ Россіи и внимательно читалъ ихъ. Изъ свѣтскихъ періодическихъ изданій онъ постоянно читалъ „Московскія Вѣдомости“, „Южный Край“, „Ниву“, „Русскій Вѣстникъ“ и „Историческій Вѣстникъ“. Выдающіяся произведенія русскихъ писателей были всегда предметомъ его особеннаго вниманія. Громадную книгу Шильднера „Павелъ I“ онъ прочелъ въ три дня за недѣлю до постигшаго его удара. Русскую литературу онъ зналъ прекрасно; но по чистотѣ, точности, изящности языка выше всѣхъ русскихъ писателей ставилъ Крылова и Грибоѣдова. За Лермонтовымъ онъ признавалъ большее поэтическое дарованіе, чѣмъ за Пушкинымъ. Отъ 11 до 12-ти часовъ дня преосвященный Амвросій давалъ себѣ отдыхъ; въ это время у него происходило „чаепитіе“, къ которому могли собираться его „чаепійцы“, имѣвшіе къ нему какое-либо дѣло. Отъ 12-ти до часу онъ разбиралъ почту и принималъ официальныхъ посѣтителей; въ часъ дня обѣдалъ. Его обѣдъ былъ настолько скромнъ, что болѣе роскошный столъ можно было встрѣтить въ домѣ сельскаго священника; не всегда подавалась на столъ даже простая рыба—судакъ; любимымъ кушаньемъ его была жидкая молочная каша изъ смоленскихъ крупъ и овсяный кисель. Только въ томъ случаѣ, когда у него обѣдали изрѣдка посторонніе или родные, къ обѣду подавалась какая либо красная рыба и соленая закуска. Во время обѣда преосвященный Амвросій выпивалъ небольшую рюмку Губонинской мадеры. Послѣ обѣда отъ 3 до 5-ти часовъ онъ отдыхалъ

въ креслѣ, читая газету или какую либо книгу, и иногда въ такомъ положеніи засыпалъ легкимъ сномъ. Впрочемъ, когда отъ чувствовалъ особенную усталость, онъ въ это время прямо ложился въ постель. Въ 5 часовъ вечера онъ пилъ чай и потомъ садился за работу. Вечерами онъ читалъ главнымъ образомъ рукописныя статьи, присланныя авторами въ редакцію „Вѣры и Разума“ для напечатанія; этотъ трудъ онъ оставилъ только тогда, когда вынули у него лѣвый глазъ и сталъ замѣтно слабѣть правый. Отъ 8 до 9 часовъ вечера онъ гулялъ на свѣжемъ воздухѣ; въ 9 часовъ становился на молитву, а часовъ въ 10 или 11 ложился въ постель. Такой порядокъ дня былъ соблюдаемъ строго и нарушался только по какимъ либо особымъ обстоятельствамъ.

Съ простотою жизни у преосвященнаго Амвросія вполне гармонировала и простота въ его обращеніи съ другими, соединенная съ его общедоступностію и деликатностію. Онъ былъ доступенъ каждому и во всякое время. Келейникамъ было сдѣлано имъ распоряженіе докладывать о посѣтителяхъ и просителяхъ тотчасъ по ихъ приходѣ; вслѣдствіе этого не успѣешь — бывало оправить волосъ, какъ уже въ залу выходитъ на встрѣчу самъ владыка. Сельскіе священники, діаконы, псаломщики и крестьяне являлись къ нему и въ пять часовъ утра и въ девять часовъ вечера. Священниковъ, за исключеніемъ штрафованныхъ и находившихся подъ судомъ, онъ принималъ обыкновенно въ залѣ, пригласивъ напередъ въ кресло; очень многихъ изъ нихъ онъ принималъ въ гостинной и, если они являлись къ нему во время его „чаепитія“, онъ угощалъ чаемъ, спрашивая ихъ, между прочимъ, объ ихъ житіѣ, семействѣ, состояніи прихода и т. п. Однажды я былъ у преосвященнаго по какому то важному дѣлу; когда мы разговаривали въ гостинной, вошелъ его келейникъ Николай и сказалъ:

— „Мужикъ пришелъ—съ“.

— „Сейчасъ выйду“, сказалъ преосвященный.

Но разговоръ увлекъ его и онъ не выходилъ къ просителю еще около четверти часа. Николай снова вошелъ и уже съ упрекомъ сказалъ:

— „Вы здѣсь сидите, разговариваете себѣ, да чай пьете, а мужикъ ждетъ“.

— „Ахъ, и забылъ“, сказалъ владыка и тотчасъ вышелъ къ просителю.

Такого простого и гуманнаго обращенія съ просителями и подчиненнымъ духовенствомъ преосвященный Амвросій никогда не ставилъ себѣ въ заслугу, а объяснялъ просто „духомъ времени“. Однажды благочинный харьковскихъ градскихъ церквей, протоіерей П. Т. П—въ въ присутствіи преосвященнаго рассказывалъ, какъ предъ архіепискомъ Филаретомъ духовенство буквально „припадало къ стопамъ“ владыки и какъ вообще Филареть грубо обращался съ духовенствомъ.

— „Что-жь?“ сказалъ преосвященный Амвросій. „То было время такое. Тогда, быть можетъ, и я поступалъ бы такъ же, какъ Филареть“.

Духовенству харьковской епархіи покойный владыка разрѣшилъ являться къ нему запросто, т. е., безъ орденовъ и даже безъ камилавки, называть его не „ваше высокопреосвященство“, а простымъ словомъ—„владыка“. Одинъ разъ былъ такой случай. Изъ окна своей столовой владыка увидѣлъ гуляющимъ по саду епархіальнаго миссіонера Д. И. Б—ва и тотчасъ велѣлъ келейнику позвать его. Миссіонеръ вошелъ въ архіерейскіе покои и сталъ извиняться, что онъ въ пиджакѣ, а не во фракѣ. „А развѣ во фракѣ вы умнѣе?“ спросилъ преосвященный? Въ другой разъ въ Святогорской пустынѣ исправникъ и приставъ просили владыку чрезъ ключаря дозволить имъ быть на литургіи не въ мундирахъ, а въ кителяхъ. „Лишь бы не были совсѣмъ безъ платья“, сказалъ владыка.

Съ простотою и гуманностію у преосвященнаго Амвросія чуднымъ образомъ соединялись рѣдкое смиреніе и кротость. О своихъ заслугахъ, трудахъ и дарованіяхъ онъ былъ крайне не высокаго мнѣнія. Онъ не написалъ ниодной проповѣди, которою бы самъ оставался вполне доволенъ. Прежде чѣмъ отдать въ печать написанную проповѣдь, онъ приглашалъ къ себѣ меня и инспектора семинаріи К. Е. Истомина въ качествѣ своихъ „критиковъ“. Но всѣ наши обязанности состояли лишь въ томъ, что я читалъ, а Истоминъ слушалъ всегда, по обыкновенію, прекрасно написанную проповѣдь.

Преосвященнымъ Амвросіемъ очень много сдѣлано, какъ увидимъ ниже, для улучшенія мѣстной семинаріи, трехъ мужскихъ духовныхъ училищъ и епархіальнаго женскаго училища, для сиротъ и вдовъ духовенства и т. д. Но когда кто либо заговаривалъ съ нимъ объ этомъ, онъ обыкновенно отвѣчалъ:

— „Нѣтъ, нѣтъ, это—все ректоръ, Буткевичъ, начальница... Они у меня люди умные, работающіе; а я лишь сижу да на ихъ докладахъ пишу: „утверждается“. Въ этомъ—всѣ мои заслуги“.

На самомъ дѣлѣ, безъ его указаній и руководства, не были приводимы въ исполненіе даже мелочи. Онъ самъ разрабатывалъ планы зданій, самъ изыскивалъ средства, руководилъ всѣми работами, лазилъ по лѣсамъ трехъ-этажныхъ строеній и т. д.

— „Гдѣ же вы деньги берете?“ спрашивали его.

— „Деньги? О, это—пустяки! Мы съ Буткевичемъ дѣлаемъ ихъ по ночамъ, когда время свободнѣе“, шутилъ—бывало владыка.

Личныя оскорбленія преосвященный Амвросій переносилъ съ удивительною кротостію. Вотъ примѣръ. Діаконъ К—скій, по своему крайне дерзкому и неуживчивому характеру, много разъ былъ лишаемъ мѣста по суду консисторіи. Однажды лѣтомъ онъ является на архіерейскую дачу—„Всесвятское“ и подаетъ преосвященному прошеніе, наполненное дерзкими и оскорбительными для него выраженіями. Прочитавъ прошеніе, владыка сказалъ:

— „Ты, должно быть, не самъ писалъ это прошеніе и не знаешь, что въ немъ написано“.

— „Нѣтъ, самъ“, отвѣтилъ діаконъ.

— „Но еслибы это прошеніе было отправлено въ Синодъ, тебя сана лишили бы“, замѣтилъ преосвященный.

— „Сана? Сана?“ закричалъ всплывшій діаконъ. „Не нуженъ онъ мнѣ!“ И съ этими словами онъ сорвалъ съ себя рясу и бросилъ въ преосвященнаго.

Ряса была отправлена въ консисторію вмѣстѣ съ прошеніемъ, на которомъ была написана такая резолюція: „На разсмотрѣніе консисторіи; но оскорбительныя для меня лично выраженія не должны быть предметомъ обсужденія“.

Будучи удивительно деликатнымъ, скромнымъ и кроткимъ, преосвященный былъ въ высшей степени справедливъ и твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Никакое постороннее вліяніе на него не было мыслимо; добрыя личныя отношенія въ этомъ случаѣ теряли въ его глазахъ всякое значеніе. Нерѣдко бывало, подавая ему журналъ Совѣта епархіальнаго женскаго училища, я рѣшался указать ему, чѣмъ было вызвано какое—либо постановленіе. Но владыка всегда перебивалъ меня словами: — „Ну, это я послѣ самъ разсмотрю“.

Желаніе быть справедливымъ и безпристрастнымъ иногда вызывало въ немъ даже чувство недовѣрія и подозрительности. Особенно онъ относился подозрительно къ различнаго рода ходатайствамъ за другихъ. Онъ признавалъ законнымъ лишь ходатайство родителей за дѣтей, дѣтей за родителей, ректора семинаріи за его воспитанниковъ и начальницы епархіальнаго женскаго училища за ея воспитанницъ. Всякія другія ходатайства онъ считалъ не заслуживающими вниманія и относился къ нимъ не только съ подозрѣніемъ но и съ крайнимъ нерасположеніемъ.

Однажды, въ моемъ присутствіи, дальній родственникъ его—молодой священникъ вздумалъ просить его по какому-то дѣлу за своего товарища по семинаріи. Владыка, до того времени весьма благодушный и находившійся въ хорошемъ расположеніи духа, мгновенно измѣнился; даже лицо его стало недобрымъ.

— „Ты кто такой? Ты кто такой? грозно и взволновано обратился онъ къ ходатаю. „Кто тебѣ далъ право ходатайствовать за другихъ? Ты зазнаешься, зазнаешься?“...

И ходатай, и я чувствовали себя въ крайне неудобномъ положеніи.

Другой подобный случай былъ со мною. Однажды мы съ женою поѣхали къ владыкѣ на дачу „Всесвятское“. Владыка, по обычаю, принялъ насъ радушно,—шутилъ даже. Но когда поданъ былъ чай, онъ серьезно заговорилъ со мною о своемъ затрудненіи.

— „Горе мнѣ съ Павловками ¹⁾, сказалъ онъ. Болѣе полу-

¹⁾ Слобода въ Сумскомъ уѣздѣ, наполненная толстовцами.

года вакансія второго священника незанята. Просилъ ректора найти семинариста; самъ предлагаю каждому являющемуся ко мнѣ окончившему курсъ въ семинаріи. Не хотятъ! Боятся толстовщины. Старшій священникъ хорошъ и удачно борется съ толстовцами. Но ему нуженъ помощникъ по приходу для исправленія требъ. Я бы не прочь назначить туда священника даже изъ дьяконовъ; не знаете ли вы въ епархіи какого либо дьякона хорошаго, некорыстнаго, благоговѣйнаго?“

Подумавъ, я назвалъ одного діакона.

— „А онъ вамъ родственникъ?“ спросилъ владыка.

— „Нѣтъ, онъ мнѣ не родственникъ“, сказалъ я и замолчалъ.

Въ первое время, по прибытіи преосвященнаго Амвросія въ Харьковъ, его закидали анонимными письмами. Но анонимнымъ доносамъ онъ никогда не придавалъ никакого значенія. „Кто швыряетъ изъ-за угла и прячетъ свое рыло, тотъ не заслуживаетъ довѣрія!“ говорилъ онъ. Получивъ какое бы то ни было письмо, онъ обыкновенно, распечатавъ его, прежде всего смотрѣлъ на подпись, и если на письмѣ не было никакой подписи, онъ тотчасъ, не читая его, разрывалъ на четыре части и съ словами: „въ корзину!“ бросалъ его подъ столъ. „Если ужъ читать анонимныя письма, говорилъ онъ однажды, то читать ихъ нужно непременно наизуотъ“. И дѣйствительно, онъ иногда поступалъ такимъ образомъ. До назначенія его на харьковскую кафедру настоятелемъ Ряснянскаго монастыря былъ человекъ хорошій, но хозяинъ плохой. Владыка его уволилъ и на его мѣсто, по рекомендаціи святогорскаго архимандрита, назначилъ іеромонаха Дезидерія—строгаго по жизни монаха и хорошаго хозяина. Недѣли двѣ спустя послѣ этого, онъ получаетъ анонимное письмо, въ которомъ всячески чернилъ новый настоятель монастыря. Прочитавъ это письмо, владыка перекрестился и сказалъ: „Ну слава Богу! значитъ, Дезидерій дѣйствительно хорошій человекъ!“

Преосвященный Амвросій никогда не совѣстился сознаться въ сдѣланной ошибкѣ и открыто говорилъ объ этомъ чуть ли не каждому. Мало того, если по сдѣланной ошибкѣ онъ причинялъ кому либо непріятность, онъ заглаживалъ ее сугубою любовію.

Былъ такой случай. Ректоръ семинаріи—протоіерей просилъ преосвященнаго предоставить одному изъ бывшихъ его учениковъ священническое мѣсто въ хорошемъ селѣ. Владыка обѣщаль; но потомъ отдалъ это мѣсто другому просителю, болѣе заслуженному, чѣмъ тотъ, за котораго ходатайствовалъ ректоръ. Ректоръ, узнавъ объ этомъ, явился къ преосвященному „съ тѣмъ, чтобы объясниться съ нимъ“.

— „Вы меня сдѣлали лжецомъ предъ моими учениками!“ говорилъ онъ. „Мнѣ больше вѣрить не будутъ! Мой авторитетъ подорванъ. Въ глазахъ семинаристовъ я сталъ тряпкой“!...

Владыка хладнокровно успокаивалъ его. Но ректоръ ушелъ отъ него всетаки раздраженнымъ. Прошла недѣля,—ректоръ не являлся къ преосвященному; прошла другая недѣля,—то же. Журналы семинарскаго правленія и свои рапорты ректоръ присылалъ къ преосвященному чрезъ канцелярію.

— „Ректоръ сердитъ на меня“, сказалъ мнѣ послѣ этого преосвященный. „Нужно съѣздить къ нему—примириться: онъ правъ, а я виноватъ кругомъ. Онъ—человѣкъ хорошій: прямой и откровенный“...

И дѣйствительно, преосвященный Амвросій ѣздилъ къ ректору „для примиренія“.

— „Только своимъ пріѣздомъ ко мнѣ,—говорилъ мнѣ впоследствии ректоръ, онъ поднялъ мой авторитетъ въ глазахъ семинаристовъ. А я уже думалъ-было бросить семинарію“.

Припоминаю и я болѣе десяти случаевъ, когда, вызванный, впрочемъ, самимъ преосвященнымъ Амвросіемъ, я осмѣливался говорить ему правду въ глаза, доказывать несправедливость его мнѣнія или погрѣшность принятаго имъ рѣшенія. Съ полнымъ спокойствіемъ онъ выслушивалъ меня; никогда сразу не соглашался со мною; но, послѣ продолжительнаго обдумыванія и неоднократныхъ бесѣдъ со мною и другими по затронутому вопросу, нерѣдко онъ оказывался отъ своего мнѣнія и измѣнялъ свое рѣшеніе, причемъ всегда благодарилъ, что ему раскрыли правду и не допустили до ошибки.

Готовый охотно сознавать свои ошибки, всегда извинявшійся за сдѣланную неволью неприятность, съ любовію шедшій къ примиренію, преосвященный Амвросій не терпѣлъ въ под-

чиненномъ ему духовенствѣ заносчивости, упорства, гордости, непочтительности и неповиновенія. Онъ многое могъ простить провинившемуся, но „гордыни“—никогда. По его мнѣнію, гордость есть сильнѣйшее проявленіе испорченной воли. Діаконъ А—въ, по неуживчивости, нѣсколько разъ былъ лишаемъ мѣста. Однажды онъ былъ даже низведенъ, въ видѣ наказанія, на должность псаломщика. Вмѣсто того, чтобы отправиться на назначенное ему мѣсто псаломщика, онъ явился къ преосвященному съ прошеніемъ о рукоположеніи его во священника. Прочитавъ прошеніе, владыка только пожалъ плечами.

— „Да что же я такое?“ сказалъ діаконъ. „Худшихъ меня вы посвятили во священники. Я не пью, не курю“...

— „И діаволь, другъ мой, не пьетъ и не куритъ,—сказалъ ему преосвященный Амвросій,—да что съ нимъ подѣлаешь! Ты—гордецъ и гордыня губитъ тебя. Иди!“

Кто указывалъ преосвященному Амвросію въ прошеніи или на словахъ на свои заслуги и достоинства, тотъ все терялъ въ его глазахъ. Неоднократно преосвященный разсылалъ даже циркулярныя предложенія своему духовенству, въ которыхъ онъ осуждалъ ненавистную ему „гордыню“ и требовалъ, чтобы діаконы и псаломщики были почтительны къ своимъ священникамъ, а священники—къ благочиннымъ и т. д.

Поражали меня всегда въ преосвященномъ Амвросіи необычайная энергія, удивительное трудолюбіе и добросовѣстное отношеніе къ самымъ, по видимому, незначительнымъ дѣламъ. Опъ все хотѣлъ дѣлать самъ. Журналы консисторіи, семинарскаго и училищныхъ правленій и совѣта епархіальнаго женскаго училища онъ всегда читалъ съ такимъ вниманіемъ, что даже поправлялъ грамматическія ошибки писцовъ; такъ же внимательно читалъ онъ и поступавшія къ нему отъ разныхъ лицъ прошенія. Кромѣ того съ особеннымъ вниманіемъ онъ читалъ въ рукописяхъ всѣ многочисленныя статьи, которыя были присылаемы въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“ и дѣлалъ на нихъ свои поправки, причемъ читалъ не только всѣ тѣ статьи, которыя были печатаемы, но и тѣ, которыя во множествѣ были возвращаемы авторамъ; самъ держалъ корректуру своихъ проповѣдей, постоянно писалъ, неопустительно

совершалъ богослуженія по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, принималъ ежедневно множество просителей и постытителей во всякое время дня, два раза въ годъ обзрѣвалъ епархію, посѣщалъ учебныя заведенія и присутствовалъ на экзаменахъ не только въ духовныхъ, но и въ свѣтскихъ школахъ, внимательно слѣдилъ за строеніями церквей, председательствовалъ во многихъ комитетахъ и комиссіяхъ и т. д. и т. д. Близко знавшія его лица только удивлялись,—гдѣ у него брались время и силы, что бы работать такъ, какъ онъ работалъ.

Протоіерей Т. Буткевичъ.

(Продолженіе будетъ).

Участіе русскаго духовенства и монашества въ развитіи единодержавія и самодержавія въ Московскомъ государствѣ въ концѣ XV и первой половинѣ XVI в.в.

(Продолженіе *).

III.

Положеніе, права и обязанности Государей Московскихъ, какъ замѣстителей православныхъ Византійскихъ царей.

Въ XV вѣкѣ, подѣ влияніемъ политическихъ успѣховъ Москвы, возростало и ея политическое самочувствіе и церковное самосознаніе. Москва стала тяготиться своею церковною зависимостію отъ Константинополя. Постоянная смѣна (въ первой половинѣ указаннаго вѣка) митрополитовъ на Руси, низведеніе однихъ, избраніе другихъ и совмѣстное назначеніе нѣсколькихъ—все это краснорѣчиво свидѣтельствовало, какими интересами (матеріальными) руководились въ такихъ случаяхъ въ греческой столицѣ и возбуждало сильныя сомнѣнія въ законности существующихъ отношеній. Къ этому присоединились такого рода совершившіяся въ самой Византіи церковно-гражданскія событія, которыя весьма значительно поколебали прежде такъ высоко стоявшій авторитетъ грековъ въ глазахъ русскихъ людей. „Суемысленный и богоотверженный“ (какъ называли наши книжники ¹⁾ Флорен-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», за 1892 г. № 11.

¹⁾ См. Стелени. кн., ч. II, стр. 9. Мвтр. Іона назыв. его „окааннымъ и богомерскимъ осмымъ сборищемъ“. См. его окружн. послан. къ Литов. епископамъ въ Русс. Истор. Библиот., т. VI, столб. 622; такое же названіе прилагаетъ къ нему мвтр. Фялиппъ въ посланіи къ Новгородцамъ. Ibid., столб. 729.

тійскій соборъ, провозгласившій единеніе между восточною и западною церквами, въ связи съ неудачнымъ дѣломъ русскаго митрополита Исидора, явившагося съ собора на Русь съ цѣлю и ея „великое православіе—по выраженію митр. Іоны—поддати въ римская законоположенія и ученія“¹⁾, а также немного времени спустя послѣдовавшее паденіе самаго Константинаполя—всѣ эти событія сильно подѣйствовали на церковно-политическое созиданіе Руси, внесли сюда новыя понятія, которыя должны были живѣйшимъ образомъ отразиться на этомъ созиданіи. Какія же, въ частности, перемѣны совершились въ воззрѣніяхъ русскаго общества подъ вліяніемъ сейчасъ указанныхъ событій византійской исторіи?

Провозглашеніе на Флорентійскомъ соборѣ уніи между византійскою и римскою церквами наложило въ умахъ русскихъ людей густую тѣнь сомнѣнія на православіе грековъ. Въ воззрѣніяхъ русскихъ книжниковъ унія повредила греческое православіе; чрезъ нее греки оказались измѣнниками чистой православной вѣрѣ, отступниками отъ истиннаго благочестія, совершили великое преступленіе, такъ-какъ „приложились къ латыномъ“ и сдѣлались общниками ихъ „богоотметной ереси“²⁾. Чистая вселенская истина осталась только на Руси; только она одна является теперь представительницею и хранительницею истиннаго благочестія, и хранимая ею вѣра есть „высшее, великое Христіанство“, „большее, истинное православіе“³⁾. Какъ бы въ подтвержденіе этихъ воззрѣній на Русь и ея православіе, почти вслѣдъ за страшною вѣстію о великомъ преступленіи греческой церкви приходитъ въ Москву новая и еще болѣе страшная вѣсть. Въ 1453 г. греческое царство падаетъ отъ руки „бозбожныхъ агарянъ“; седмихолмный городъ, на которомъ

¹⁾ См. его посланіе къ Литов. владыкамъ, адресованное къ Смолен. еписк. Мисангу. Ibid., столб. 660.

²⁾ См. послан. русскихъ еписк. Литовскимъ о пребываніи въ союзѣ съ митр. Іоною. Русск. Истор. Библіот., т. VI, столб. 633; см. также посланія Іоны къ Литовск. епископамъ. Ibid., столб. 623, 648—649; посл. митр. Филиппа въ Новгородъ. Ibid., столб. 727—729; Полн. Собр. Лѣтоп., т. VI, стр. 167; Никон. Лѣт., ч. V, стр. 136, 146.

³⁾ См. посланія митр. Іоны. Русск. Истор. Библіот., т. VI, столб. 622, 637, 665; Полн. Собр. Лѣтоп., т. VI, стр. 152—153; Никон. Лѣтоп., ч. V, стр. 146.

возсіяло столько благодатей божіихъ, прославленъ былъ и возвеличенъ паче другихъ городовъ, хранимъ былъ Богоматерію во всѣ времена ¹⁾), —этотъ знаменитый городъ становится достояніемъ невѣрныхъ; „на царскомъ престолѣ благороднѣйша суца всѣхъ иже подъ солнцемъ сѣде беззаконный Махметъ“ ²⁾). Естественно, что для сознанія русскихъ книжниковъ это роковое для Византіи событіе являлось не инымъ чѣмъ, какъ результатомъ отступленія ея представителей (царя и патріарха) отъ православной вѣры, Божіимъ наказаніемъ за это именно ихъ преступленіе ³⁾). Это пощущенная отъ Бога за измѣну православію и совершенная рукою „беззаконнаго Махмета“ казнь надъ Византійскимъ царствомъ служила какъ бы новымъ и при томъ неоспоримымъ доказательствомъ мысли о той роли, какая выпадала отселѣ русской державѣ. Теперь казалось несомнѣннымъ, что на лицѣ земли остался одинъ только истинно-христіанскій народъ—святая православная Русь, куда и бѣжала теперь, послѣ паденія Константинополя, вселенская церковь, и гдѣ отнынѣ должны рѣшаться судьбы всего человѣчества ⁴⁾).

Но въ сознаніи русскихъ людей представленіе о православіи неизбѣжно должно было ассоціироваться съ представленіемъ о царѣ, какъ его высшемъ государственномъ блюстителѣ. Примѣръ и вліяніе Византіи необходимо создавали такую ассоціацію. Православная восточно-византійская церковь не могла быть безъ православнаго царя. Здѣсь этотъ царь являлся для церкви, какъ ея *centrum initatis*, разсматривался, какъ общій, поставленный отъ Бога, епископъ, имѣющій особенное поще-

1) Никон. Лѣтоп., ч. V, стр. 258.

2) Степенн. кн., ч. II, стр. 69; Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. VIII, стр. 43.

3) См. Пославія митр. Іоны къ Литов. епископамъ. Русс. Истор. Библиот., т. VI, столб. 623, 648—649; посл. митр. Филиппа въ Новгородъ. *Ibid.* столб. 728—729.

4) По вопросу о византійскомъ преемствѣ, см. статью Архангельскаго: „Образов. и Литер. въ Москов. государствѣ кон. XV—XVII в.в.“ Учен. Зап. Казан. Униввер. 1898 г., кн. 7—8; см. также Икопникова: „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русс. исторіи“. Кіевъ. 1869 г.; Терновскаго: „Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси“, вып. 1—2, Кіевъ 1875—1876 г.; Каптерева: „Характеръ отношеній Россіи къ правосл. Востоку въ XVI и XVII стол.“ М. 1885; проф. Владимірскаго—Буданова: „Обзоръ исторіи русскаго права“. Изд. 2. Кіевъ 1838 г., стр. 143 и дал.

ченіе о церкви Божіей и, при возникновеніи разногласій, учреждающей соборы служителей Божіихъ ¹⁾. Первый вселенскій соборъ въ своей привѣтственной рѣчи императору Константину рельефно проводилъ мысль, что царская власть поставлена Богомъ для водворенія общаго церковнаго мира и для утвержденія истинной вѣры и благочестія ²⁾. Съ чрезвычайною ясностію и силой выражена идея высшей церковной власти императора въ посланіи отцовъ седьмого вселенскаго собора „благочестивѣйшимъ и свѣтлѣйшимъ государямъ Константину и матери его Иринѣ“. „Державнѣйшіе императоры!— писали отцы собора. Славится Глава церкви, Христосъ Богъ нашъ; такъ-какъ хранимое руками Его сердце Ваше произнесло доброе слово и повелѣло намъ собраться во имя Его, чтобы сохранить непоколебимымъ и несокрушимымъ твердое и божественное ученіе церкви... Какъ руководители всего Вашего носящаго Христово имя народа, Вы увѣковѣчили слово истины и изобразили характеръ православія и благочестія, возсіяли для вѣрующихъ, яко свѣтильники, издающіе на всѣ стороны сіяніе, церквамъ, находившимся въ опасности, подали руку помощи, утвердили въ нихъ здоровое ученіе и укрѣпили единомысліе между разномыслящими“ ³⁾. Сообразно такимъ возвышеннымъ взглядамъ представителей церкви на положеніе, права и обязанности императорской власти, и сами византийскіе императоры смотрѣли на себя, какъ на лицъ, которые облечены отъ Бога и царскимъ могуществомъ, и священническимъ попеченіемъ. Въ этомъ именно смыслѣ они иногда называли себя „императорами и священниками“ ⁴⁾, а издавая свои различные законы и постановленія, выражались, что они заповѣдуютъ „divino verbo“, издають „divina praecepta“, „divi-

¹⁾ См. сочин. Евсевія Цамфиза: „О жизни блаженнаго царя Константина“, гл. 44. Сочин. Евсевія Цамфиза, перев. съ греч. при С.-Петербур. дух. акад., изд. 1850 г., т. II, стр. 92.

²⁾ См. Дѣян. вселен. соб. въ русск. перев. Казан. дух. академіи, изд. 1859 г., т. I, стр. 86—87.

³⁾ Дѣян. вселен. соб., т. VII, стр. 613; св. посл. Халквд. (IV вселен.) соб. къ импер. Валентиніану и Маркіану. Ibid, т. III, стр. 666.

⁴⁾ Такъ называлъ себя напр. импер. Левъ Исаврянинъ въ своей перепискѣ съ папою Гргоріемъ II. Ibid, т. VII, стр. 40—41.

nam jussionem“¹⁾). И хотя въ византійскомъ императорскомъ законодательствѣ ясно и точно проводилась идея о правахъ церкви на независимость и широту ея дѣятельности и власть церковная весьма высоко поставлялась въ сферѣ государственной²⁾, но высокій взглядъ государства на права церковной власти нерѣдко существовалъ только въ теоріи; дѣйствительныя же отношенія къ церкви царственныхъ властителей Византіи часто далеко не соответствовали той идеѣ гармоніи и согласія между властями—императорскою и церковною, между царствомъ и священствомъ, какая жила въ сознаниіи самихъ же Византійцевъ: многіе изъ этихъ царей—властителей на дѣлѣ проявляли гораздо больше власти, чѣмъ сколько позволяла имъ церковь въ ея сферѣ³⁾. По свидѣтельству историка Никиты Хониата, византійскіе императоры считали для себя невыносимою обидою, если ихъ не признавали мудрецами, людьми подобными богамъ по виду, героями по силѣ, богомудрыми подобно Соломону, богодухновенными руководителями, вѣрнѣйшимъ правиломъ изъ правилъ, однимъ словомъ—непогрѣшимыми судьями дѣлъ божескихъ и человѣческихъ, установителями догматовъ и судьями, наказывающими тѣхъ, кто не соглашается съ ними⁴⁾.

1) См. объ этомъ у Еписк. Никодима: „Правосл. Церковное Право“, перев. съ сербскаго Петровичемъ, СПБ. 1897 г., стр. 684 и прим. 12.

2) Вотъ какъ напр. опредѣляется взаимоотношеніе императорской и патриаршей власти въ уложеніяхъ императоровъ—Василія I и Льва VI: „государство,—говорится здѣсь—подобно организму человѣческому, состоитъ изъ частей и членовъ, и величайшіе и необходимыя члены его суть императоръ и патриархъ. Поэтому миръ и счастье подданныхъ какъ по тѣлу, такъ и по душѣ достигается полнѣйшею гармоніею и согласіемъ этихъ обѣихъ властей—императорской и первосвященнической“. См. „Очерки внутренней исторіи восточ. церкви въ IX, X и XI вѣкахъ“ проф. А. Лебедева въ Чтен. въ Общ. Люб. дух. просвѣщ. за 1876 г., ч. I, стр. 39; см. также „Правосл. Церк. Право“ Еп. Никодима, стр. 681—683. А въ дѣяніяхъ VII всел. соб. взаимоотношеніе двухъ указанныхъ властей кратко выражено такъ: „священникъ есть освещеніе и укрѣпленіе императорской власти, а императорская власть есть сила и твердыня священства“. Дѣян. вселен. собор. въ русс. перев., т. VII, стр. 202.

3) Подробнѣе см. объ этомъ въ указанной статьѣ проф. Лебедева; см. также послѣдов. проф. Нарбекова: „Номокапонъ Констант. патр. Фотія съ толков. Вальсамона“. Казань 1899 г., ч. I, стр. 135—142.

4) Ист. Никиты Хониата въ русс. перев., СПБ. 1860 г., I, стр. 271—272; см. II, стр. 122—123.

Положеніе, права и обязанности византійской императорской власти съ ея священнымъ іерархическимъ значеніемъ (какъ эта власть представлялась въ византійскихъ государственныхъ теоріяхъ) не безызвѣстны были и великимъ князьямъ Московскимъ,—тѣмъ болѣе, что сами патріархи Константинопольскіе иногда давали имъ на этотъ разъ прекрасные уроки. Вотъ что писалъ напр. объ императорахъ византійскихъ патріархъ Констант. Антопій въ своемъ посланіи къ великому князю Московскому Василию Димитріевичу: „святой царь—говорится въ посланіи—занимаетъ высокое мѣсто въ церкви; онъ не то, что другіе, помѣстные князья и государи. Цари въ началѣ упрочили и утвердили благочестіе во всей вселенной; цари собирали вселенскіе соборы; они же подтвердили своими законами соблюденіе того, что говорятъ божественные и священныя каноны о правыхъ догматахъ и о благоустройствѣ христіанской жизни, и много подвизались противъ ересей; наконецъ, цари вмѣстѣ съ соборами своими постановленіями опредѣлили порядокъ архіерейскихъ кафедръ и установили границы митрополичьихъ округовъ и епископскихъ епархій. За все это они имѣютъ великую честь и занимаютъ высокое мѣсто въ церкви. И если, по Божію попущенію, язычники окружили владѣнія и землю царя, всеже до настоящаго дня царь получаетъ тоже самое поставленіе отъ церкви, по тому же чину и съ тѣми же молитвами помазуется великимъ муромъ и поставляется царемъ и самодержцемъ (*χειροτονῆται βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτορ*) ромеевъ т. е. всѣхъ христіанъ. На всякомъ мѣстѣ, гдѣ только именуется христіане, имя царя поминается всѣми патріархами, митрополитами и епископами, и этого преимущества не имѣетъ никто изъ прочихъ князей или прочихъ властителей ¹⁾. Нѣтъ ничего хорошаго, если ты говоришь: мы имѣемъ церковь, а не царя. Невозможно христіанамъ имѣть церковь, но не имѣть царя. Ибо царство и

¹⁾ Въ княженіе Василия Димитріевича, при митрополитѣ Кириѣ (который, между прочимъ, слѣлалъ у насъ извѣстной „молитву на постановленіе цари или князи“) на Русь было отмѣнено поминаніе именъ византійскихъ императоровъ. По этому именному поводу патріархъ и прислалъ великому князю посланіе. См. Пшнина „Ист. русс. литерат.“ т. II, СПБ. 1898 г., стр. 12—13.

церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общеніи между собою, и невозможно отдѣлить ихъ другъ отъ друга. Тѣхъ только царей отвергаютъ христіане, которые были еретиками, неистовствовали противъ церкви и вводили развращенные нравы, чуждые апостольскаго и отеческаго ученія. А высочайшій и святой мой самодержецъ, благодатію божіею, есть государь православнѣйшій и вѣрнѣйшій, поборникъ, защитникъ и отмститель церкви; поэтому невозможно быть архіереемъ и не поминать его. Послушай верховнаго ап. Петра, говорящаго въ первомъ соборномъ посланіи: Бога бойтесь, царя чтите, не сказалъ „царей“, чтобы кто не сталъ подразумѣвать именующихся царями у разныхъ народовъ, но „царя“, указывая на то, что одинъ только царь во вселенной“¹⁾. Такова власть съ ея прерогативами, вмѣщавшаяся въ лицѣ православнаго византійскаго царя. Эта власть, власть въ полномъ смыслѣ неограниченная, монархическая, равно касалась какъ гражданскихъ, такъ и церковныхъ дѣлъ и по характеру своему считалась властію наследственной, проистекающею отъ Бога. Въ торжественномъ обрядѣ вѣнчанія и помазанія на царство²⁾ императоръ получалъ религіозно-церковное освященіе своей власти, и причислялся къ разряду лицъ священныхъ, на которыхъ излита благодать Божія. Царскія регаліи—корона, скипетръ и держава служили внѣшнимъ символомъ его высшей царской власти.

И вотъ теперь, съ паденіемъ Царьграда и водвореніемъ на его мѣстѣ турецкой державы, эти православные византійскіе цари, представлявшіе изъ себя политическую главу всего православнаго міра, сошли съ исторической сцены, не устоявъ на высотѣ своего царственнаго призванія—быть верховными

1) Русск. Истор. Библиот., т. VI. Приложенія, столб. 272—276.

2) Чины вѣнчанія греческихъ царей на царство см. въ приложеніяхъ къ статьѣ Е. Барсова: „Историч. очеркъ чиновъ вѣнчанія на царство“. Чтен. въ Общ. Исторіи и дрешн. Россійск. при Москов. Универс. за 1883 г., кн. I, стр. 1—31. Здѣсь приведено изъ сочиненія Кодина: „Объ обрядахъ Константинопольскаго двора и чинахъ великой церкви“ повѣствованіе о вѣнчаніи царей, а также помѣщенъ чинъ коронаванія императора Мануила Палеолога въ 1392 г., описанный русскимъ путешественникомъ, Смоленскимъ іеродиакономъ Игнатіемъ, который былъ въ Царьградѣ очевидцемъ этой коронаціи.

блюстителями и защитниками истиннаго благочестія, истинной православной вѣры, и даже явившись измѣнниками православію и чрезъ то навлекши на свое царство грозную божественную кару. Но если, такимъ образомъ, прежніе царственные блюстители православія не оказались вѣрными высотѣ своего положенія и такъ печально закончили свою историческую судьбу, то кто же—спрашивалось—явится ихъ достойнымъ наследникомъ, кому послѣ нихъ будетъ принадлежать высокая и священная роль царственного охранителя истинной вѣры и благочестія, если не для всей православной вселенной, то, по крайней мѣрѣ, для обособленныхъ ея частей? У русскихъ книжниковъ, благодаря предшествовавшимъ обстоятельствамъ Флорентійской уніи, скоро нашелся отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ ихъ сознаніи кто иной могъ явиться такимъ достойнымъ замѣстителемъ и наследникомъ царей византійскихъ, какъ не Московскій великій князь, который съ ревностію возсталъ на защиту „древняго благочестія“ отъ угрожавшей ему со стороны уніи опасности, который въ это тревожное время „единъ обрѣтесе Богомъ вразумляемый ревнитель по Бозѣ и по Его истинномъ законѣ“¹⁾, который осудилъ унію, „позналъ Сидора волохыщнаго ересь и скоро обличивъ посрамилъ его“ и тѣмъ спасъ „святую церковь иже въ Руси цвѣтущаго благочестія безнавѣтну и безмятежну“²⁾,—тотъ великій русскій князь, о которомъ—по разсказу неизвѣстнаго автора „слова объ осьмомъ соборѣ“³⁾—императоръ Іоаннъ Палеологъ (чтобы побудить папу Евгевія IV помедлить открытіемъ собора до прибытія представителя отъ русской земли) предъ собравшимися представителями восточной и западной церковей говорилъ, что „ему восточніи цари прислухаютъ и велиціи князи съ землями служатъ ему“ и что только „смиреніа ради и благочестія не зовется овъ царемъ, но княземъ великимъ русскихъ

1) Степени. кн., ч. II, стр. 11.

2) См. Полн. Собр. Лѣтоп., т. VI, стр. 162—163.

3) По предположенію проф. Павлова, слово это принадлежитъ Пахомію Сербу, современнику и сотруднику Симсона, іерея Суздальскаго, описавшаго путешествіе митр. Исидора въ Италію на Флорент. соборъ. См. его „Критич. опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ“, СПб. 1878 г., стр. 100.

земль православіа“¹⁾. Явившись главнымъ виновникомъ торжества „великаго православія русскія земли“ надъ кознями враговъ, хотѣвшихъ въ него „всѣяти, яко плевель во пшеницу, римское ученіе“²⁾, этотъ великій князь русскій вполне достойно былъ названъ „новымъ Владимиромъ, благочестія ревнителемъ и мудрымъ изыскателемъ святыхъ правилъ богоустановленнаго закона святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ преданія, иже во благочестіи цвѣтущимъ“³⁾, „русскія земли утвержденіемъ и православною вѣрѣ исправленіемъ“⁴⁾. Новое высокое положеніе представителя русской земли, въ которой одной, послѣ паденія Византіи, сіяетъ „истинная вѣра благочестія“, нужно было отмѣтить соотвѣтствующими прибавленіями и въ самомъ его титулѣ, и вотъ онъ сталъ называться „благороднымъ, благовѣрнымъ, благочестивымъ, христіолюбивымъ“⁵⁾, „въ благочестіи цвѣтущимъ православнымъ великимъ княземъ“, „великимъ православнымъ государемъ“⁶⁾, „боговѣнчаннымъ православію царемъ всея Руси“⁷⁾, а вся его „великая русская держава“— „православнымъ великимъ самодержъствомъ“⁸⁾.

Итакъ, царство изъ Византіи перешло на Русь; на защиту православія, вмѣсто прежнихъ его законныхъ блюстителей— царей греческихъ, возсталъ великій князь русскій. Онъ теперь единственный православный государь, единственный „благочестивыя вѣры истинный поборникъ и о истинѣ усердный ревнитель“⁹⁾; на него-то и должна быть перенесена теперь та идея

1) Никон. Лѣтоп., ч. V, стр. 129; Полн. Собр. Лѣтоп., т. VI, стр. 153; Степенн. кн., ч. II, стр. 9.

2) Послан. митр. Іоны Литовск. князьямъ. Русс. Истор. Библ., т. VI, столб. 637.

3) Посл. митр. Іоны въ Литов. епископамъ (1460 г.) Русс. Ист. Библ., т. VI, столб. 647.

4) Изъ „Шовѣсти, како римскій папа Евгеній состави осмый соборъ съ своими единомышленникъ“, припада. перу Суздальскаго іерея Симеона. Уч. Зап. Имп. Каз. Унив. за 1898 г., кн. 7—8, стр. 180.

5) См. посланія митр. Іоны. Русс. Ист. Библ., т. VI, столб. 548, 621, 642, 651.

6) Ibid., столб. 659, 661, 665.

7) Изъ „слова взбранна отъ святыхъ пасапій, еже на латыню“..., составленн. при митр. Феодосіи. См. сочин. А. Попова: „Историко-литератур. обзоръ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинявъ“ М. 1875 г., стр. 394—395.

8) Русск. Истор. Библ., т. VI, столб. 623 (окаруж. посл. митр. Іоны литов. еписк.), столб. 662 (его же грамота еп. Смоленск. Мисанлу).

9) Степени. кн., ч. II, стр. 9.

представительства православнаго христіанства, которая прежде была достояніемъ единовѣрной Россіи имперіи греческой ¹⁾).

Такія лестныя для русскихъ патріотовъ мысли о выпавшей, послѣ паденія Царяграда, на долю православной Руси и ея представителя—государя Московскаго особой великой миссіи съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе распростраплялись на русской почвѣ и все глубже и глубже входили въ общественное сознаніе, нашедши для себя въ первой половинѣ XVI вѣка окончательную и полную формулировку въ посланіяхъ старца Псковскаго Елеазарова монастыря Филоея. Вотъ что писалъ этотъ старецъ въ своемъ посланіи къ великому князю Василю Іоанновичу ²⁾: „Иже отъ вышняя и отъ всемошняя, вся-содержащія десница Божія, имже царіе царствуютъ и имже величїи величаются и силїи пишуть правду,—тебѣ пресвѣтлѣйшему и высокостолнѣйшему Государю великому князю, православному христіанскому царю и владыцѣ всѣхъ, браздо-держателю святыхъ Божїихъ престолѣ святыхъ вселенскїя и апостольскїя церкви пресвятыя Богородицы честнаго и слав-

¹⁾ Мысль о преемственномъ перенесеніи въ Москву политическаго и церковнаго значенія Византіи и, въ частности, о Московскихъ государяхъ, какъ единственныхъ и законныхъ продолжателяхъ императоровъ греческихъ, нашла себѣ образное выраженіе въ цѣломъ рядѣ сложившихся на русской почвѣ сказаній. Таковы именво сказанія объ исконныхъ генеалогическихъ связяхъ Московскихъ великихъ князей съ императорами римскими (Рюрикъ—потомокъ римскаго кесаря Августа) и о перенесеніи изъ Греціи на Русь, еще при Владимірѣ Мономахѣ, священныхъ царскихъ инсигній. Сказанія эти должны были служить въ глазахъ современниковъ какъ бы оправдательнымъ историческимъ документомъ для мысли о Московскомъ царствѣ, какъ „третьемъ Римѣ“, послѣ того, какъ палъ „первый“ Римъ и „второй“. Подробности см. у Пыпина: „Ист. русс. литер.“, т. II, СПб. 1898 г., стр. 2—16. Родословіе отъ Пруса, брата или сродника кесаря Августа, и сказаніе о Мономаховомъ вѣнцѣ получали особенную извѣстность при Іоаннѣ IV, что можно видѣть изъ памятникѣвъ дипломатическихъ сношеній времени этого грознаго царя. О царственныхъ регалїяхъ см. также: А. О. Вельмана: „Царскїй златой вѣнецъ и царскїя утвари, присланныя импер. Васи́лемъ и Константиномъ первоѣнчанному вел. князю Владимиру Кїевскому“ въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1860 г., кн. I; Прозоровскаго: „Объ утварахъ, приписываемыхъ Владимиру Мономаху“ въ Записк. отд. русск. и славян. археол. Импер. Русс. Археол. Общ. 1882, III; Н. П. Кондакова: Русскїе влады. Изслѣдов. древностей великокняжескаго періода, I, Спб. 1896 г. и др.

²⁾ По мнѣнію проф. Малыгина, написано м. 1515—1521 г.г. См. его ст.: „Старецъ Елеазарова монастыря Филоей и его посланіе къ царю и вел. кн. Ивану Васильевичу“ въ Труд. Кїев. дух. акад. за 1888 г., май, стр. 72—126.

наго Ея успенія, иже вмѣсто римскія и константинопольскія просіявшу. Стараго убо Рима церкви падеся невѣрїемъ аполлинаріевы ереси; втораго же Рима Константина града церкви агаряне внуцы сѣкирами оскордами разсѣкоша двери. Сія же нынѣ третьяго новаго Рима державнаго твоего царствія святая соборная апостольская церкви, иже въ концахъ вселенныя въ православной христіанстѣй вѣрѣ во всей поднебеснѣй паче солнца свѣтитя. И да вѣсть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христіанскія вѣры снисдошася въ твое едино царство: единъ ты во всей поднебеснѣй христіаномъ царь... Не преступай, царю, заповѣди, еже положиша твои прадѣды великій Константинъ и блаженный Владиміръ и великій богоизбранный Ярославъ и прочіи блаженніи святїи, иже корень и до тебе... *Блюди и вземли, благочестивый царю, яко вся христіанская царства снисдошася во твое едино, яко два Рима падоша, а третїй стоитъ, а четвертому не быти: уже твое христіанское царство иныма не достанется, по великому Богослову*¹⁾. А въ посланїи къ дьяку Михаилу Мунехину (служившему при царскихъ намѣстникахъ во Псковѣ съ 1510—1528 г.) тотъ же старецъ, давъ названному дьяку отвѣтъ на его вопросъ объ астрологическихъ предсказанїяхъ, въ заключенїе пишетъ: „о сихъ убо преупокоивше слово, мала нѣкая изречемъ словеса о нынѣшнемъ православномъ царствїи пресвѣтлѣйшаго и великостолнѣйшаго государя нашего, иже по всей поднебеснѣй единого христіаномъ царя, и браздодержателя святыхъ божїихъ престолъ, святыхъ и вселенскїа церкви, иже вмѣсто римской и Константинопольской иже есть въ богоспасенномъ градѣ Москвѣ, святаго и славнаго успенія пресвятыя Богородицы, иже едина во всей вселеннѣй паче солнца свѣтитя. И да вѣси, христоролюбче и боголюбче, яко *вся христіанская царства преидоша въ конецъ и снисдошася во едино царство нашего государя, по пророческимъ книгамъ, то есть российское царство; два убо Рима падоша, а третїй стоитъ, а четвертому не быти...* Христіанская царства потопшася отъ невѣрныхъ, токмо единого нашего государя царство, благодатїю Христовою, стоитъ²⁾).

1) См. Правосл. Собесѣдн. за 1863 г., ч. I, стр. 343—348.

2) Правосл. Собесѣдн. за 1861 г., ч. II, стр. 95—96. Мысль, что послѣ па-

Такова теорія о православномъ русскомъ царствѣ въ ея, такъ сказать, заключительной Филоевской редакціи. Послѣ паденія Византіи все православное христіанство заключилось въ одно царство православнаго русскаго государя. Старый Римъ палъ, заразившись ересью Аполлинарія; новый Римъ—Константинополь палъ и нравственно, и политически, сдѣлавшись столицей басурманства, за свое соединеніе съ латинянами на осьмомъ (Флорентійскомъ) соборѣ. На ихъ мѣсто выступилъ третій и послѣдній Римъ—Москва, которая и явилась теперь единственнымъ въ мірѣ убѣждающимъ православія и благочестія. Московскій государь сталъ теперь единственнымъ въ мірѣ „правовѣрствующимъ царемъ“¹⁾. Какъ преемникъ величія и славы древнихъ всемірныхъ государей, онъ долженъ быть во всемъ подобенъ имъ: титулъ Августа и скипетръ Константина должны украшать и его, какъ самодержца и браздодержателя престоловъ древнихъ всемірныхъ монархій, соединившаго ихъ въ одно великое цѣлое²⁾.

денія Византіи на лицѣ земли остался одинъ только истинно—христіанскій царь, именпо государь русскій, рельефно также выразилъ Максимъ грекъ въ своемъ посланіи къ вел. кн. Василю Іоанновичу о переводѣ Толковой Псалтири. Прося велкаго князя отпустить его съ товарищами въ тишину св. Аѳонской обители; Максимъ писалъ Василю Іоанновичу: „да уразумѣютъ отъ насъ и тамо пребывающіи христіане, яко имѣютъ еще царя, не о языцѣхъ токмо безчисленныхъ и о пныхъ множайшихъ удивленія и слышанія достойныхъ царски изблазующа, но яко правдою и православіемъ паче всѣхъ прославленъ есть, яко Константину и Ѳеолосію Великимъ уподобитися мощи, вмѣ же и твоя держава послѣдующи, буди и намъ нѣкогда царствовать, отъ нечестивыхъ работы освобожденнымъ Тобою“.

См. Карамзина: „Ист. Госуд. Россійск.“, т. VII, изд. 2. Спб. 1819 г., пр. 340.

1) Непзвѣстный авторъ „слова къ благохотящимъ царемъ, правительницамъ и землемѣремъ“ такъ отзывается о русскомъ царѣ: „аще убо вѣрныхъ царь въ нынѣшнее время пспытоваемъ, во всѣхъ языцѣхъ, кромѣ русійскаго языка, не вѣны правовѣрствующа царя“. См. сочни. Жмазнова: „Митр. Даниилъ и его сочиненія“. М. 1881 г., Прилож. XXII, стр. 70.

2) Насколько твердо укрѣпилась въ сознаніи русскыхъ людей формулированная старцемъ Филоевымъ идея о значеніи (послѣ паденія Византіи) Правосл. Руси и ея Государей, съ ясностію можно усматривать, м. прочемъ, изъ того, что идея эта въ той же самой Филоевской формулировкѣ повторена въ грамотѣ объ учрежденіи патріаршества, написанной по приказанію царя Ѳеодора Ивановича на пергаментѣ золотомъ и червячею краскою. Въ грамотѣ въ уста патріарха Іереміи вкладываются слѣдующія слова, представляющія изъ себя какъ бы буквальную выдержку изъ посланія вышеназваннаго старца: „По истинѣ—сказалъ будто бы Московскому государю Іеремія—въ тебѣ, благочестивомъ царѣ, пребы-

Окружая, такимъ образомъ, ореоломъ величія православное русское царство, заступившее непосредственно мѣсто славной византійской имперіи, выдвигая Московскаго государя, какъ „единого во всемъ мірѣ царя православнаго“, указанная Московская теорія этимъ самымъ сообщала русскому государю религіозное освященіе. Для усиливавшейся власти Московскихъ великихъ князей это было какъ нельзя болѣе кстати. Естественнo, что эти князья спѣшили воспользоваться этимъ новымъ средствомъ для окончательнаго установленія на Руси въ своемъ лицѣ единодержавія и самодержавія. Урокъ, данный Константинопольскимъ патриархомъ Антоніемъ Василию Димитріевичу (о необходимости во всемъ христіанскомъ мірѣ признать власть единого византійскаго царя) не пропалъ даромъ. Вступившій въ бракъ съ греческой царевной, въ лицѣ которой совершилась какъ бы передача наследственныхъ правъ потомства Палеологовъ русскому великокняжескому дому, Іоаннъ Васильевичъ III первый положилъ начало претензіямъ со стороны Московскихъ князей на титулъ и власть византійскихъ императоровъ. Сынъ Іоанна III, Василій III, уже носилъ фактически царскій титулъ, а Іоаннъ IV Грозный принялъ этотъ титулъ официально вмѣстѣ съ сказаніемъ, по которому знаки царственнаго достоинства переданы были византійскими царями еще Владиміру Мономаху. Но, конечно, мало было одной воли царя и одной слишкомъ общаго характера теоріи, чтобы сдѣлать, такъ сказать, жизненными, твердо укоренить въ живомъ общественномъ сознаніи византійско-государственныя по-

ваеть Духъ Святый, и отъ Бога тавад мысль (т. е. объ учрежд. патриарш.) тобою будетъ приведена въ дѣло, ибо древній Римъ палъ Аполлимаріевою ересью, а второю Римъ—Константинополь находится въ обладаніи енуковъ иагарянскихъ, безбожныхъ турокъ; твое же великое Россійское царство, третій Римъ, превзошло всѣхъ благочестіемъ, и всѣ благочестивыя царства собрались въ твое царство, и ты одинъ подъ небесами именуешь христіанскимъ царемъ во всей вселенной у всѣхъ христіанъ“. См. „Ист. русс. Церкви“ Преосв. Макарія, т. X, Спб. 1881 г., стр. 40. Извѣстный Арсеній Сухавовъ, отправленный около половины XVII в. на востокъ для собранія свѣдѣній о богослужебныхъ книгахъ и обрядахъ (по поводу возникавшаго раскола), въ преніи своемъ съ византійцами, м. прочимъ, сказалъ: „вынѣ, вмѣсто царя (Цареградскаго) на Москвѣ Государь—царь благочестивый, единый царь благочестивый во всей подсолнечной, и царство его христіанское Богъ прославилъ“. Ibid., т. XI, стр. 155.

нтя о царскихъ правахъ и обязанностяхъ, соединявшихся съ новымъ положеніемъ Московскаго государя, въ какое ставила его Московская теорія,—съ положеніемъ единого въ мірѣ царственнаго блюстителя чистоты вѣры и благочестія, верховнаго представителя единственнаго во всей вселенной православнаго царства, въ которомъ, послѣ совершившейся надъ Византіей божественной кары, нашла достойное для себя мѣсто обитавія истинная православная церковь. Для этого нужно было живое содѣйствіе самой церкви, и такое содѣйствіе, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно и оказали Московскимъ государямъ ея представители въ концѣ XV и первой половинѣ XVI в.в., какъ будто нарочито стремившіеся и смысломъ своей проповѣди, и самымъ дѣломъ представить дальнѣйшее наглядное раскрытіе идей о значеніи власти государя Московскаго, возникавшихъ на основѣ изложенной нами теоріи о православномъ русскомъ царствѣ.

Въ послѣдней четверти XV вѣка въ православномъ русскомъ царствѣ, гдѣ дотолѣ—по изображенію (кстати замѣтить, не совсемъ-то исторически—вѣрному) Іосифа Волоцкаго—въ теченіе 470 лѣтъ не было „нединаго еретическая мудрствующа, но вси славили Святую Троицу“¹⁾, явилась и распространилась ересь, грозившая ниспровергнуть утвердившееся и полнымъ свѣтомъ сіявшее въ этомъ царствѣ православіе. Нужно было позаботиться принять мѣры къ искорененію злыхъ еретическихъ плевель, явившихся на чистой нивѣ російскаго православія, нужно было удалить опасность, такъ неожиданно нависшую надъ православною Русью, издавна гордившеюся предъ всѣми другими странами чистотою своей вѣры. За измѣну этой вѣрѣ палъ первый Римъ, за измѣну ей подвергся скверному плѣненію Агарявскому и новый Римъ—Царьградъ. На мѣсто ихъ носителемъ и хранителемъ истиннаго благочестія, чистой православной вѣры выступилъ третій и послѣдній Римъ—Москва, Московское царство. И вотъ теперь и для этого послѣдняго Рима вдругъ создалась великая опасность потерять чистоту православія и такимъ образомъ не выполнить

¹⁾ См. сказаніе о новоявившейся ереси Новгородскихъ еретиковъ. Древн. Россійск. Визлюевца, ч. XIV, стр. 128—129.

той роли, которая доставалась ему по Константинопольскому наслѣдству. Но кому другому,—спрашивалось,—нужно было принять на себя главную заботу объ устраненіи явившейся опасности, на комъ другомъ лежала прежде всего обязанность предпринять мѣры къ пресѣченію зла, какъ не на верховномъ представителѣ этого третьяго и послѣдняго Рима, на православномъ русскомъ царѣ, заступавшемъ теперь мѣсто православныхъ царей греческихъ—прежнихъ ревнителей вѣры и ея защитниковъ при всѣхъ угрожавшихъ ей опасностяхъ. Теперь какъ нельзя болѣе благовременно было напомнить выступившимъ въ роли такихъ замѣстителей государямъ Московскимъ о соединенныхъ съ этимъ замѣстительствомъ ихъ правахъ и обязанностяхъ по отношенію къ истинной вѣрѣ и благочестію, достойнымъ средоточіемъ и хранилищемъ которыхъ явилось ввѣренное ихъ попеченію и власти русское царство,—напомнить имъ и раскрыть предъ ними эти права и обязанности. Такое напоминаніе и раскрытіе, какъ нами было уже въ своемъ мѣстѣ замѣчено, дѣйствительно и совершается теперь, и идетъ оно со стороны представителей русскаго духовенства, по самому долгу своего служенія выступившихъ поборниками православія противъ „еретическая мудрствовавшихъ“. Появленіе ереси и борьба съ нею послужили такимъ образомъ фактической почвой, на которой началось примѣненіе къ личности государя всея Руси началъ византійско-государственныхъ теорій о значеніи царской власти, ея правахъ и обязанностяхъ, которыя должны простирались на всѣ сферы жизни самимъ Богомъ ввѣреннаго верховному попеченію этой власти государства, включая сюда и область жизни религіозно-церковной.

Первымъ ревностнымъ борцомъ противъ еретиковъ выступилъ Архіепископъ Новгородскій Геннадій. Въ написанныхъ имъ по поводу появившейся ереси посланіяхъ и грамотахъ съ достаточною ясностію указывается, какая роль должна принадлежать Государю Московскому въ дѣлѣ истребленія еретическаго мудрованія. По представленіямъ Новгородскаго владыки, принять заботливыя мѣры къ устраненію наступившихъ церковныхъ нестроений—прямой долгъ православнаго государя; безъ его властныхъ распоряженій уничтожить эти нестро-

енія невозможно. „А того толке не управить князь великій, а того на крѣпко не обыщетъ—писаль онъ епископу Суздальскому Нифонту—ино будетъ послѣдняя лестъ горше первыя. И ты бы о томъ митрополиту явилъ, чтобы митрополитъ печаловался государю великому князю, чтобы поочистилъ церковь Божию отъ тое ереси“¹⁾. Чтобы государь князь Московскій не забывалъ соединенныхъ съ его властію правъ и обязанностей по отношенію къ церкви православной, особенно теперь, въ виду угрожавшей ей опасности, представители церкви, кромѣ прямыхъ напоминаній ему объ этомъ, должны тому содѣйствовать также и своими молитвами къ Богу о верховномъ представителѣ православнаго русскаго царства. „А нынѣ бы еси о Государѣ и Бога молилъ,—писаль Геннадій архіепископу Ростовскому Іоасафу,—чтобы Государю Богъ положилъ на сердце, чтобы управилъ церковь божію, православное бы христіанство отъ еретическаго нападенія, отъ тѣхъ еретиковъ, жидовская мудрствующихъ, непоколебимо было“²⁾. „И ты бы, господине,—убѣждалъ онъ митрополита Зосиму,—великому князю о томъ (объ искорененіи еретиковъ) пристойно говорилъ, не токмо спасенія ради его, но и чести для государя великаго князя: занеже не кому иному того разговорити государю, а лежитъ то на тебѣ, на отцѣ нашемъ, и на насъ, на твоихъ дѣтѣхъ. Да того ради молитва за государя уставлена..., чтобы, далъ Богъ, онъ здоровъ былъ на многа лѣта..., да и мы тихо и безмолвно житіе проживемъ во всякомъ благовѣрїи и чистотѣ“³⁾. Для истребленія злыхъ еретическихъ плевелъ и успокоенія церкви требуется розыскивать и казнить еретиковъ, а все это зависитъ именно отъ власти государя: его „государская гроза“—главный двигатель въ этомъ столь важномъ дѣлѣ. „Ино какже ихъ мощно было дойти,—сообщалъ Геннадій названному выше Ростовскому архіепископу, аще бы великій князь не приказалъ своимъ боярамъ со мною, сво-

1) Грамота Геннадія Нифонту. См. „Изслѣд. о сочиненіяхъ Іосифа Санина, перевод. игум. Волоцкаго“ И. Хрушова. Сиб. 1868 г. Источники, стр. XXII—XXIII.

2) Посланіе къ Іоасафу. Чтен. въ общ. вст. в древн. Россійск. за 1847 г., № 8, Слѣсь.

3) Грамота Геннадія къ Зосимѣ. Русс. ист. библиот., т. VI, столб. 775—776. Акты Археогр. Экспедиц., т. I, № 380, стр. 482.

имъ богомольцемъ, того обыскати? И молитвами Пречистой Богоматере и его Государскою грозою съ его бояры... того есьмя обыскали на крѣпко“¹⁾. „А не испѣшили бы есте,—совѣтоваль онъ собору владыкъ 1490 г.,—ставити владыку (Коломенскаго): преже бы есте стали накрѣпко о томъ, чтобы еретиковъ обыскали накрѣпко, да тѣхъ бы велѣлъ казнити князь великій“²⁾. По воззрѣніямъ Геннадія, самая честь православнаго русскаго государя требуетъ отъ этого послѣдняго ревностныхъ заботъ объ устраненіи возникшихъ церковныхъ беспорядковъ и нестроеній; ради уже самой этой чести онъ долженъ со всею строгостію проявить свою власть на защиту православной вѣры и церкви, не чуждаясь даже въ этомъ случаѣ примѣра ревностнаго „Шпанскаго короля“, чтобы такимъ образомъ „съ своей земли соромота свести“³⁾.

Такъ понималъ права и обязанности государя Московскаго по отношенію къ вѣрѣ и церкви владыка Новгородскій Геннадій, жаркій сторонникъ искорененія ереси посредствомъ казни ея послѣдователей. Какъ верховный охранитель чистоты православія, стояцій во главѣ православнаго русскаго царства, Московскій государь долженъ оправдать это свое государственно-политическое значеніе принятіемъ самыхъ строгихъ мѣръ къ уничтоженію возникшей для православной вѣры опасности, долженъ со всею ревностію позаботиться о томъ, „чтобы—по выраженію митрополита Геронтія—христіанство въ възмущеніи не было, а церковь бы Божія безмятежна была“⁴⁾.

Такіе же взгляды на права и обязанности политической главы русскаго государства—великаго князя Московскаго проводилъ на той же религіозной почвѣ и другой, современный Геннадію и не менѣе его ревностный, защитникъ православія противъ ереси жидовствующихъ,—игумень Волоцкій Іосифъ. Но въ затронутыхъ и высказанныхъ имъ по данному предмету воззрѣніяхъ намъ представляется какъ бы уже цѣльная, отличающаяся полнотою и законченностію государственно-полити-

1) Указанн. посланіе къ Іоасафу.

2) Грамота Геннадія къ собору епископовъ. Русс. ист. библ., т. VI, столб. 779.

3) Указанн. грамота его къ митр. Зосимѣ.

4) Его грамота архіеп. Геннадію. Русс. ист. библіот., т. VI, столб. 764.

ческая теорія. Конечно, игумень Волоколамскій не задавался цѣлю создать такую теорію, но то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что раскрытія имъ въ указанномъ направленіи идеи не могли не получить и нѣкотораго чисто-политическаго значенія. Явленіе это было вполне естественно и послѣдовательно въ виду той постоянной связи, какая существовала между Іосифомъ и великимъ княземъ, который весьма уважалъ вліятельнаго Волоцкаго игумена и пользовался его совѣтами.

Строгій ревнитель древней монастырской дисциплины, ревностный борецъ за преданія церкви, пакоонецъ, выдающійся писатель своего времени, препод. Іосифъ Волоколамскій былъ ученикомъ пользовавшагося великимъ уваженіемъ у современниковъ Пафнутія Боровскаго, основателя и игумена монастыря близъ г. Боровска (1441—1451 г.), о которомъ, между прочимъ, извѣстно, что онъ отличался чувствомъ глубокой преданности дому великихъ князей Московскихъ и ихъ интересамъ. Эту свою преданность Пафнутій нагляднѣе всего проявилъ въ фактѣ передачи своего монастыря изъ—подъ власти мѣстнаго удѣльнаго князя въ державу вел. князя Московскаго (а подобныя факты, конечно, должны были сильно возвышать авторитетъ великокняжеской Московской власти). Когда въ 1472 г. Іоаннь III уступилъ своему брату Борису Волоцкому Вышегородскую волость вмѣстѣ съ Суходоломъ и монастырь Пафнутія долженъ былъ отойти къ Борису, то основатель монастыря—по разсказу Іосифа Волоцкаго—„почалъ говорити: ино хотя князь великій Вышегородъ да и монастырь нашъ далъ князю Борису, и язъ бію челомъ великому князю, ино монастырь возметъ въ свою державу... и князь великій не далъ монастыря Пахнутьева“¹⁾. Въ частыхъ бесѣдахъ со своими учениками и слушателями Пафнутій любилъ сообщать имъ, между прочимъ, различныя преданія о великихъ Московскихъ князьяхъ, при чемъ своимъ назидательнымъ разсказамъ онъ придавалъ обыкновенно таинственно—религіозный смыслъ и тѣмъ еще болѣе увлекалъ слушавшихъ его. Въ повѣсть „о велицѣмъ морѣ“, дошедшую до насъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими въ пересказѣ ученика и

¹⁾ См. Послан. Іосифа къ Борису Кутузову. Древн. Россійск. Вѣстн., ч. XIV, стр. 188.

писателя его житія Вассіана, архіеп. Ростовскаго ¹⁾), входитъ, м. прочимъ, преданіе объ одной умершей и вновь ожившей инокинь, которая тотчасъ послѣ своей смерти посѣтила загробный міръ и видѣла тамъ, какъ великій Московскій князь, Иванъ Даниловичъ Калита, за свою любовь къ бѣднымъ блаженствовалъ въ раю, а Витовтъ, князь Литовскій, былъ мучимъ муринами въ аду за исповѣданіе имъ латинской вѣры ²⁾. Недаромъ указанный выше авторъ біографіи Пафнутія въ своей похвалѣ преподобному величаетъ его „теплымъ молебникомъ къ Богу о благочестивомъ и христіолюбивомъ самодержцѣ рускія земли“ и проситъ его помолиться, чтобы и на будущее время „Богъ вѣнчалъ его благородныя чада вѣнцемъ царствія въ родъ и родъ... и державу ихъ мирну устроилъ“ ³⁾. А съ какимъ глубокимъ уваженіемъ относились къ Пафнутію самъ великій князь (Іоаннъ III) и члены великокняжескаго семейства, объ этомъ самымъ яснымъ образомъ свидѣтельствуется тотъ фактъ, что во время предсмертной болѣзни Пафнутія посоль за посломъ являлись въ его обитель отъ самого Іоанна III, отъ супруги его Софіи, отъ матери Маріи Ярославны ⁴⁾. Отношенія Пафнутія къ вел. князьямъ Московскимъ были причиной, что извѣстія о немъ, ставшемъ впослѣдствіи какъ бы семейною сватынею Московскаго великокняжескаго дома, вошли въ русскую лѣтопись ⁵⁾. Черта преданности носителямъ великокняжеской Московской власти и ихъ интересамъ, какою отличался Пафнутій, отъ учителя передалась, конечно, и знаменитому въ свое время ученику его—Іосифу Волоколамскому.

¹⁾ Не автора посланія на Угру, а Вассіана, брата Іосифа Волоцкаго. См. у Шевырева—предислов. къ III ч. Истор. русск. словесн., стр. XIV—XVIII; у Хрущова: „Изслѣд. о сочинен. Іосифа Санина“. Источники, стр. XXV—XXVIII.

²⁾ См. указани. Изслѣдов. Хрущова, стр. 22, прим. 34; см. также статью свящ. Николаевского: „Русская проповѣдь въ XV и XVI в.в.“ въ журн. Минист. Нар. Просв. за 1863 г., м-ць апрѣль, стр. 95; см. еще „сочин. Н. С. Тихонравова“, М. 1898 г., т. I, стр. 217.

³⁾ См. указани. изслѣд. Хрущова, стр. 19, прим. 28.

⁴⁾ См. „Записку Иннокентія о послѣднихъ дняхъ учителя его Пафнутія Боровскаго“. Ключевскаго: „Древнерусск. житія св., какъ историч. источникъ“. Приложен. I, стр. 444—449.

⁵⁾ См. Полн. Собр. Русс. Лѣтол., т. VIII, стр. 183, 184; Степени. кн., ч. II, стр. 207; см. Акты Истор., т. I, № 204, стр. 382, № 216, стр. 410.

Прошедши суровую школу монастырской дисциплины, воспитавъ въ себѣ духъ непоколебимой твердости и практической настойчивости, Іосифъ Волоцкій принялъ на себя въ княжествѣ Іоанна III роль общественнаго дѣятеля и скоро занялъ (особенно при Василіи Іоанновичѣ) положеніе человѣка, дававшего направленіе общественнымъ дѣламъ и съ успѣхомъ достигавшаго осуществленія своихъ взглядовъ по тѣмъ вопросамъ, какіе волновали тогда русское общественное сознание. А отсюда само собою вытекаетъ, насколько важно для насъ, въ преслѣдуемыхъ нами цѣляхъ, отмѣтить затронутыя и высказанныя этимъ столь вліятельнымъ общественнымъ дѣятелемъ конца XV и начала XVI в.в. воззрѣнія, касавшіяся власти Московскихъ государей.

Выступивъ въ роли ревностнаго литературнаго борца съ распространившеюся ересью, со всею настойчивостію проводившаго и защищавшаго тотъ же суровый взглядъ по вопросу объ отношеніи къ еретикамъ, котораго держался и Новгородскій архіепископъ, и который выражался въ словахъ: „еретиковъ вѣлно не токмо осужати, но и казнити и въ заточеніе посылати“¹⁾, и при этомъ сознавая, что для достиженія цѣли во всей ея полнотѣ необходимо склонить на свою сторону Московскую великокняжескую власть и сообщить ей сильный толчекъ по пути усердствованія за вѣру, Іосифъ такъ или иначе долженъ былъ въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ коснуться вопроса о правахъ и обязанностяхъ государей и по этому поводу высказать свои взгляды на значеніе верховной государственной власти. И мы дѣйствительно видимъ, что на почвѣ борьбы съ послѣдователями еретическаго ученія (а вмѣстѣ и съ партіей заволжскихъ старцевъ, нераздѣлявшихъ его взгляды на отношеніе къ еретикамъ)²⁾ онъ не разъ затронулъ указанный вопросъ и, пользуясь библейскими и византійскими источниками, со всею ясностію раскрылъ понятія о царской власти съ точки зрѣнія ея основъ и вытекающихъ отсюда ея правъ и обязанностей.

¹⁾ См. Послав. Іосифа къ Суздальск. еп. Нифонту. Русс. ист. библ., т. VI, столб. 825.

²⁾ Они были противниками строгихъ мѣръ по отношенію къ еретикамъ.

Въ такъ называемомъ „Просвѣтителѣ“ Іосифа, представляющемъ изъ себя сборникъ полемическихъ сочиненій, написанныхъ этимъ знаменитымъ игуменомъ въ обстоятельствахъ борьбы съ ересью (и со взглядами партіи заволжскихъ старцевъ), встрѣчаемъ два замѣчательныя мѣста, гдѣ съ особенною рельефностію выражены воззрѣнія автора на верховную государственную власть съ указанныхъ выше точекъ зрѣнія. Одно изъ такихъ мѣстъ находится въ тринадцатомъ, другое—въ шестнадцатомъ словѣ названнаго сборника ¹⁾.

Въ составъ перваго изъ этихъ словъ входитъ, между прочимъ, длинное разсужденіе о томъ, что „царемъ и княземъ и судіямъ подобаесть еретиковъ въ заточеніе посылати и каземъ лютымъ предавати“. Вотъ при аргументаціи этой то мысли игуменъ Волоцкій и раскрываетъ свои взгляды на верховную государственную власть, указаніемъ на ея высоту, ея назначеніе и ея отвѣтственность за невыполненіе этого назначенія, стараясь обосновать необходимость заточенія и казни еретиковъ по предписаніямъ этой власти, и основываясь при этомъ на библейскихъ и византійскихъ источникахъ.

Словами апостоловъ и отцевъ церкви Іосифъ старается показать, что государственная власть есть учрежденіе божественное, что ея права и обязанности самыя широкія и весьма отвѣтственные. „О царѣхъ и о князѣхъ и о судіяхъ—пишетъ онъ—святіи апостоли глаголють, яко они власть пріяша отъ Господа Бога во отмищеніе злодѣемъ, въ похвалу же добро творящимъ“ ²⁾. Приведя самыя относящіяся сюда апостольскія слова (1 Петр. II, 13—14; Римл. XIII, 1—8) ³⁾, онъ въ подтвержденіе той же мысли ссылается далѣе на авторитетъ Златоуста и Григорія Акраганскаго. Словами послѣдняго онъ заявляетъ, что „царство есть свыше данное дарованіе Божіе въ челоуѣцѣхъ“, что „пріемшему отъ вышняго повелѣнія правле-

¹⁾ „Просвѣтителемъ“ Іосифа мы пользуемся въ изданіи Казан. дух. академіи; тринадцатое и шестнадцатое слово „Просвѣтителя“ см. въ Правосл. Собесѣдн. за 1857 г., ч. 3—4. „Просвѣтитель“ есть также въ рукоп. сборн. Кіевск. дух. акад. подъ знакомъ Аа 147, но здѣсь онъ въ в. неполномъ видѣ.

²⁾ 13-е слово „Просвѣтителя“ Правосл. Собесѣдн. 1857 г., ч. 3—4, стр. 534.

³⁾ Ibid., стр. 535.

вія челоѣческаго рода подобаетъ не токмо о своихъ пещися и своего житія правити, но и все обладаемое отъ тревоженія спасти и многогрѣховнаго смятенія" ¹⁾). Опираясь на „священное писаніе, еже отъ градскихъ законъ“, Іосифъ преступниковъ противъ вѣры и церкви („еретиковъ и отступниковъ“), въ отношеніи преслѣдованія со стороны государственной власти, ставитъ наравнѣ съ различными гражданскими преступниками, „татьбу и разбойничества и вна злая дѣла творящими“ и счптаетъ первыхъ гораздо болѣе („множае паче“), чѣмъ послѣдніе, заслуживающими такого преслѣдованія ²⁾). Авторитетъ заключающихся въ „градскихъ законахъ божественныхъ правилъ“ является, такимъ образомъ, у Іосифа новымъ доказательствомъ неоспоримости и несомнѣнности того положенія, что представители государственной власти облечены правомъ и обязанностію самымъ строгимъ образомъ наказывать еретиковъ, въ защиту православной вѣры и церкви. Сами носители власти государственной не должны забывать высоты своего положенія, палагающей на нихъ такія права и обязанности, и не должны опускать изъ виду ожидающей ихъ тяжелой отвѣтственности предъ судомъ небеснымъ. „Слышите цари и князи,—поучаетъ ихъ Іосифъ словами Златоуста,—яко отъ Бога дана бысть держава вамъ, яко слуги Божіи есте: сего ради поставилъ есть васъ пастыря и стража людемъ своимъ, да соблюдете стадо его отъ волковъ невредиво; васъ бо Богъ въ Себѣ мѣсто избралъ на земли, и на Свой престолъ вознесъ посады, милость и животъ положи у васъ, и мечъ вышняя Божія десница вручи вамъ: вы же убо да не держите истину въ неправдѣ, и убойтеся серпа небеснаго, и не давайте воля зло творящимъ челоѣкомъ, и не наущайте на праведныя челоѣки, якоже пси бѣсныя, или яко, аще кто мечъ дастъ челоѣку неистовающа, и онъ не точію тѣлеса, но и душа погубитъ“ ³⁾). Цари и властители должны быть „отмстители Христу на еретики“, чтобы въ противномъ случаѣ, если „они власть дадутъ злочестивымъ челоѣкомъ“, не быть имъ „истязанными отъ Бога въ страшный день втораго пришествія

¹⁾ Ibid., стр. 536.

³⁾ Ibid., стр. 539—540.

²⁾ Ibid., стр. 536 в слѣд.

Его¹⁾. Для большей силы убѣдительности своихъ разсужденій Іосифъ приводитъ, между прочимъ, рядъ примѣровъ изъ исторіи восточно-византійской церкви, какъ „святіи и преподобніи отцы наши, пастыріе и учителя моляху“ благочестивыхъ царей, „яко да еретики потребятъ“ и какъ эти православные цари „силою праведнаго своего царства и мышцею благочестія своего ущедрили церковь свою, оставили церковныя раздоры“, и какъ они „градными оружіи невѣрныхъ сретикъ крѣпость въ конецъ низложиша, вселеньскими святыми соборы многоглавныя зміемъ главы яко во ужасѣ отсѣкше, чистую же и правовѣрную вѣру столпъ непоколебимъ и утверженіе благовѣрія церкви утвердиша“. (Примѣры: первый великій царь равноапостольный Константинъ, „пресвѣтлая звѣзда“ Θεодосій Великій, благочестивый царь Маркіанъ, Іустиніанъ и др..) ²⁾. Ясно, что, подобно царямъ греческимъ, и православный царь русскій долженъ быть такимъ же ревностнымъ верховнымъ покровителемъ и защитникомъ православной вѣры и церкви, долженъ „поборниковъ ереси или въ заточеніе сослати, или мукамъ и смерти предати“.

Итакъ, охранять и защищать православіе—вотъ что, по возрѣніямъ Іосифа, составляетъ главную обязанность царя. Обязанность эта стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ самымъ происхожденіемъ царской власти, которая установлена Богомъ, носителей которой „Богъ избралъ на земли въ Себѣ мѣсто“, чтобы быть имъ истинными пастырями и стражами для всѣхъ вѣреныхъ ихъ попеченію людей и оберегать этихъ послѣднихъ отъ „злотворящихъ чловѣковъ“, особенно отъ еретиковъ и отступниковъ. Самая тяжелая отвѣтственность угрожаетъ облеченнымъ столь высокимъ положеніемъ царственнымъ властителямъ въ случаѣ неисполненія ими указанной обязанности, но отвѣтственность не передъ какимъ либо судомъ чловѣческимъ—общественнымъ-ли то или частнымъ,—а именно предъ судомъ божественнымъ и только предъ нимъ.

Тѣ-же возрѣнія на значеніе верховной государственной власти, ея права и обязанности, на той-же религіозно-цер-

¹⁾ Ibid., стр. 540.

²⁾ Ibid., стр. 542—544 и слѣд.

ковной почвѣ и на основаніи византійскихъ же источниковъ, но съ нѣкоторыми новыми оттѣнками въ частностяхъ, высказываетъ игумень Волоцкій и въ шестнадцатомъ словѣ своего „Просвѣтителя“.

Обосновавъ на авторитетѣ „градскихъ законовъ, подобныхъ пророческимъ и апостольскимъ и святыхъ отецъ писаніямъ“ свою прежнюю мысль, что „согрѣшенія еретическая и паче отступническая тягчайши бываютъ разбойническихъ согрѣшеній, и татей, и убійць, и блудниковъ и прелюбодѣевъ, и гробокопателей, и всѣхъ грѣховъ смертныхъ“, и что „царемъ и княземъ и судіамъ земьскимъ подобаетъ еретики и отступники казнемъ лютымъ и смерти предавати, якоже убійца и разбойника и иніи злодѣя“ ¹⁾, и снова, въ видахъ большей убѣдительности, указавъ на примѣры ревности о православной вѣрѣ, проявленной православными царями греческими, которые „не точію простыя человекѣ, но и патріарховъ, святителей и священниковъ въ ересь впадавшихъ, по проклятїи, во изгнаніе и въ темницы отсылаху, дондеже душа своя злѣ извергоша“ (примѣры: царя Θεодосія Старшаго, сославшаго въ заточеніе патріарха цареградскаго Македонія со единомысленными ему епископами, Θεодосія Младшаго, Маркіана и др...) ²⁾, — Іосифъ дѣлаетъ затѣмъ такое замѣчаніе, направленное уже спеціально по адресу русскаго православнаго государя: „И аще убо нынѣ тако не сотворятъ православніи самодержцы, невозможно есть инѣмъ чимъ никакоже искоренитися еретикомъ и отступникомъ. Аще ли же о семъ подвижутся и ревность покажутъ Христа ради, еретики и отступники въ темницу ввергнутъ до дне смерти ихъ, и симъ умирится имать церковь божія и угасится злочестивыхъ еретиковъ и отступниковъ скверное жидовское ученіе“ ³⁾. Если цари будутъ давать еретикамъ ослабу, вѣря ихъ покаянію, которое часто бываетъ совершенно ложнымъ, то, по взгляду ревностнаго игумена, ересь не только не будетъ искоренена, но ея послѣдователямъ данъ будетъ поводъ еще сильнѣе и шире распространить ее, и въ результатѣ „послѣдняя будутъ горша

¹⁾ 16-е слово Просвѣтителя. Прав. Собес. 1857 г. ч. 3—4, стр. 586—588.

²⁾ Ibid., стр. 592.

³⁾ Ibid., стр. 594.

первыхъ“. „Державный великій князь Иванъ Васильевичъ,—разсуждаетъ Іосифъ на почвѣ современной русской дѣйствительности,—егда повелѣ святителемъ проклинати еретики... и по проклятїи которыхъ повелѣ въ темницу, сажати“, то они „злѣ животь свой скончаша и никогоже отъ православныхъ не прельстиша“. А когда тотъ же „Державый ять вѣру покаянїю еретиковъ“ (которые начали—и многіе ложно—принести раскаяніе послѣ перваго противъ нихъ собора, бывшаго въ 1490 г.), то что изъ этого вышло? Ложно покавшись, они „многа неизреченна зла сотвориша и многи отъ православныхъ христіанъ въ жидовство отведоша“, стремясь „сотворити такоже, якоже древніе еретицы, иже погубиша многія страны и царства великя“ ¹⁾. А за такія послѣдствїя отвѣтственность падаетъ на царей. Вотъ на этотъ случай разительный примѣръ. „Арменское и Ефіопское и Римское великое царство, отступившія отъ соборныя и апостольскїя церкви и отъ православныя христіанскїя вѣры, злѣ погибоша“ именно „небреженїя ради тогдашнихъ православныхъ царей и святителей, и тїи убо царіе и святители осуждени имуть быти на страшномъ судищи Христовѣ о такомъ небреженїи“ ²⁾. Распространенїе еретичества Іосифъ считаетъ такимъ образомъ явленїемъ, совершенно аналогичнымъ государственнымъ движенїямъ и переворотамъ, и разсматриваетъ ихъ, какъ причину паденїя и гибели всякаго царства. Для болѣе прочнаго обоснованїя указанной грозной отвѣтственности, падающей на царей за пренебреженїе дѣлами вѣры и церкви, Іосифъ опирается на авторитетъ византїйскаго императора Константина, будто бы оставившаго обширное завѣщанїе царямъ, князьямъ и судїямъ земскимъ, и отъ лица этого православнаго и равноапостольнаго царя въ такихъ сильныхъ и возвышенныхъ чертахъ изображаетъ высоту сана государственной власти, вытекающїя отсюда права и обязанности его носителей и отвѣтственность послѣднихъ за небрежное отношенїе къ этимъ правамъ и обязанностямъ. „Слышите убо и разумѣйте царіе и князи,—наставляетъ онъ представителей власти государствен-

¹⁾ Ibid., стр. 597.

²⁾ Ibid., стр. 598, 601.

ной словами царственнаго завѣта,—и бойтесь страха Вышняго, яко да не вашего ради небреженія смерть внидетъ въ міръ... Всякій убо царь или князь, или въ небреженіи живый, и о сущихъ подъ нимъ нерадя, и страха Вышняго не бояся, слугу себе сатанѣ сотворяетъ: сего ради страшно и напрасно найдетъ на него гнѣвъ Господень... Да не будете волцы въ пастырей мѣсто стаду Христову, и не предадите стада Христова звѣремъ на расхищеніе, еже есть іудѣемъ и еллиномъ, и еретикомъ и отступникомъ, и всѣмъ невѣрнымъ... Бози есте и сынове Вышняго, блюдитежеся да не будете сынове гнѣву, да не изомрете яко человѣцы, и во пса мѣсто сведени будете во адъ. Тѣмже разумѣйте царіе и князи, и бойтесь страха Вышняго,.. да Божію волю сотворше, пріимѣте отъ Него милость: васъ бо Богъ въ Себе мѣсто посади на престолѣ своемъ. Сего ради подобаесть царемъ и княземъ всяко тѣжаніе о благочестіи имѣти и сущихъ подъ нимъ отъ тревоженія спасти душевнаго и тѣлеснаго. Солнцу убо свое дѣло есть, еже свѣтити сущихъ на земли: царю же свое есть, еже пещися о всѣхъ сущихъ иже подъ нимъ: скипетръ царствія пріимъ отъ Бога, блюди, како угодиши давшему ти того, и не токмо о себѣ отвѣтъ даси къ Богу, но еже иніи зло творять, ты слово отдаши къ Богу, волю давъ имъ. Царь убо естествомъ подобенъ есть всѣмъ человѣкомъ, властію же подобенъ есть вышнему Богу. Но якоже Богъ хочетъ вся человѣки спасти, такоже и царь все подручное ему да хранить отъ всякаго вреда душевнаго и тѣлеснаго, яко да, Божію волю сотворше, пріимите отъ Бога со бесплотными силами присносущное радованіе“¹⁾. Опираясь далѣе на авторитетъ „церковныхъ книгъ, главы 60-й“ * Іустиніана, Іосифъ заявляетъ, что „царь злочестивый, небрегій о сущихъ подъ нимъ, не царь есть, но мучитель“²⁾. „Таковый царь—замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ—не Божій слуга, но діаволь... Таковаго царя, лукавства его ради, не нарече царемъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, но лисомъ: шедше, рече, рцѣте лису тому (Лук. 13, 32)“. Подобный царь—по Іосифу—недостойнъ даже послуша-

¹⁾ Ibid., стр. 601—603.

²⁾ Ibid., стр. 603—604.

нія: „и ты убо таковаго царя, или князя да не послушаеши, на нечестіе и лукавство приводяща тя, аще мучить, аще смертію прѣтитъ“¹⁾). Слѣдуетъ полагать, что проводя указанный взглядъ на отношеніе къ нечестивымъ царямъ, препод. игумень Волоцкій, какъ строгій подвижникъ, хотѣлъ въ данномъ случаѣ стать въ положеніе древнихъ аскетовъ, которыхъ гнали язычники за христіанство²⁾).

Какъ видимъ, вся сила и все содержаніе главнѣйшихъ обязанностей государственныхъ властителей и въ шестнадцатомъ словѣ Іосифовскаго „Просвѣтителя“ сводятся опять къ защитѣ православной вѣры и церкви отъ угрожающихъ имъ опасностей. Но за то изображеніе высоты сана царской власти здѣсь усиливается привнесеніемъ нѣкоторой новой возвышеннѣйшей черты. Эта новая черта—идея отраженія въ царской власти божественной воли. Воля государя освящается волею Божіею и, какъ само собою очевидно, власть его не можетъ быть поставляема рядомъ ни съ какою другою властію въ государствѣ, ибо его власть—власть намѣстника Божія на землѣ. Царь—это не только Божій слуга, самимъ Богомъ избранный и посаженный на царскомъ престолѣ и отъ Бога принявшій скипетръ царствія, но онъ и самъ является представителемъ Бога, неизмѣримо возвышающимся надъ обыкновенными людьми: этимъ послѣднимъ онъ уподобляется только по своей человѣческой природѣ, а властію онъ подобенъ Вышнему³⁾). Съ точки зрѣнія

¹⁾ 7-е слово „Просвѣтителя“. Прав. Собесѣдн. 1856 г., ч. 3—4, стр. 324—325; рук. сборн. Кіев. дух. акад. подъ зн. Аа 147, л. 31 и об.

²⁾ По мнѣнію О. Миллера, въ приведенномъ мѣстѣ изъ 7-го слова „Просвѣтителя“ заключается явный намекъ на нехоту вел. кн. Іоанна III казнить еретиковъ. См. его ст.: „Вопросъ о направленіи Іосифа Волоколамскаго“ въ журн. Мнн. Н. Пр. за 1868 г., ч. 137, стр. 542, прим. 2. По предположенію нѣкоторыхъ изслѣдователей, названный сейчасъ вел. князь будто и самъ не совсѣмъ чуждъ былъ еретическаго ученія. См. Костомарова: „Русс. Ист. въ плзнеопис. ея главн. дѣят.“ Сиб. 1874 г., стр. 332—337; также сочнн. Пикютскаго: „Очерки исторіи церкви въ Новгородѣ“, стр. 170.

³⁾ Въ одномъ изъ словъ „Просвѣтителя“ Іосифъ проводитъ, между прочимъ, такую черту различія между почитаніемъ царя и Бога: „подобаетъ тѣмъ (царю или князю) поклониться и служить тѣлеснѣ, а не душевнѣ, и въздавати имъ царскую честь, а не божественную, якоже Господь глаголетъ: въздадите Кесарева Кесареви, а божія Богу. Аще сице поклоняешия и служаши, вѣсть ти на пагубу души, но паче отъ сего научишия боитися Бога: царь бо Божій слуга есть,

преслѣдуемой цѣли проявленія царской власти аналогичны съ проявленіями власти божественной: какъ всевышній Богъ „хочетъ вся человѣки спасти“, такъ и земной богъ—царь долженъ хранить вѣрныхъ его попеченію людей отъ всякаго вреда душевнаго и тѣлеснаго. Выполняетъ или не выполняетъ царь это свое высокое назначеніе—въ томъ и другомъ случаѣ онъ подлежитъ суду и отвѣтственности не предъ людьми, а только предъ Лицемъ Всевышняго.

Таковы воззрѣнія Іосифа на значеніе верховной государственной власти, какъ они со всею ясностію высказаны имъ въ двухъ мѣстахъ „Просвѣтителя“.

Эти же государственно-политическія воззрѣнія, только уже въ спеціальному примѣненіи ихъ къ личности верховныхъ представителей православнаго русскаго царства—государей Московскихъ, проводилъ Волоцкій игуменъ въ нѣкоторыхъ частныхъ своихъ посланіяхъ, написанныхъ имъ также въ обстоятельствахъ борьбы съ послѣдователями ереси.

В. С—кій.

(Продолженіе будетъ).

въ человѣкомъ милостію и казнию“. 7-е слово „Просвѣт.“ Правосл. Собесѣдн. 1856 г., ч. 3—4, стр. 323—324; рус. сборн. Кіев. дух. акад. Аа, 147, л. 30 об. и л. 31.

Состояніе души пророковъ при откровеніяхъ Духа Святаго.

Психологическія изслѣдованія послѣдняго времени, не смотря на свое широкое развитіе, не могутъ похвалиться вполне успѣшнымъ и согласнымъ рѣшеніемъ своихъ проблемъ. Многіе факты и явленія нашей душевной жизни остаются—по прежнему—загадкой не только для психологовъ—материалистовъ, сводящихъ все психическіе процессы къ разнообразію физико-механическихъ сочетаній и комбинацій органическихъ элементовъ, но и для психологовъ—спиритуалистовъ, совершенно отрицающихъ значеніе органической матеріи, какъ необходимаго субстрата психическихъ процессовъ. Въ нашу задачу не входитъ выясненіе преимущества того или другаго метода психологическихъ изслѣдованій душевныхъ явленій; однако, слѣдуетъ замѣтить, что спиритуалистическій методъ въ его такъ называемомъ „монадологическомъ“ типѣ ¹⁾ (по принципу психо-физическаго параллелизма) является наиболѣе понятнымъ и цѣлесообразнымъ при объясненіи вѣкоторыхъ научно-психологическихъ фактовъ (напр. единства сознанія и

¹⁾ Этотъ монадологическій (или Лейбницянскій) типъ представляетъ изъ себя смягченную форму спиритуалистическаго воззрѣнія на человѣческую природу—въ противоположность „картезіанскому типу, признающему душу и тѣло за начала субстанціально противоположныя одно другому, непостижимымъ образомъ другъ съ другомъ связанныя. Этотъ послѣдній типъ не можетъ объяснить фактовъ взаимодѣйствія души съ тѣломъ и такъ наз. бессознательныхъ процессовъ. Въ этомъ отношеніи гипотеза монадологическая имѣетъ несомнѣнныя преимущества, если только устранить изъ нея произвольное метафизическое предположеніе Лейбница о совершенной непроницаемости и замкнутости монадъ и замѣнить его болѣе естественнымъ призваніемъ ихъ реальнаго взаимодѣйствія.

такъ наз. бессознательныхъ процессовъ). Преимущества такого метода еще болѣе открылись съ развитіемъ современнаго психологическаго ученія о внушеніяхъ (гипнотизмъ), какъ воздѣйствіи одной индивидуальной воли на другую. Хотя этиологическое изученіе внушеній пока еще есть *primū desiderium* для психологовъ, удовлетворяющихся въ настоящее время лишь констатированіемъ фактовъ и изученіемъ явленій, а не основн. первопричины ихъ, тѣмъ не менѣе самые эти факты и явленія привносятъ очень много новаго и дѣльнаго матеріала въ общую сокровищницу психологической науки. Научные выводы въ области явленій внушенія составляютъ теперь, можно сказать, *conditio sine qua non* при изученіи психологич. сознанія и бессознательныхъ процессовъ. Конечно, если психологическая наука вообще, какъ указано выше, не отличается точностью своихъ выводовъ и методологическимъ единствомъ, такъ что, напр., психологи—материалисты (объективисты) простѣйшими элементами и послѣдними производящими условіями психическихъ явленій считаютъ матеріальныя начала организма, а психологи—спиритуалисты (субъективисты) объясняютъ всѣ психическіе акты субстанціальной дѣятельностью души внутренними условіями сознанія, то тѣмъ, повидимому, труднѣе и сомнительнѣе примѣнять результаты научнаго психологическаго изслѣдованія къ области богословскаго знанія. Но въ этомъ случаѣ необходимо принять во вниманіе одно простое соображеніе. Если психологія, какъ самостоятельная наука, не всегда компетентна, методична и единогласна въ своихъ построеніяхъ, такъ что заставляетъ своихъ адептовъ искать истину среди самыхъ разнообразныхъ направленій, то, какъ наука вспомогательная, какъ своего рода *ancilla theologiae*, она имѣетъ неоспоримое значеніе для богослова. Это соображеніе мы постараемся оправдать самымъ рѣшеніемъ намѣченнаго нами вопроса—о психологическомъ характерѣ состояній пророческаго вдохновенія. Здѣсь-же найдетъ себѣ оправданіе и высказанное нами сужденіе о преимуществахъ спиритуалистическаго метода, напередшаго свою опору въ научно-психологическомъ изученіи явленій внушенія, потому что этотъ методъ, какъ единственно пригодный для объясненія назван-

ныхъ явленій, можетъ оказать существенную услугу и при психологическомъ опредѣленіи такъ наз. „особенныхъ пророческихъ состояній“, какъ высшихъ проявленій господства духа надъ тѣломъ—подъ вліяніемъ воздѣйствія сверхъестественной Силы Божіей. Значеніе явленій внушенія для спиритуалистической психологіи достаточно выяснено нѣкоторыми учеными—психологами ¹⁾. Факты внушенія весьма рельефно обнаруживаютъ присутствіе въ человѣкѣ особаго психическаго агента, обуславливающаго многія психическія явленія—независимо отъ матеріальныхъ—физическихъ и химическихъ—процессовъ въ организмѣ. Эти же факты способствовали появленію въ медицинской наукѣ (терапіи) новаго направленія, извѣстнаго подъ именемъ психотерапіи и гипнотерапіи, и разрабатываемаго особенно во Франціи—въ такъ наз. Нансійской (или психологической) школѣ (*l'école de Nancy*) ²⁾.

Словомъ, научное изученіе явленій сторонняго внушенія все болѣе и болѣе даетъ право психологамъ—спиритуалистамъ (въ противовѣсъ сторонникамъ матеріалистической психологіи) провозгласить—если не панпсихизмъ, то во всякомъ случаѣ—

¹⁾ См. напр.: *Forel*—*Der Hypnotismus, seine psychophysiologische, medicinische, strafrechtliche Bedeutung und seine Handhabung*. 2 Aufl. Stuttg. 1891 (pag. 91): по мысли этого ученаго, гипнотизмъ даетъ психологіи новый научно-экспериментальный методъ изслѣдованія; *Liebeault*—*le sommeil provoqué et les tats analogues*. Paris 1899 (осаб.—pp. 123—134); *Bernheim*—*De la suggestion et de ses applicatoins à la thérapentique*. Paris 1891 (pp. 233—235); *Гилларовъ*—*Гипнотизмъ по ученію школы Шарко и психологической школы*. Кіевъ 1894 (стр. 391—397); *Козловъ*—*Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики* (ос. стр. 32—33): здѣсь весьма удачно выставлены въ противовѣсъ матеріалистической психологіи факты такъ наз. „отрицательныхъ галлюцинацій“ въ состояніи гипнотизма (стр. 35); *Вонки*—*Гипнотизмъ*—пер. Мокиевскаго, СІБ. 1889 (стр. 52, 53, 72): здѣсь, впрочемъ, значеніе гипнотизма уже нѣсколько преувеличено и приравнено къ значенію фізіологіи для изученія тѣлеснаго механизма („вивисекція души“—стр. 52); *Вундтъ*—*Гипнотизмъ и внушеніе* (стр. 65—66)—значительно огривичиваетъ научно-методологическое значеніе гипнотизма для психологіи, хотя и не отвергаютъ его;—совершенная противоположность—у *Schmidkunz'a*—*Psychologie der Suggestion* (Stuttg. 1892), слишкомъ уже увлекшагося фактами гипнотизма в проповѣдующаго своего рода „пансуггестіонизмъ“.

²⁾ См. *Liebeault*—*Thérapeutique suggestive*. Paris 1891; *Bernheim*—*Hypnotisme, suggestion, psychotérapie*. Par. 1891 (кромя вышецит. соч.). Сюда-же должны быть отнесены и ученые школы Шарко (*Charcot*)—Люисъ, Берильзонъ и др. (См. у *Гилларова*—*Op. cit.*, стр. 229—253).

психо-физиологическій монизмъ, какъ этиологическій принципъ всѣхъ психическихъ отправленияхъ, потому что только съ такой точки зрѣнія и при свѣтѣ научно-психологическаго изслѣдованія явленій сторонняго внушенія—возможно отчасти понять поразительные факты вліянія психическаго агента (души) на органическую жизнь человѣка и проявленія самостоятельнаго—повидимому—дѣйствованія силъ души въ явленіяхъ сновидѣній, телепатіи, такъ наз. бессознательныхъ процессовъ и т. п. Эти же научныя изслѣдованія, какъ увидимъ ниже, заставляютъ убѣдиться въ совершенной возможности тѣхъ особенныхъ состояній пророческаго вдохновенія (вызываемыхъ воздѣйствіемъ на пророковъ Божественнаго Духа), которыя характеризуются полной сознательностью и—въ тоже время—представляютъ разительные примѣры обособленія духовной дѣятельности души отъ условій тѣлесной жизни и органическихъ процессовъ (пророческія видѣнія). Задача настоящаго изслѣдованія и состоитъ въ томъ, чтобы по аналогіи съ новѣйшими данными научно-психологическаго изслѣдованія явленій сторонняго внушенія—выяснить характеръ, полную возможность и совершенную психологическую достовѣрность состояній пророческаго вдохновенія, не отрицая обуславливающаго вліянія Высшей Причины и чудеснаго характера всей вообще исторіи библейскаго профетизма. Цѣль наша—показать, что тѣ чрезвычайныя состоянія пророческаго вдохновенія, объ условіяхъ и психологическомъ характерѣ которыхъ мы знаемъ изъ библіи, не представляютъ чего либо невѣроятнаго съ точки зрѣнія здраваго смысла и несогласнаго съ данными естественно-психологической науки. Интересъ подобнаго изслѣдованія обуславливается, съ одной стороны, важностію и серьезностію намѣченнаго вопроса, который почти еще не былъ выдвинутъ богословскою наукой въ такой его формулировкѣ (см. ниже 1 гл.), хотя и много писали богословы всѣхъ направлений о психологическомъ характерѣ библейскаго профетизма, а съ другой—наличностію превратныхъ теорій отрицательной критики, слагающейся свести всю ветхозавѣтную исторію къ законамъ общей естественно-исторической эволюціи и въ силу этого—подрывающей достовѣрность нѣко-

торыхъ библейскихъ повѣствованій и навязывающей имъ несоотвѣтствующій произвольный смыслъ ¹⁾).

1) Предметомъ особенно частыхъ нападокъ отрицательной критики является именно пророческій отдѣлъ ветхозавѣтныхъ книгъ. Представители этой критики утверждаютъ, напр., что названіе „nabi“ („пророкъ“) считалось позорнымъ у Израильтянъ: такъ, говорятъ, пр. Амосъ почувствовалъ себя обиженнымъ, когда вевильскій жрецъ Амасіа счелъ его за пророка или пророческаго сына (Ам. VII, 12—14). Пророческія общества, думаютъ, были не болѣе, какъ соединенія эстатиковъ, въ своей дѣятельности нисколько не отличавшихся отъ пророковъ Вааза или языческихъ жрецовъ. Поставленіе Самуила во главѣ сихъ обществъ, полагаютъ, есть позднѣйшее прибавленіе къ повѣствованію 1 кн. Цар.; при томъ-же, писатель этой книги, видимо отличая Самуила отъ другихъ пророковъ, называетъ его не „nabi“ (пророкъ), а „go'eh“ (прозорливецъ—*Wellhausen—Prolegomena zur Geschichte Israels. 1883 г. 2 Aufl., особ. 281, 308 и др.*).—Другіе даже утверждаютъ, что „для древняго израильянина одинъ и тотъ же смыслъ имѣли выраженія: „быть пророкомъ, являть себя пророкомъ“ и „непостовствовать“,—что „пестовый“ есть синонимъ пророка (ср. 4 Цар. IX, 11)—*Stade—Geschichte des Volkes Israel. I, 477, ср. 476 и др.*—Неудивительно, что критика съ такимъ направленіемъ высказываетъ перѣдко превратные взгляды на самый характеръ и этиологическій (обусловливающій) принципъ библейскаго профетизма, почти не отмѣчая истинныхъ пророковъ,—вдохновенныхъ посланниковъ Божіихъ, называемыхъ въ свщ. книгахъ общимъ именемъ „nabi“,—отъ такъ наз. пророчателей или прозорливцевъ, гадавшихъ о будущемъ на основаніи субъективнаго предчувствія или воображенія—помимо вопрошенія истиннаго Бога и называемыхъ въ Библии словомъ „kosem“ („косемъ“—см. напр. Ис. III, 2; Іез. XIII, 6—7). Такъ думаютъ, какъ увидимъ ниже, Эвальдъ, Гитцигъ, Кнобель и др. *Wellhausen*, напр., пророчества Амоса о разрушеніи израильскаго царства объясняетъ тѣмъ, что „пророкъ замѣтилъ на горизонтѣ грозное облако“, а *Smend*—тѣмъ, что „предстоящая гибель Израиля въ сердце отдѣльныхъ лицъ предпослала свою тѣнь“ (см. проф. *Елеонскаго*—Исходный пунктъ исторической или высшей критики—„Христ. Чит.“ за 1899 г., т. II, стр. 993).—У одного изъ вышеупомянутыхъ нами (см. 1 прим. стр. 7) ученыхъ—*Шмидкунца*—находимъ даже попытку объясненія библейскаго профетизма изъ фактовъ гипнотическаго внушенія. Но дѣло въ томъ, что объясненіе *Шмидкунца* касается самой сущности, характера и общаго смысла ветхозавѣтныхъ пророчествъ, гдѣ никакія аналогіи и естественно-психологическія соображенія ничего не могутъ дать—при отрицаніи воздѣйствія сверхъестественной Силы, какъ фактора, обусловливающаго пророческія состоянія. *Шмидкунцъ* смотритъ на ветхозавѣтныя пророчества, какъ на обще-народное самовнушеніе обусловленное различными политическими и социальными *ria desideria*, облекавшимися по законамъ психологіи, въ конкретныя картины будущаго ихъ исполненія—людьми высокаго патріотическаго энтузіазма—пророками (*Schmidkuntz—Op. cit., p. 330*). Одна крайность вызываетъ другую. Выше мы назвали *Шмидкунца*—„пансуггестіонистомъ“,—и это совершенно справедливо: *Шмидкунцъ* пытался объяснить внушеніемъ почти всѣ догматы христіанскіе (твореніе, воплощеніе и др.). Впрочемъ, *Шмидкунцу* нечего удивляться, такъ какъ онъ принадлежитъ къ числу вышеупомянутыхъ эволюціонистовъ и его основная ошибка въ воззрѣніи на характеръ библейскаго профетизма опредѣляется умолчаніемъ о высшей Божественной Силѣ, воздѣйствовавшей на духъ пророковъ, и вообще направлявшей къ известной опредѣленной цѣли весь ходъ еврейской ветхозавѣтной исторіи.

I.

Историко-критическое разсмотрѣніе различныхъ стадій развитія вопроса о библейскомъ профетизмѣ.

Научно-богословскія теоріи библейскаго профетизма могутъ быть сведены къ двумъ общимъ направленіямъ: первое изъ нихъ смотритъ на профетизмъ, какъ на продуктъ высшей функціональной интенсивности естественнаго человѣческаго духа и—такимъ образомъ—думаетъ уразумѣть самый характеръ и этиологическій принципъ библейскаго профетизма на почвѣ естественно-психологической,—второе считаетъ библейскій профетизмъ плодомъ высшаго вдохновенія, результатомъ воздѣйствія сторонней сверхъестественной Силы. Въ нашу непосредственную задачу не входитъ критическій разборъ и оцѣнка этихъ діаметрально противоположныхъ воззрѣній на сущность библейскаго профетизма,—тѣмъ болѣе, что первое изъ нихъ уже давно отвергнуто православной богословскою наукой, а второе—признано, какъ единственно возможное и истинное; посему о первомъ воззрѣніи мы сдѣлаемъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаній.

Представители этого воззрѣнія (Эвальдъ, Ласоль, Гитцигъ, Клобель, Дункеръ и др.) ¹⁾ утверждаютъ, что профетизмъ не есть исключительно библейское явленіе, что, будучи необходимымъ требованіемъ религіозности человѣка, онъ коренится въ самой природѣ человѣческаго духа и въ большей или меньшей степени находится у всѣхъ народовъ, различаясь лишь формами своего проявленія—въ зависимости отъ степени развитія религіознаго сознанія того или другаго народа (отсюда получаютъ свое начало—гаданіе по шуму древесныхъ листь-

¹⁾ Начало вѣры въ естественную прозорливость восходитъ къ древней эпохѣ греческой философіи. Сократъ, самъ бывший живымъ воплощеніемъ этой прозорливости, хотя приписывалъ знаніе людей о будущемъ примымъ откровеніемъ боговъ (Хенорф. Сугор. III, 1, 5), но искалъ основаній для него въ самой душѣ человѣка. Платонъ для многихъ пророчествъ не считалъ необходимымъ божественное воздѣйствіе, приписывая ихъ способности души проявляющейся въ людяхъ, ведущихъ разумную жизнь, и заботящихся о развитіи духа (De republ. IX, 572). По Аристотелю, способность душъ—узнавать будущее, помимо откровенія боговъ, проявляется въ нѣкоторыхъ особенныхъ состояніяхъ,—напр. во снѣ, передъ смертію (De divinatio. per somn. 1 p. 462).

евъ, по полету птицъ, затѣмъ—мантика и, наконецъ—еврейское пророчество). По мнѣнію Ewald'a (Die Propheten—S. 9), пророчества суть выраженія а ргіогі скрытыхъ въ душѣ человека высшихъ религіозно-нравственныхъ истинъ: подъ напоромъ соотвѣтствующихъ впечатлѣній, эти истины пробуждаются въ воспріимчивой душѣ пророка съ такою неодолимою силой, что онъ чувствуетъ себя принужденнымъ выразить ихъ во внѣ—въ словѣ или символическомъ дѣйствіи; интенсивность сознанія этихъ истинъ обуславливаетъ представленіе ихъ пророкомъ въ формѣ ясныхъ образовъ, картинъ, или вѣдѣній; въ такомъ психическомъ состояніи личность пророка, какъ человека, ступшевывается и внутренней голосъ его сознанія чудится ему—какъ голосъ другого, стоящаго выше его, существа. Отличіе языческихъ пророчествъ отъ еврейскихъ, по Ewald'у, состоитъ только въ томъ, что въ язычествѣ упомянутыя истины выражались менѣе удачно, чѣмъ у евреевъ, и часто являлись въ искаженномъ видѣ ¹⁾. Ласоль (Lasaulx) (въ соч. „Пророческая сила человѣческой души въ поѣтахъ и мыслителяхъ“) хочетъ объяснить пророчество, какъ предсказаніе будущаго, изъ присущей человѣческому духу, составляющему часть общеміровой души, способности предчувствія или предузнанія—въ моменты погруженія индивидуальной души во всеобщую или космическую душу (стр. 43) ²⁾. Всѣ изложенныя сужденія, какъ видно, не полагаютъ никакого различія между истинными библейскими пророками („nabi“) и такъ наз порицателями или гадалателями („kosem“), хотя тѣ и другіе ясно различаются въ самой библіи (см., напр., Ис. III, 2 ³⁾). Не вдаваясь въ подробную критику этихъ сужденій, замѣтимъ, что темное гаданіе, на основаніи субъективныхъ предчувствій ищущее оцѣнку отвѣтовъ на вопросы о будущемъ, а тѣмъ болѣе—мантика, предполагающая какое то неопредѣленное, искусственно-экстатическое и бессознательное состояніе своихъ адептовъ (медіумовъ), не имѣютъ ничего общаго съ истинно-пророческими состояніями, въ которыхъ пророкъ, какъ

¹⁾ Ср. Ewald—Die Lehre d. Bibel von Gott. B. III, 197—210.

²⁾ Проф. А. П. Лопухинъ—Библейская Исторія... т. II, стр. 685.

³⁾ См. примѣч. на стр. 11—12.

увидимъ ниже, сознательно воспринимаетъ высшія откровенія Божественнаго Духа и сознательно-же передаетъ ихъ народу. Что касается, въ частности, теоріи Ewald'a, то она погрѣшаетъ пелагіанизмомъ, когда думаетъ въ самой природѣ чело-вѣческой, въ ея естественномъ грѣховномъ состояніи затемнившемъ религіозныя и нравственныя истины, открытыя перво-бытному чело-вѣку, найти здоровый зародышъ, который бы, побѣждая при извѣстныхъ обстоятельствахъ все грѣховное, возрождалъ эти истины въ ихъ „априорномъ“, первоначальномъ видѣ. При томъ же, въ Ветхомъ Завѣтѣ пророчество представляется выраженіемъ истинъ не естественно-чело-вѣческихъ, а высшихъ—божественныхъ, не достижимыхъ есте-ственнымъ процессомъ чело-вѣческаго мышленія. И дѣйстви-тельно, подобныя истины—въ ихъ настоящемъ свѣтѣ—были чужды даже корифеямъ древней греческой философской мысли (Сократу, Платону, Аристотелю), являющихся вершинами естественнаго чело-вѣческаго генія, а между тѣмъ, приблизи-тельно въ ту же эпоху историческаго развитія чело-вѣчества, истины высказываются ветхозавѣтными пророками, людьми про-стыми, неучеными, или во всякомъ случаѣ—не принадлежа-щими къ философскому міру!.. Теорія Ласоля покоится, оче-видно, на шаткихъ пантеистическихъ основаніяхъ. При томъ, ясно, что предсказаніе, основанное на предчувствіи, и огра-ниченное самыми общими сферами, не можетъ быть поставлено въ параллель съ ветхозавѣтнымъ пророчествомъ, конкретно предугазывающимъ частныя факты и явленія исторической жизни, причинная связь которыхъ съ настоящимъ часто со-всѣмъ непонятна чело-вѣческому уму ¹⁾. Въ заключеніе замѣ-тимъ, что несостоятельность вышеизложенныхъ взглядовъ на библейскій профетизмъ явствуетъ изъ нѣкоторыхъ выраженій самихъ пророковъ, которые постоянно были проникнуты со-знаніемъ воздѣйствія на нихъ сверхъестественной Силы, какъ принципа, обуславливающаго пророческое вдохновеніе таковы, напр., выраженія: „Была на мнѣ рука Господня“ (Иез. 3, 22);

¹⁾ Болѣе подробное опроверженіе всѣхъ этихъ и пнхъ подобныхъ воззрѣній на ветхозавѣтное пророчество см. у А. П. Лопушина—Библейская исторія при свѣтѣ новейшихъ изслѣдованій и открытій. СПб. 1890. Т. II, стр. 681—688.

„Ниспелъ на меня Духъ Господень и сказалъ мнѣ“ (Иез. 3, 24); „И рука Господня была на мнѣ крѣпкая“ (Иез. 3, 14); „Я исполненъ силы Духа Господня“ (Мих. III, 8) и др.

Итакъ, давно покончивъ счеты съ первымъ изъ вышеуказанныхъ направленій, отрицающимъ необходимую причину сверхъестественнаго дѣйствія въ пророчествѣ, библейская наука занялась обоснованіемъ и болѣе точнымъ раскрытіемъ второго направленія, объясняющаго всѣ факты ветхозавѣтнаго пророчества воздѣйствіемъ на пророковъ высшей Силы—Божественнаго Духа. Но здѣсь снова возникли важные и трудные вопросы—о способахъ воздѣйствія сверхъестественной причины на ограниченный человѣческій духъ и о характерѣ психическаго состоянія пророковъ въ моменты полученія откровеній отъ Бога и сообщенія ихъ людямъ. Рѣшеніе этихъ вопросовъ раздѣлило ученыхъ на два лагеря:—одни признали, что воздѣйствіе Божества на ограниченный человѣческій духъ необходимо ведетъ за собой полную потерю личнаго сознанія и подавляетъ активность всѣхъ вообще психическихъ отправленій субъекта, испытывающаго такое воздѣйствіе (этого рода ученые могутъ быть названы—пассивистами),—другіе, наоборотъ, отрицая всякаго рода автоматизмъ или пассивизмъ въ психологіи пророческихъ состояній, стали доказывать полную сознательность и активность явленій ветхозавѣтнаго пророчества (такъ называемые—активисты). Первые проявленія и борьбу этихъ двухъ противоположныхъ направленій можно видѣть уже въ древней патристической литературѣ, начиная со II вѣка. Такъ, послѣдователями перваго направленія (пассивистовъ) являются—Аѳинагоръ, Иустинъ Философъ, Тертуліанъ,—второго—Оригенъ, св. Златоустъ, бл. Иеронимъ и др. По словамъ Аѳинагора, „пророки разсуждали о Богѣ и божественныхъ предметахъ—Божественнымъ Духомъ (Spiritu Divino), который двигалъ устами пророковъ, какъ инструментами (qui prophetarum ora tanquam instrumenta permovit“). Пророки, говоритъ Аѳинографъ, „внѣ (помимо) себя и своихъ собственныхъ разсужденій, κατ'ἑκτασθον, вслѣдствіе воздѣйствія (impulsu) Божественнаго Духа, возвѣщали только то, что Онъ напечатлѣвалъ въ нихъ: Духъ пользовался ими, какъ органами, подобно тому,

какъ флейтистъ обыкновенно ползуется флейтой для духовой игры“¹⁾. По мнѣнію Іустина Философа, пророки ничего не говорятъ сами по себѣ (*ex suo sensu*), потому что знать столь возвышенные Божественные предметы не свойственно уму человѣческому: знаніе Божественныхъ и небесныхъ предметовъ открываетъ и возвѣщаетъ намъ Св. Духъ, Который только ползуется пророками, какъ инструментами, нисходя на нихъ съ пеба—подобно плектру (падающему) на лиру или цетру²⁾. Такой взглядъ на психологическій характеръ пророческихъ состояній даетъ основаніе Іустину Философу нѣсколько сблизать библейскія пророчества съ предсказаніями древней Сивиллы (не по духу и содержанію, конечно, а—по формѣ). Обращаясь съ увѣщаніемъ къ язычникамъ, св. Іустинъ, между прочимъ, говоритъ имъ, что они легко могли бы, хотя отчасти, изучить истинную религію по древнимъ предсказаніямъ Сивиллы, не чуждой нѣкоторой силы и божественнаго вдохновенія,—предсказаніямъ, „весьма близко подходящимъ къ пророческой доктринѣ“³⁾, такъ что чтеніе книгъ Сивиллы, распространяемыхъ по всему міру (*per totum orbem*), можетъ служить имъ „какъ бы приготовленіемъ къ чтенію святыхъ пророковъ“⁴⁾. По указанію самаго Іустина Философа, такой

¹⁾ („*Prophetas nomine*) qui *extra se suasque cogitationes positi* (=κατ'ἑκαστον), *divini Spiritus impulsu, quicquid ille in ipsis efficiebat, eloquebatur: quum Spiritus cis ceu organis uteretur: ut tibiis ad inflandum uti solet tibicen*“,—*Athenagorae Apologia vel Legatio pro Christianis* (у Bigne—Magna Bibliotheca veterum Patrum—Edit. Col. Agrip. 1618. t. II, pag. 131, BetE).

²⁾ *Prophetae... „se metipsos puras, Sancti Spiritus opera* (въ другомъ изданіи—см. ниже—стоятъ *operationi*) *praebere debuerunt, ut divinum illud plectrum, quod e coelo delapsum erat, quasi citharae cujusdam vel lyrae instrumento justis bonisque viris utens, nobis divinarum rerum scientiam patefaceret atque enunciaret*“,—*Just. Philos. Admonitio, sive adhortatio ad Gentes* (Bigne—Magna Biblioth. t. II, pag. 54, G et H.).—Въ другомъ латинскомъ изданіи твореній Іустина Философа конецъ приведенной выдержки читается такъ: „.....*ut ipsum numen superne descendes pulset eos* (т. е. *prophetas*) *tanquam lyram aut citharam, et coelestem eis sapientiam revelet*“ (*Divi Iustini Philosophi—Opera, interpr. Sigismundo Gelenio. Basil. 1555, p. 14*).

³⁾ *Just. Philosophi—Op. cit.*,—у Bigne—t. II, 61, а у Gelen. p. 32—33: „*Poteritis* (т. е. *Gentes*) *etiam facile partem aliquam religionis verac discere e priscis Sibyllae* (у Bign'я—добавл.—*quae et divino numine afflata*) *oraculis prope* (у Bign'я—*proxime*) *ad propheticam doctrinam* (у Bign'я—*disciplinam*) *accidentibus*“.

⁴⁾ *Ibidem*: „*Erit id* (т. е. чтеніе Сивиллы) *vobis ad legendas sacros prophe-*

взглядъ на пророческія состоянія имѣеть для себя основаніе въ сужденіяхъ Платона, который (въ „Менонѣ“) приписываетъ божественное вдохновеніе и оракуламъ (орасуліс) и прорицателямъ (валтбус) и поэтамъ (роеліс), при чемъ замѣчаетъ, что всѣ вдохновенные Божествомъ субъекты, говорятъ и дѣйствуютъ совершенно безсознательно ¹⁾. Что касается Тертуліана, то онъ, естественно, всегда отстаивалъ такое воззрѣніе, какъ наиболѣе соотвѣтствовавшее его монтанистическимъ тенденціямъ. Характеристическимъ признакомъ мнимаго монтанистическаго пророчества было искусственно—возбуждаемое экстатическое состояніе, постулируемое совершенной подавленностью самосознанія. Соотвѣтственно этому, и Тертуліанъ полагаетъ, что воздѣйствіе Божественной благодати, „имѣющей въ насъ подвластную себѣ (subjacentem sibi) силу свободной воли“ ²⁾, всегда происходитъ на счетъ уменьшенія активности психическихъ отправленій. У Тертуліана часто можно встрѣтить выраженія, подобныя, напр., слѣдующимъ: „Слово (т. е. Христосъ было Духомъ, говорившимъ въ пророкахъ (in prophetis locutum)“ ³⁾, или „Христомъ пророковъ“ ⁴⁾, „въ псалмахъ уже пѣлъ самъ Духъ Христовъ“ ⁵⁾ и т. п.—Въ противоположность всѣмъ вышеизложеннымъ воззрѣніямъ отцовъ и учителей церкви на пророческія состоянія, какъ на совершенно (или—въ значительной степени) пассивныя, въ древней патристической литературѣ часто можно встрѣтить, какъ упомянуто выше, и

tas seu praeludium“ (у Bign'я: „Erit enim harum rerum scientia necessaria quaedam et prima vobis vaticinationis sanctorum virorum exercitatio“.—Дѣйствительно, въ Сивиллиныхъ книгахъ встрѣчаются идеи, соотвѣтствующія религиознымъ чаяніямъ Іудеевъ; напр., въ 6 и 8 кн. заключается „гимнъ Іисусу, Сыну Божію“. Полагаютъ даже, что 6—8 Сивил. книги суть произведенія христіанъ изъ Александрійскихъ іудеевъ (смотри. *Herzog—Real—Encyclopädi*. B. 14. Sibyllen. S. 315—329).

1) Ibidem... „magno successu dicunt faciuntque res maximas, quas nequaquam intelligunt“. Дѣйствительно, Платонъ въ „Апологии Сократа“ замѣчаетъ, что языческіе прорицатели говорили „много и хорошо, хотя сами не знали того, что говорили“.

2) *Tertul.* De anima—cap. XXI: „Vis divinae gratiae potentior utique naturae, habens in nobis subjacentem sibi liberam arbitrii potestatem“.

3) Adv. Marc. I. III. c. 4.

4) Ibidem I, IV, c. 13: „Habet Christum prophetarum“.

5) Adv. jud. cp. 10: „In psalmis ipse Spiritus Christi jam canebat“.

возрѣнія, вполнѣ соответствующія теоріи активизма. Борьба съ монтеизмомъ заставила ревнителей истиннаго христіанства особенно рельефно выдвинуть въ вопросѣ о пророческихъ состояніяхъ принципъ активности, сознательности и самодѣятельности. По мнѣнію Оригена, экстазъ или изступленіе есть вѣрный признак ложнаго пророчества—по внушенію демоновъ, тогда какъ ясное сознаніе—признакъ истиннаго божественнаго вдохновенія. „Очень многіе изъ грековъ, говоритъ Оригенъ, думали, что даже поэтическое искусство не можетъ существовать безъ изступленія (*insania*) ума, поэтому и въ ихъ исторіяхъ рассказывается, что иногда такъ наз. у нихъ прорицатели (*vates*) внезапно были исполняемы духомъ какого то безумія (*insaniae*). Затѣмъ, у грековъ есть еще такъ наз. божественные (*divini*), которые, подъ воздѣйствіемъ (*per inoperationem*) управляющихъ ими демоновъ, даютъ отвѣты... Вообще, изъ многихъ указаній ясно открывается, что чело-вѣческая душа, пока находится въ тѣлѣ, можетъ воспринимать разныя воздѣйствія (*energias*), т. е.—воздѣйствія (*inoperationes*) различныхъ духовъ, злыхъ и добрыхъ... Но злые духи совершенно овладѣваютъ умомъ людей, такъ что совсѣмъ не дозволяютъ одержимымъ ничего понимать (*intelligere*) или думать (чувствовать—*sentire*)... Напротивъ, когда человекъ побуждается къ добру и вдохновляется къ небесному и божественному, тогда онъ воспринимаетъ энергію (*energiam*), т. е. воздѣйствіе добраго духа ¹⁾. Такъ дѣйствовали святые ангелы и Самъ Богъ въ пророкахъ, призывая и увѣщевая ихъ къ добру святыми внушеніями (*sanctis suggestionibus*), причемъ однако желаніе или нежеланіе слѣдовать тому, кто призывалъ къ небесному и божественному, оставалось, конечно, въ волѣ и распоряженіи человека. . Итакъ, душа подъ вліяніемъ вдохновенія (*aspiratione*) не подвергается возмущенію или поврежденію ума и не лишается свободнаго рѣшенія своей воли: примѣромъ могутъ служить всѣ пророки или апостолы“... ²⁾ По мы-

¹⁾ Творенія Оригена—изд. Казанск. дух. Акад. 1899 г. „О началахъ“—III кн., 3—4 §§.

²⁾ *Origenis—Opera omnia—Edit. C. Delarue. Venetiis. 1743. t. I—De principiis—III, III, 4: „Sicut sancti angeli et ipse Deus inoperatus est in prophetis suggestionibus sanctis ad meliora provocans et cohortans: ita sane ut maneret*

сли св. Златоуста, состояніе экстаза или изступленія, предполагающее нарушение нормальной психической дѣятельности, свойственно лишь магамъ или мантикамъ, на что указываетъ и самое названіе—мантикъ (μάντις—отъ μανίωμα—бѣсноваться, находится въ ненормальномъ состояніи духа), но отнюдь не пророкамъ, по скольку пророкъ—προφήτης—есть ораторъ, изрекающій истины и—потому—здорово и сознательно разсуждающій и сохраняющій разумственное спокойствіе: „мантику свойственно выходить изъ себя, подчиняться необходимости, судорожно передергиваться; не таковъ пророкъ: онъ говоритъ съ яснымъ сознаніемъ, здоровымъ разсудкомъ и спокойствіемъ, зная что говоритъ“¹⁾. Въ такомъ же духѣ разсуждаетъ о пророческихъ состояніяхъ бл. Иеронимъ, по мнѣнію котораго экстазъ, полная психическая пассивность и подавленность сознанія свойственны и приличны только монастическимъ пророкомъ²⁾. Такъ мыслилъ и св. Василій Великій; вотъ его слова: „противно характеру Божественнаго наитія—богодухновеннаго дѣлать безумнымъ (ἔκφρονα—amentem), такъ чтобы онъ, исполняясь божественныхъ наставленій, выходилъ изъ свойственнаго ему разума (τῆς οἰκείας ἐξίστασθαι διανοίας)... И вообще, сообразно ли съ разумомъ, чтобы... Духъ вѣдѣнія уничтожалъ въ человѣкѣ разумность? Но свѣтъ не производитъ слѣпоты... И духъ не производитъ въ душахъ омраченія (σκότωσιν) а—напротивъ—возбуждаетъ (διανίστησι) умъ, очищенный отъ грѣховныхъ сквернъ, къ созерцанію мысленнаго (πρὸς τὴν τῶν νοητῶν θεωρίαν)... При томъ, если святые мудры, то какъ имъ было не постигать того, о чемъ пророчествовали?“...³⁾ Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что мнѣнія отцовъ

in arbitrio hominis ac iudicio, si sequi velit aut nolit ad caelestia et divina provocantem“; отсюда слѣдуетъ, что душа „nullam prorsus ex imminente aspiratione abturbationem vel alienationem mentis incurrat, nec perdat arbitrii sui iudicium liberum: sicut exemplo sunt omnes vel prophetae, vel apostoli“... (по изд. *Delarue*—pag. 96). Больше подробно раскрыты эти мысли Оригеномъ въ соч. „*Contra Celsum*“—VII, 3—4 (по изд. *Delarue*—pag. 354), о чемъ у насъ будетъ рѣчь ниже (въ IV главѣ).

1) Homil. 29 in 1 Corinth.,—ср. Вес. на ис. 44.

2) Предисл. къ коммент. на пр. Исаію.

3) *S. Basilii Magni—Opera—Parisiis 1637.* tom. II, pag. 17, A et B. Въ русск. пер. твор. Вас. В., ч. II, стр. 9.

церкви—значительнымъ большинствомъ—склоняются на сторону теоріи активизма, предполагающей полную сознательность и самодѣтельность въ пророкахъ въ моменты высшаго пророческаго вдохновенія. Эта теорія, неоднократно повторявшаяся послѣдующими христіанскими мыслителями до самаго послѣдняго времени ¹⁾, окончательно восторжествовала въ

¹⁾ Нужно замѣтить, впрочемъ, что въ средневѣковой богослов. наукѣ высказывались нерѣдко тенденціи, воплотившія—повидимому—соотвѣтствующія пассивистической теоріи профетизма. Но дѣло въ томъ, что всѣ разсужденія средневѣковыхъ ученыхъ о пророческомъ вдохновеніи имѣли совершенно иную цѣль и вызывались требованіемъ такъ или иначе рѣшить назрѣвшій въ наукѣ вопросъ о боговдохновенности Св. Писанія. Посему, вопросъ о пророческихъ состояніяхъ является здѣсь второстепеннымъ: онъ, собственно, даже и не рѣшается,—испсихологически не обосновывается названными учеными, а лишь догматически констатируется въ томъ или другомъ смыслѣ—соотвѣтственно воззрѣнію извѣстнаго ученаго на боговдохновенность книгъ Св. Писанія. Такъ, по словамъ извѣстнаго экзегета Зигабена (XI в.), „человѣческіе авторы ветхозавѣтныхъ книгъ были подобны инструментамъ и говорили только то, что воспринимали отъ Св. Духа... Рукъ пишущаго давалъ направленіе Духъ Святій... Длиннее ли псаломъ или коротокъ—это есть дѣло Св. Духа (Comment. in psalm. IX v. I). Еще болѣе рѣзко подобная тенденція высказывалась западными богословами. Пасхазій Радбертъ (IX в.) сравниваетъ пророковъ съ винограднымъ точиломъ, въ которое излилась благодать Св. Духа, и говоритъ, что „слова Писанія принадлежатъ не тѣмъ, кто ихъ высказалъ по обязанности (ex ministerio), но Богу, изъ устъ Котораго они возникли (ex cujus ore procedunt“.—Exposit. in Matth. I. III с.—IV). Впрочемъ, здѣсь мы встрѣчаемся и съ противоположными сужденіями, болѣе соотвѣтствующими теоріи активизма. По замѣчанію Майнцаго архіеп. Гайма Мавра (IX в.), пророки были разумными, а не слѣпыми и безсознательными, орудіями Св. Духа; иначе они и не могли быть названы пророками, если бы не понимали того, что возглаголювали собственными устами. Однако, въ другомъ мѣстѣ тотъ же ученый говоритъ: „ipse enim scripsit (т. е. Spiritus), qui per prophetas suos scribenda dictavit“ (De cleric. instit. с. 54). Въ періодъ господства схоластики также высказывались различныя сужденія относительно пророческаго вдохновенія. Петръ Ломбардъ (XII в.) полагалъ, что „у вдохновеннаго лица всѣ силы и способности остаются цѣлыми и неповрежденными, благодаря чему дѣлается возможнымъ сообщеніе Божественныхъ тайнъ другимъ“ (Comment. in psalm. 44). Таулеръ (XIV в.) говорилъ: „какъ вода течетъ чрезъ каналъ, такъ и вѣчное слово Божіе чрезъ своихъ слугъ“ (Kuntze und Biesen, Bd. 1. 58). Въ общемъ, однако, относительно всѣхъ средневѣковыхъ богословъ (особенно-схоластическаго періода принято думать, что они, усвоивъ господствующую причину въ актѣ вдохновенія Св. Духу, сохраняютъ значеніе человѣческой личности: но ихъ общему сужденію, эта послѣдняя при вдохновеніи не поглощается Божествомъ; писатели являются разумными, а не безсознательными орудіями Св. Духа; они примѣняются къ обычнымъ формамъ разговорной рѣчи, чтобы облегчить людямъ пониманіе Божественныхъ тайнъ. Наконецъ, всѣ эти богословы „нигдѣ не отождествляютъ библейское вдохновеніе съ без-

богословской наукѣ. Преосвященный Хрисанъ въ психическомъ состояніи вдохновенія у ветхозавѣтныхъ пророковъ, отличномъ отъ состояній языческихъ прорицателей, видитъ характерный признакъ истиннаго пророчества и истиннаго вдохновенія: „Мнимый созерцатель, говоритъ онъ, божественныхъ тайнъ въ браминствѣ, мнимо-одухотворенный въ буддизмѣ переживаютъ состоянія, характеризующіяся потерей сознанія и личнаго чувства. Греческій прорицатель и прорицательница во время своихъ прорицаній также выходили изъ нормальнаго состоянія, бѣсновались, говорили безсвязныя рѣчи, сами не понимая, что онѣ значать... Самыя слова, которыми обозначались въ язычествѣ пророчество и состояніе прорицателей, — у грековъ—μανία, μάντις (отъ μανθάνω), а у римлянъ—furor, dementia,—показываютъ, что прорицатели были люди болѣзненно настроенные... Ничего подобнаго не были у пророковъ еврейскихъ: личное сознаніе оставалось въ нихъ неприкосновеннымъ; психическое состояніе ихъ не было патологическимъ. Духъ Божій дѣйствовалъ на нихъ, не подавляя ихъ духъ и сознанія. Духъ Ісусовъ нисходитъ на нихъ и почиваетъ (Числ. XI, 17, 25—29; Суд. XIV, 6, 19), но не вселяется въ нихъ до уничтоженія ихъ личности; Онъ объемлетъ человѣческой духъ (Суд. VI, 34; 1 Пар. XII, 18), облакаетъ его своею силою (2 Пар. XXIV, 20), возбуждаетъ, но не нарушаетъ его нормальнаго состоянія, не повергаетъ въ без-

---

сознательнымъ и безвольнымъ экстазомъ древне-языческой мантики“. (Леонардова—Ученіе о богодухновенности Св. Писанія въ средніе вѣка—„Вѣра и Разумъ“ 1897 г. т. I. ч. II). Совершенно иного рода сужденія о пророческомъ вдохновеніи, вполне уже соответствующія теоріи пассивизма, встрѣчаемъ у такъ наз. вербалистовъ XVII вѣка (Герардъ, Квенштадтъ, Каловъ, Музей, Бейръ, Буксторфъ и др.), крайне преувеличенно настаивающихъ на богодухновенности каждой буквы Св. Писанія (общая тенденція: „писатели говорили такимъ образомъ, въ такомъ порядкѣ и тѣми словами (καθώς=eo modo, ordine et verbis), какъ внушалъ имъ Св. Духъ“) и извращающихъ даже самое понятіе богодухновенности (см. изсл. Леонардова—Вербальная теорія богодухновенности Св. Писанія среди Западныхъ богослововъ въ XVII в.—въ „Вѣра и Разумъ“ за 1900 г.). Но и относительно всѣхъ этихъ сужденій тоже слѣдуетъ сказать, что они не имѣютъ спеціальнаго значенія (при рѣшеніи вопроса о состояніяхъ пророч. вдохновенія), такъ какъ высказаны совершенно съ иной цѣлью и ничѣмъ не обоснованы (ср. сказанное о томъ-же ниже—въ IV гл.).

сознательность“¹⁾. Однако, не смотря на такое торжество и преобладаніе въ богословской наукѣ теоріи активизма, въ самое недавнее время въ западномъ научно-богословскомъ мірѣ вспыхнули проблески забытой теоріи пассивизма или экстатическаго автоматизма, которые, впрочемъ, такъ же скоро потухли, какъ потухаютъ блѣдныя искры, вспыхивающія изъ перегорѣвшаго матеріала. Такъ, Генстенбергъ вздумалъ возобновить теорію экстаза и обосновать ее на нѣкоторыхъ фактахъ и выраженіяхъ, которыми якобы уясняется, что пророки испытывали насильственное, подавляющее всякую сознательность, дѣйствіе „руки Господней“; таковы, напр., выраженія: „Духъ Іеговы ниспалъ на меня“, „и была на мнѣ рука Господня крѣпкая“ (Іезек.), „Ты влекъ меня, Господи, и я увлеченъ“ (Іер.) и т. п. Отсюда слѣдуетъ, по словамъ названнаго ученаго, что „пророческое состояніе вдохновенія есть *экстазисъ*“, что личная жизнь и сознаніе пророка подавляются божественнымъ вліаніемъ, становясь въ страдательное положеніе“ (*Christologie*, 1 и 2 Aufl.). Но почему Генстенбергъ думаетъ что „крѣпкая рука“²⁾ въ подобныхъ выраженіяхъ есть символъ силы, подавляющей сознаніе, а не—силы, укрѣпляющей и поддерживающей пророка, ободряющей его въ моментъ созерцанія страшныхъ и непостижимыхъ видѣній (ср. Дан. X, 8; Іезек. II, 1—2; Ис. VI)? По чему не допустить, что „ниспаденіе Духа Іеговы“ и тяготѣніе „крѣпкой руки Господней“ есть ни больше ни меньше—какъ ясно сознаваемый самими пророками признакъ высшаго пророческаго вдохновенія, или особеннаго состоянія, не всегда (какъ увидимъ ниже) присущаго пророкамъ?.. Наконецъ, всѣ подобныя выраженія (въ частности—см. Іер. XX, 7—9) скорѣе свидѣтельствуютъ о томъ, что воздѣйствіе всеильнаго Божественнаго Духа на ограниченный человѣческой духъ созвается и чувствуется этимъ послѣднимъ, какъ нѣчто весьма

¹⁾ *En. Хрисанозъ*—Религія древняго міра въ ихъ отношеніи къ христіанству. Слб. 1878 г. т. III, стр. 302—304.

²⁾ Настоящій смыслъ всѣхъ подобныхъ выраженій пророковъ самъ собою будетъ ясенъ въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ.

могущественное,—возбуждающее, но не подавляющее,—внушающее, но не насилующее,—просвѣтляющее и вдохновляющее, а не омрачающее,—какъ нѣчто, хотя-бы и непреодолимое, но за то имѣющее свои постулаты въ самой природѣ человѣческаго духа, а потому—не нарушающее его нормальныхъ отправленій. Съ меньшей рѣшимостью и настойчивостью защищалъ теорію экстаза другой нѣмецкій ученый—Толюкъ ¹⁾, по мысли котораго, „состояніе экстаза есть только *относительно* пассивное состояніе, потому что если при воспріятіи откровенія, при дѣйствіи Св. Духа, самодѣятельность воспринимающаго прекращается, то не прекращается воспріимчивость... Посему, въ такомъ состояніи отсутствіе самодѣятельности не влечетъ за собой отсутствія самосознательности“. Но дѣло въ томъ, что доказать возможность сохраненія самосознанія въ состояніи экстаза, чего желаетъ Толюкъ,—думающій до нѣкоторой степени отстоять самостоятельное значеніе личности пророковъ,—весьма трудно и съ строго—психологической точки зрѣнія—невозможно. Въ добавленіе ко всему вышесказанному, мы—противъ всѣхъ вообще пассивистическихъ теорій профетизма—пока замѣтимъ слѣдующее. Ни одинъ изъ пророковъ, описывая свое вдохновенное состояніе, нигдѣ не говоритъ о самозабвеніи, о потерѣ личнаго чувства. Если свои вдохновенныя созерцанія пророки не всегда точно анализируютъ, воспроизводя и передавая ихъ яснѣйшей человѣческой рѣчью (Іер. XXIII 9. ср. 2 Кор. XII, 2—4), то это зависитъ отъ самаго характера этихъ чрезвычайныхъ духовныхъ созерцаній: „что умъ пріемлетъ тѣлесными чувствами, говоритъ св. Исаакъ Сиринъ, то ими же можетъ опять и изъяснить въ области тѣлесной: а что ощутительно созерцаетъ, или слышитъ, или чувствуетъ внутри себя, въ области духовной, того, когда возвращается къ тѣлу, неспособенъ пересказать, а только вспоминаетъ, что видѣлъ это; но какъ видѣлъ, не умѣетъ повѣдать ясно“ ²⁾. Впрочемъ, изображая видѣнія, иногда страшныя и поражающія, пророки нерѣдко описываютъ

¹⁾ *Tholück*—Die Propheten und ihre Weissagungen. 1861. S. 68—70.

²⁾ *Св. Исаака Сирина*—Слово 55-е, стр. 333. Москва 1854.

при этомъ—свои чувства и настроенія, говорятъ о сознаніи своей грѣховности и своего недостойнства предъ Богомъ, принимаютъ велѣнія Божіи съ яснымъ убѣжденіемъ въ ихъ реальности, а—главное—отдѣляютъ видѣніе, какъ явленіе внѣшнее, какъ производящую причину, отъ своего субъективнаго состоянія, какъ слѣдствія, вызваннаго дѣйствіемъ этой причины (ср. Ис. VІ; Іер. I, 6; XX, 9—11; Іезек. III, 1—3, 14); а такое разграниченіе есть ясный признакъ различающей сознательной дѣятельности. Далѣе, самый филологическій анализъ слова „пророкъ“ (евр. „nabi“) говоритъ противъ теоріи пассивизма въ ея строгомъ смыслѣ. По мнѣнію лучшихъ гебраистовъ (Кѵстеръ), слово „nabi“ происходитъ отъ страдательнаго глагола „naba“, означающаго (по срав. съ арабскимъ „naba“) —производить, а въ перен. см.—произносить слова, возвѣщать, научать. Отсюда—„nabi“ означаетъ собственно „наученный“ (отъ Бога ¹⁾). Но изъ этого страдательнаго причастія даже въ русскомъ языкѣ незамѣтно и естественно выработалось отглагольное существительное съ активнымъ характеромъ—„ученый“. Итакъ, по этому производству „nabi“ можетъ означать человѣка, который, будучи самъ наученъ, преподаваемое ему передаетъ активно и сознательно другимъ. Такимъ производствомъ, справедливо замѣчаетъ проф. Лопухинъ, „вполнѣ сохраняется активный характеръ въ значеніи „nabi“, а самый процессъ образованія „nabi“ изъ „naba“, отглагольнаго существительнаго съ активнымъ характеромъ отъ глагола съ страдательнымъ значеніемъ, выясняетъ и тѣ два различныя момента, изъ которыхъ въ первомъ пророкъ является воспріимлющимъ, страдательнымъ, а во второмъ—передающимъ, активнымъ“ ²⁾. Если же во второмъ моментѣ своего состоянія „nabi“ является какъ сознательный ораторъ, проповѣдникъ (чему соотвѣтствуетъ и греч. названіе—*προφήτης* отъ *πρόφημι*—говоритъ напередъ—за ко-

¹⁾ Соотвѣтственно этому пророки, дѣйствительно, называются „учениками“—*limmad*—Ис. VIII, 16, ср. L, 4), и „учащими“ (Ис. 54, 13, ср. Іер. 31, 33 и др.).

²⁾ Лопухинъ—Вибл. Исторія, т. II, стр. 693.

го либо, то и о состояніи пророческаго вдохновенія можно вообще сказать, что оно было, если не абсолютно, то относительно активнымъ. При томъ же, въ греческомъ названіи—*προφήτης*—ясно выступаетъ и другая черта, скрытая въ „*nabi*“, черта предсказателя, т. е. человѣка, обладающаго знаніемъ, которое недоступно другимъ людямъ. Это, впрочемъ, еще очевиднѣе въ славянскомъ названіи „пророкъ“, означающемъ человѣка, проникающаго своею мыслью въ таинственную глубь и даль времени (предлогъ „про“ означаетъ именно углубленіе) и потому—созерцающаго будущее, какъ настоящее или прошедшее и передающаго тайны своихъ созерцаній другимъ. Ясно, что созерцаніе такихъ тайнъ предполагаетъ сознаніе, не только не пассивное, не затемненное какимъ то изступленіемъ (*экстазис*), но—наоборотъ—просвѣтленное и достигшее высшей степени интенсивности. Итакъ, теорія активизма, какъ замѣчено выше, совершенно справедливо восторжествовала въ богословской наукѣ надъ теоріей экстаза или пассивизма. Сравнительное превосходство и научная достоверность первой теоріи будутъ еще выяснены нами ниже—при общей психологической характеристикѣ пророческихъ состояній (въ IV гл.), чѣмъ—само собою—подорвется достоверность теоріи пассивистической; здѣсь же, вкратцѣ разбирая всѣ выше—изложенныя теоріи, мы имѣли въ виду—главнымъ образомъ—ознакомить читателей съ исторіей вопроса о библейскомъ профетизмѣ.

Изъ всего сказаннаго доселѣ, думаемъ, можно составить болѣе или менѣе опредѣленное представленіе о томъ, какія стадіи прошелъ въ своемъ развитіи вопросъ о сущности и характерѣ библейскаго профетизма. Какъ видно изъ исторіи этого вопроса, въ библейско-психологической литературѣ еще почти не были выяснены условія и возможность воздѣйствія Божественнаго Духа на ограниченный человѣческой духъ и совершенно не былъ выдвинутъ вопросъ о психологической возможности состояній пророческаго вдохновенія—со всѣми проявленіями ветхозавѣтнаго профетизма, обусловленными этими состояніями;—вопросъ о пророческихъ состояніяхъ не былъ

выясненъ этиологически—по отношенію къ самой природѣ человеческого духа и законамъ его внутренней жизни и внѣшнихъ проявленій. Къ рѣшенію сихъ вопросовъ мы, соотвѣтственно нашей задачѣ, и обратимся теперь,—а затѣмъ уже, на основаніи тѣхъ выводовъ, къ которымъ придемъ путемъ изслѣдованія намѣченныхъ вопросовъ, сдѣлаемъ общую психологическую характеристику состояній пророческаго вдохновенія.

Теодоръ Владимірскій.

(Продолженіе будетъ).

Русскій Оригенъ XIX вѣка Вл. С. Соловьевъ.

(Его философскія, богословскія и общественно-историческія произведенія, ихъ критика и опытъ выясненія общаго характера и значенія его философіи).

(Продолженіе *).

II.

Положительные взгляды Соловьева въ первый періодъ его дѣятельности. Сочиненія, выражающія эти взгляды. „Философскія начала цѣльнаго знанія“ и „Чтенія о Богочеловѣчествѣ“. „Историческія дѣла философіи“, какъ послѣдняя строго-философская работа Соловьева въ первый періодъ его дѣятельности.

„Философскія начала цѣльнаго знанія“ мы изложимъ болѣе кратко, въ виду того, что многія мысли этого сочиненія были уже высказаны Соловьевымъ въ изложенной нами „Критикѣ отвлеченныхъ началъ“; и потому мы приведемъ изъ „Философскихъ началъ цѣльнаго знанія“ лишь то, что въ этомъ сочиненіи есть новаго, въ сравненіи съ „Критикою отвлеченныхъ началъ“.

Свое сочиненіе Соловьевъ начинаетъ съ того перваго основнаго вопроса, на который должна, прежде всего, отвѣтить всякая философія. Такимъ вопросомъ Соловьевъ считаетъ вопросъ о цѣли существованія. Если бы человѣческое существованіе было постояннымъ блаженствомъ, то такой вопросъ не могъ бы возникнуть. Блаженное существованіе было бы само по себѣ цѣлью и не требовало бы никакого объясненія. Но такъ какъ, на самомъ дѣлѣ, блаженство существуетъ болѣе въ во-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1902 г. № 12.

ображеніи, дѣйствительность же есть рядъ большихъ и мелкихъ мученій и, въ самомъ счастливомъ случаѣ,—постоянная смѣна тяжелаго труда и гнетущей скуки, съ одной стороны, и исчезающихъ иллюзій—съ другой, то совершенно естественно является вопросъ: для чего все это, какая цѣль этой жизни? Каждому мыслящему человѣку является этотъ вопросъ первоначально, какъ личный, какъ вопросъ о цѣли его собственнаго существованія. Но такъ какъ люди всѣ связаны другъ съ другомъ, то личный вопросъ превращается въ общій,—спрашивается: какая цѣль жизни вообще? Но понятіе всеобщей цѣли необходимо предполагаетъ понятіе развитія. Это же послѣднее понятіе, въ свою очередь, предполагаетъ понятіе субстанціи. Но какой субстанціи?—Разъясняя этотъ вопросъ, Соловьевъ находитъ, что,—прежде всего—не безусловно—простой. Подлежать развитію можетъ не каждая субстанція, а только представляющая собою живое существо, живой организмъ. Но каждое живое существо развивается по плану, изначала присущему этому существу. Отсюда развитіе есть такой родъ имманентныхъ измѣненій органическаго существа, который идетъ отъ извѣстнаго начала и направляется къ извѣстной опредѣленной цѣли: таково развитіе всякаго организма; безконечное же развитіе есть просто бессмыслица, *contradictio in adjecto*. Итакъ, заключаетъ Соловьевъ, необходимо предположить три общіе момента всякаго развитія, а именно: 1) извѣстное первичное состояніе,—2) то, которое есть его цѣль, и 3) рядъ промежуточныхъ состояній, какъ переходъ, или посредство. Общая формула, выражающая эти три момента, есть законъ развитія. Опредѣливъ законъ развитія, мы опредѣляемъ и цѣль его; и такъ какъ всѣ эти три момента приложимы ко всякому организму, въ томъ числѣ и такому, какъ „человѣчество“, то Соловьевъ и находитъ, что все человѣчество можно считать за организмъ; и въ этомъ смыслѣ онъ признаетъ человѣчество за настоящій органическій субъектъ историческаго развитія. Во всякомъ организмѣ различаются его составныя части отъ образующихъ органическихъ системъ, общихъ для всѣхъ частей. Точно также и въ организмѣ человѣчества можно различать: во 1-хъ составныя его части: племена и

народы, и во 2-хъ извѣстныя формы общечеловѣческаго существованія, принадлежащія всему человѣчеству, какъ необходимыя для его органической жизни. Но какая же цѣль развитія человѣчества, какъ отдѣльнаго организма?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, Соловьевъ, прежде всего, разсматриваетъ, какъ онъ рѣшенъ въ западной цивилизаціи, представляющей собою, по мнѣнію многихъ, послѣднее слово человѣка. Экономическій социализмъ въ области общественной, позитивизмъ въ области знанія и утилитарный реализмъ въ сферѣ творчества—вотъ, по Соловьеву послѣднее слово западной цивилизаціи. Есть ли это вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднее слово всего человѣческаго развитія? Нашъ мыслитель находитъ, что непреложный законъ развитія человѣчества даетъ отрицательной отвѣтъ. Западная цивилизація по общему своему характеру представляетъ только второй переходный фазисъ въ органическомъ процессѣ человѣчества, а для полноты этого процесса необходимъ третій. Дѣло въ томъ, что послѣдніе результаты западной цивилизаціи, по своей узкости и мелкости, могутъ удовлетворять только такіе же узкіе и мелкіе умы и сердца. Пока существуетъ въ человѣчествѣ религіозное чувство и философская пытливость, пока есть у него стремленіе къ вѣчному и идеальному, до тѣхъ поръ и мистика, и чистое художество, и теологія, и метафизика, и церковь останутся непоколебимы, не смотря на всѣ усилѣхи и всѣ притязанія низшихъ степеней, проводникомъ которыхъ является только умственный и нравственный *vulgus*. Эти низшія степени не могутъ замѣнить собою высшихъ по той же причинѣ, по какой удовлетвореніе животной потребности не можетъ замѣнить удовлетворенія потребности духовной. Очевидно, что эти потребности могутъ быть упразднены лишь лучшимъ,—полнымъ, всецѣлымъ осуществленіемъ тѣхъ же высшихъ началъ, а никакъ не отрицательнымъ дѣйствіемъ началъ низшихъ. На самомъ дѣлѣ, какъ скоро существуетъ, на примѣръ, религіозное состояніе въ человѣкѣ, то плохая религія можетъ быть дѣйствительно упразднена только лучшею, а никакъ не простымъ атеизмомъ; точно также, если существуетъ метафизическая потребность, то плохая метафизика можетъ быть упразднена

хорошею метафизикою же, а никакъ не простымъ отрицаніемъ всякой метафизики. Но сила западной цивилизаціи, какъ выработавшей только частныя формы и внѣшній матеріалъ жизни, но внутренняго содержанія самой жизни не давшей, не можетъ дать эти новыя, высшія, всеобъемлющія формы жизни. Потребна новая историческая сила, задача которой будетъ уже не въ томъ, чтобы выработать отдѣльные элементы жизни и знанія, создашь новыя и культурныя формы, а въ томъ, чтобы оживить и одухотворить враждебныя и мертвыя въ своей враждѣ элементы высшимъ примирительнымъ началомъ, дать имъ общее безусловное содержаніе и тѣмъ освободить ихъ отъ исключительнаго самоутвержденія и взаимнаго отрицанія. Но откуда можетъ быть взято это безусловное содержаніе жизни и знанія? Оно можетъ быть взято, говоритъ нашъ мыслитель, только исключительно изъ трансцендентнаго, безусловнаго, божественнаго міра, того міра, къ которому самъ человѣкъ принадлежитъ по своему вѣчному началу, съ которымъ онъ на высшихъ степеніяхъ своей жизни и знанія всегда сохранялъ не только субстанціальную, но и активную связь. Итакъ третья сила ¹⁾, долженствующая дать человѣческому развитію его безусловное содержаніе, можетъ быть только откровеніемъ высшаго божественнаго міра, и тѣ люди, тотъ народъ, чрезъ который эта сила имѣетъ проявиться, долженъ быть только посредникомъ между человѣчествомъ и сверхчеловѣческою дѣйствительностью, свободнымъ, сознательнымъ орудіемъ этой послѣдней. Такой народъ не долженъ имѣть никакой спеціальной, ограниченной задачи: онъ не призванъ работать надъ формами и элементами человѣческаго существованія, а только сообщить живую душу, дать средоточіе и цѣлость разорванному и омертвѣлому человѣчеству чрезъ соединеніе его съ всецѣлымъ, божественнымъ началомъ. Отъ народа—носителя третьей божественной потенціи—требуется только свобода отъ всякой исключительности и односторонности, возвышеніе надъ узкими, спеціальными интересами, требуется, чтобы онъ не утверж-

¹⁾ Приводимыя здѣсь мысли были высказаны Соловьевымъ еще раньше въ рѣчи, прочитанной въ публичномъ засѣданіи Общества Люб. Россійской Словесности и помѣщенной въ Правосл. Обзор. за 1877 г. подъ заглавіемъ: „Три силы“.

далъ себя съ исключительною энергіей въ какой-нибудь частной, низшей сферѣ жизни и дѣятельности, требуется равнодушіе ко всей этой жизни съ ея мелкими интересами, всецѣлая вѣра въ положительную дѣйствительность высшаго міра и пассивное къ нему отношеніе. А эти свойства,—находить Соловьевъ,—и принадлежатъ племенному характеру славянства, и въ особенности національному характеру русскаго народа. Но не однѣ высокія черты славянскаго племени, а также и историческія условія не позволяютъ искать другого носителя третьей силы, ибо всѣ остальные историческіе народы подлежатъ преобладающей власти той или другой изъ двухъ низшихъ исключительныхъ потенцій человѣческаго развитія: историческіе народы востока—власти первой, Запада—второй потенціи. Только славянство,—въ особенности Россія—осталась свободною отъ этихъ двухъ низшихъ началъ, и слѣдовательно, можетъ стать историческимъ проводникомъ третьяго ¹⁾. Между тѣмъ, двѣ первыя силы совершили кругъ своего проявленія и привели народы, имъ подвластные, къ духовной смерти и разложенію. Для осуществленія третьяго момента, требуемаго этимъ закономъ, неизбѣжно царство третьей силы, единственнымъ носителемъ которой можетъ быть только славянство и народъ русскій. Великое историческое призваніе Россіи, отъ котораго только получаютъ значеніе и ея ближайшія задачи, есть призваніе религіозное въ высшемъ смыслѣ этого слова. Только когда воля и умъ людей вступятъ въ общеніе съ вѣчно и истинно-сущимъ, тогда только получатъ свое положительное значеніе и цѣну всѣ частныя формы и элементы жизни и знанія; всѣ они будутъ необходимыми органами или средствами одной цѣльной жизни. Ихъ противорѣчіе и вражда, основанная на исключительномъ самоутвержденіи каждаго, необходимо исчезнетъ, какъ только всѣ вмѣстѣ свободно подчинятся всеединому началу и средоточію. Но здѣсь естественно является вопросъ, что же про-

¹⁾ Нельзя здѣсь, вспоминая послѣднюю полемику Соловьева съ Славянофилами, его отреченіе отъ солидарности съ мнѣніями представителей этого направленія, нельзя, говоря, не вспомнить первую половину пѣвснанаго стиха: „а онъ сжегъ то, чему поклонялся“...

изойдетъ въ частности съ основными элементами общечеловѣческаго организма въ этомъ третьемъ окончательномъ его состояніи?

Нашъ мыслитель такъ разъясняетъ этотъ вопросъ: прежде всего *три высшія степени его общаго и идеальнаго бытія*, а именно: мистика въ сферѣ творчества, теологія въ сферѣ знанія и церковь въ сферѣ общественной жизни—*образуютъ гмьсть одно органическое цѣлое*, которое можетъ быть названо старымъ именемъ религіи. Нормальная соотносительная дѣятельность всѣхъ органовъ образуетъ новую, общую сферу—цѣльной жизни. Носителемъ этой цѣльной жизни въ человѣчествѣ можетъ быть сначала только народъ русскій, и даже сразу не весь въ его цѣломъ, а первоначально лишь чрезъ болѣе узкій союзъ, братство ¹⁾ или общество среди русскаго народа. Но такъ какъ цѣльная синтетическая жизнь по существу своему свободна отъ всякой исключительности, всякой національной односторонности, то она необходимо распространится и на все остальное человѣчество, когда человѣкъ самымъ ходомъ исторіи принужденъ будетъ отказаться отъ своихъ старыхъ и изжитыхъ началъ и подчиниться новымъ—высшимъ. Итакъ, окончательный фазисъ историческаго развитія, составляющій общую цѣль человѣчества, выражается въ образованіи всецѣлой жизненной организаціи, долженствующей дать объективное удовлетвореніе всѣмъ кореннымъ потребностямъ и стремленіямъ человѣческой природы и потому непосредственно опредѣляемый, какъ высшее благо.

Подводя общій итогъ своимъ мыслямъ, Соловьевъ находитъ, что онъ получилъ теперь отвѣтъ на поставленный имъ въ началѣ вопросъ о цѣли человѣческаго существованія; она опредѣлилась, какъ образованіе всецѣлой общечеловѣческой организаціи въ формѣ цѣльнаго творчества и свободной теургіи, цѣльнаго знанія или свободной теократіи. Настоящая объективная нравственность и состоитъ для человѣка въ томъ, чтобы онъ служилъ сознательно и свободно этой общей цѣли, ото-

¹⁾ Здѣсь не лишнимъ будетъ вспомнить аналогичное мечтаніе Достоевскаго (въ „Бр. Карамазовыхъ“) о томъ, что спасеніе міру выйдетъ изъ русскихъ монастырей.

ждествляя съ нею свою личную волю, а это отождествленіе, которое есть вмѣстѣ съ тѣмъ освобожденіе человѣка, неизбежно совершится, когда онъ дѣйствительно сознаетъ истинность этой идеи. „Познайте истину и истина сдѣлаетъ васъ свободными“—припоминаетъ здѣсь нашъ мыслитель слово Спасителя. Но изъ трехъ общихъ сферъ нормальнаго человѣческаго бытія, двѣ, именно—свободная теургія и свободная теократія, подлежатъ въ своемъ образованіи и развитіи такимъ особеннымъ условіямъ, которыя не находятся ни въ какой прямой зависимости отъ воли и дѣятельности отдѣльнаго лица которое само по себѣ здѣсь бессильно, не можетъ ни начать, ни ускорить нормальнаго образованія. Только въ одной сферѣ свободной теософіи, или цѣльнаго знанія отдѣльный человѣкъ является настоящимъ субъектомъ и дѣятелемъ, и здѣсь личное сознаніе идеи есть уже начало ея осуществленія. Трудиться въ этой сферѣ становится, такимъ образомъ, обязанностью для каждаго, кто созналъ нормальную цѣль человѣческаго развитія. „Поэтому, заканчиваетъ философъ, и я, пришедши къ такому сознанію, предпринялъ систематическое изложеніе тѣхъ идей, которыя должны лечь въ основу цѣльнаго знанія“¹⁾.

Но прежде, чѣмъ войти въ это изложеніе, Соловьевъ разсматриваетъ отношеніе свободной теософіи, какъ нормальнаго и цѣльнаго знанія, къ другимъ одностороннимъ или аномальнымъ направленіямъ въ области знанія. Это онъ и изслѣдуетъ въ 2-й главѣ „Философскихъ началъ цѣльнаго знанія“. Прежде всего, онъ опредѣляетъ здѣсь точнѣе понятіе „свободной теософіи“. Свободная теософія есть органической синтезъ теологіи, философіи и опытной науки. И только такой синтезъ можетъ заключать въ себѣ цѣльную истину знанія; внѣ его и теологія, и философія и наука суть только отдѣльныя части или стороны, оторванные органы знанія, и не могутъ быть, такимъ образомъ, ни въ какой степени адекватны самой цѣльной истинѣ. Достигнуть же этого синтеза можно, отправляясь отъ любого изъ его членовъ. Въ излагаемомъ нами сочиненіи Соловьева исходная точка есть философское мышленіе; сво-

¹⁾ Философ. Нач. цѣльн. знанія Ж. М. Н. П. № 190. стр. 99.

бодная теософія разсматривается здѣсь, какъ философская система, отсюда же является необходимость показать, что истинная философія необходимо должна имѣть теософическій характеръ, она можетъ быть только тѣмъ, что авторъ называетъ свободной теософіей или цѣльнымъ знаніемъ. Здѣсь Соловьевъ напоминаетъ, что слово философія не имѣетъ одного, точно опредѣленнаго значенія; оно употребляется во многихъ, весьма между собою различныхъ смыслахъ. Прежде всего мы встрѣчаемся съ двумя главными, рѣзко другъ отъ друга отличающимися, понятіями о философіи: по первому философія есть только теорія, есть дѣло только школы; по второму—она есть болѣе, чѣмъ теорія, есть преимущественно дѣло жизни, а потомъ ужъ и школы. Для философіи, соответствующей первому понятію, для философіи школы отъ человѣка требуется только развитой до извѣстной степени умъ, обогащенный нѣкоторыми познаніями и освобожденный отъ вульгарныхъ предразсудковъ: для философіи, соответствующей второму понятію, для философіи жизни требуется, кромѣ того, особенное направленіе воли, т. е., особенное настроеніе и еще художественное чувство и смыслъ, сила воображенія или фантазіи. Философія, понимаемая въ первомъ смыслѣ, занимаясь исключительно теоретическими вопросами, не имѣетъ никакой прямой, внутренней связи съ жизнью личной и общественной; философія же, понимаемая во второмъ смыслѣ, стремится стать образующею и управляющею силою этой жизни. Спрашивается въ какомъ изъ этихъ двухъ смысловъ должна пониматься истинная философія? Нашъ мыслитель находитъ, что названіе любомудріе, то есть любовь къ мудрости,—не можетъ примѣняться къ отвлеченной теоретической наукѣ. Подъ мудростью разумѣется не только полнота знанія, но и нравственное совершенство, внутренняя цѣльность духа. Такимъ образомъ, слово философія филологически означаетъ стремленіе къ духовной цѣльности человѣческаго существа. Также и общій смыслъ и его выраженіе разговорный языкъ видитъ въ философіи болѣе, чѣмъ отвлеченную науку, въ философѣ больше, чѣмъ ученаго. Въ разговорномъ языкѣ часто называютъ философомъ человѣка не только мало-ученаго, но и совсѣмъ не-

образованнаго, если только онъ обладаетъ нѣкоторымъ не обычнымъ—умственнымъ и нравственнымъ настроеніемъ. Но философія и ходячее пониманіе слова еще не могутъ имѣть рѣшающаго значенія въ опредѣленіи философіи. Чтобы рѣшить вопросъ по существу, Соловьевъ считаетъ необходимымъ разсмотрѣть внутреннія начала обѣихъ философій и лишь изъ ихъ собственной состоятельности или несостоятельности вывести заключеніе въ пользу той или другой. И вотъ нашъ философъ анализируетъ главнѣйшія типы философскихъ системъ отъ начала самаго существованія философіи и до нашего времени. Въ виду того, что главныя мысли этого анализа вошли уже въ разсмотрѣнную нами „Критику отвлеченныхъ началъ“, и новаго, для уясненія собственныхъ взглядовъ Соловьева, этотъ анализъ ничего не даетъ, мы опустимъ его детальное изложеніе, а прямо перейдемъ къ его итогамъ, какъ они выражены у Соловьева.

Послѣдніе итоги западно-европейской философіи—эмпиризмъ и идеализмъ—приходятъ къ одному и тому же результату, къ признанію представленія безъ представляющаго и безъ представляемаго, состояній сознанія безъ сознающаго и безъ сознаваемаго,—короче явленія безъ сущаго. Но это уже чистый абсурдъ, не требующій никакого опроверженія;—слѣдовательно, заключаетъ нашъ философъ, оба направленія (эмпиризмъ и идеализмъ) падаютъ и опровергаются себя, какъ только приходятъ къ своимъ послѣднимъ логическимъ выводамъ. Но вмѣстѣ съ ними падаетъ и вся отвлеченная школьная философія, которой они суть два необходимые полюса. Итакъ, продолжаетъ Соловьевъ, должно или отказаться отъ истиннаго познанія и стать на точку зрѣнія безусловнаго скептицизма, или же должно признать, что искомое философіи не заключается ни въ реальномъ бытіи внѣшняго міра, ни въ идеальномъ бытіи нашего разума, что оно не познается ни путемъ эмпириі, ни путемъ чисто раціональнаго мышленія. Другими словами, должно признать, что истинно сущее имѣетъ собственную абсолютную дѣйствительность, совершенно независимую отъ реальности внѣшняго вещественнаго міра, такъ же,—какъ и отъ нашего мышленія, и, напротивъ, со-

общающую этому міру его реальность, а нашему мышленію—его идеальное содержаніе. Воззрѣнія, признающія въ качествѣ истинно сущаго такое сверхкосмическое и сверхчеловѣческое начало, выходятъ за предѣлы школьной философіи и рядомъ съ двумя ея типами образуютъ особенный третій типъ умо-созерцанія, обыкновенно называемый мистицизмомъ. Согласно этому воззрѣнію истина не заключается ни въ логической формѣ познанія, ни въ эмпирическомъ его содержаніи, вообще она не принадлежитъ теоретическому знанію въ его отдѣльности или исключительности, такое знаніе не есть истинное. Знаніе же истины есть лишь то, которое соотвѣтствуетъ волѣ блага и чувству красоты. Отсюда предметъ мистической философіи есть не міръ явленій, сводимыхъ къ нашимъ ощущеніямъ, и не міръ идей, сводимыхъ къ нашимъ мыслямъ, а живая дѣйствительность существъ въ ихъ внутреннихъ жизненныхъ отношеніяхъ: эта философія занимается не внѣшнимъ порядкомъ явленій, а внутреннимъ порядкомъ существъ и ихъ жизни, который опредѣляется ихъ отношеніемъ къ существу первоначальному.—Мистицизмомъ и заключается кругъ возможныхъ философскихъ воззрѣній, ибо очевидно, что искомое философіи можетъ имѣть свою дѣйствительность или во внѣшнемъ мірѣ, или въ насъ—познающемъ субъектѣ, или наконецъ, въ себѣ самомъ независимо отъ насъ и отъ внѣшняго міра,—четвертое предположеніе, очевидно, не мыслимо. И если два первыхъ воззрѣнія, образующія школьную философію, не могутъ быть приняты, потому что сами себя уничтожаютъ, то, остается или вообще отказаться отъ исканія истины, или принять это третье—мистическое воззрѣніе, какъ основу истинной философіи.—Итакъ, мистическое знаніе необходимо для философіи, такъ какъ помимо его она въ послѣдовательномъ эмпиризмѣ и въ послѣдовательномъ рационализмѣ одинаково приходитъ къ абсурду. Но какое значеніе можетъ имѣть мистическое знаніе для общаго содержанія философіи?

Мистическое знаніе можетъ только быть основой истинной философіи, подобно тому, какъ внѣшній опытъ служитъ основой философіи эмпирической, а логическое мышленіе—основой

раціонализма, но само по себѣ мистическое знаніе еще не образуетъ системы истинной или синтетической философіи, того, что нашъ мыслитель назвалъ цѣльнымъ знаніемъ, или свободной теософіей. Цѣльное знаніе по самому своему понятію вообще есть синтезъ философіи съ теологіей и наукой, а если такъ, то, очевидно, этому широкому синтезу долженъ предшествовать соотвѣтствующій ему, болѣе тѣсный синтезъ въ средѣ самой философіи, именно между тремя ея направленіями: мистицизмомъ, раціонализмомъ и эмпиризмомъ. Мистицизмъ по своему абсолютному характеру имѣетъ первенствующее значеніе, опредѣляя верховное начало и послѣднюю цѣль философскаго знанія; эмпиризмъ по своему матеріальному характеру служитъ внѣшнимъ базисомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крайнимъ примѣненіемъ, или реализаціей высшихъ началъ и, наконецъ, раціоналистическій, собственно, философскій элементъ, по своему преимущественно формальному характеру, является, какъ средство или общая связь всей системы. Изъ всего изложеннаго видно, что, по Соловьеву, свободная теософія, или цѣльное знаніе не есть одно изъ направленій или типовъ философіи, а должна представлять высшее состояніе всей философіи, какъ во внутреннемъ синтезѣ трехъ ея главныхъ направленій: мистицизма, раціонализма и эмпиризма, такъ равно и въ болѣе общей и широкой связи съ теологіей и положительной наукой.

По общему опредѣленію предметъ цѣльнаго знанія есть истинно сущее, какъ въ немъ самомъ, такъ и въ его отношеніи къ эмпирической дѣйствительности субъективнаго и объективнаго міра, которыхъ оно есть абсолютное первоначало. Отсюда уже вытекаетъ раздѣленіе всей философской системы цѣльнаго знанія на три органическія части. Соловьевъ удерживаетъ для этихъ трехъ составныхъ частей свободной теософіи старыя названія: логика, метафизика и этика; для отличія же ихъ отъ соотвѣтствующихъ частей другихъ философскихъ системъ, онъ употребляетъ термины: органическая логика, органическая метафизика и органическая этика. По внутреннему порядку идей изложеніе системы начинается съ

логики, къ которой философъ и переходитъ въ третьей главѣ разбираемаго нами сочиненія.

Органическая логика въ общемъ своемъ характерѣ представляетъ двѣ различныя стороны и потому должна получить свое ближайшее опредѣленіе съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Во первыхъ, она должна разсматриваться по отношенію ко всей системѣ цѣльнаго званія или свободной теософіи, которой она есть первая часть, и во вторыхъ она должна быть характеризована по отношенію ко всякой другой логикѣ; другими словами, будучи логикой теософической, она должна быть разсмотрѣна и съ точки зрѣнія логики вообще. Съ первой точки зрѣнія, т. е., какъ теософическое познаніе, органическая логика характеризуется по слѣдующимъ семи отношеніямъ: 1) по предмету познанія; 2) по цѣли; 3) по общему матеріалу; 4) по формѣ; 5) по дѣятельному источнику или производящей причинѣ познанія; 6) по исходной точкѣ; 7) по методу построенія или развитія.—Что касается предмета теософіи, то имъ является истинно сущее въ своемъ объективномъ выраженіи или идеѣ, и въ этомъ отношеніи теософія, съ одной стороны, рѣшительно отличается отъ эмпиризма, раціонализма и мистицизма, какъ односторонности, а съ другой—заключаетъ въ себѣ все ихъ объективное содержаніе.—Что же касается цѣли истинной философіи, то она совершенно отрицается раціонализмомъ, который считаетъ философское познаніе само по себѣ цѣлью, какъ высшую форму духовной дѣятельности. И на самомъ дѣлѣ, поскольку философія есть удовлетвореніе теоретической потребности знанія, она есть сама по себѣ цѣль. Но сама эта теоретическая потребность есть только частная, одна изъ многихъ, а у человѣка есть общая высшая потребность всецѣлой или абсолютной жизни, для которой все остальное, а слѣдовательно и философія можетъ быть только средствомъ. Эта абсолютная, вѣчная жизнь, которая сама по себѣ есть высшее благо и блаженство, очевидно, возможно только тогда, когда человѣкъ не подчиненъ никакимъ внѣшнимъ чуждымъ ему условіямъ, не имѣетъ никакихъ внѣшнихъ невольныхъ опредѣленій, когда человѣкъ свободенъ: свободенъ же человѣкъ можетъ быть только во внутреннемъ со-

единеніи съ истинно-сущимъ, т. е., въ истинной религіи. Это *соединеніе* съ всецѣло сущимъ, или осуществленіе истинной религіи и есть дѣйствительная цѣль всѣхъ нормальныхъ человѣческихъ дѣятельностей, а слѣдовательно и истинной философіи, которая, такимъ образомъ, не подчинена какимъ нибудь другимъ частнымъ дѣятельностямъ, а вмѣстѣ съ ними служитъ одной абсолютной цѣли.

Опредѣливши цѣль теософіи, Соловьевъ указываетъ ея матеріаль. Матеріаль истинной философіи, какъ цѣльнаго знанія, дается всею совокупностью явленій, какъ мистическихъ ¹⁾, такъ равно психическихъ и физическихъ. Но познанія всѣхъ этихъ явленій въ ихъ непосредственной частности еще не образуютъ никакой философіи,—они должны получить форму всеобщей, цѣльной истины, сосредоточиться въ универсальныхъ идеяхъ. Это сосредоточеніе частныхъ опытныхъ познаній, это собраніе отдѣльныхъ лучей опыта въ фокусѣ идеи не можетъ быть плодомъ абстракціи, ибо тогда въ философіи было бы меньше содержанія, чѣмъ въ опытѣ и она не имѣла бы *raison d'être*, какъ самостоятельная дѣятельность; отвлеченныя понятія необходимы для философіи, но лишь какъ значки для опыта, но они не могутъ служить орудіями превращенія случайныхъ фактовъ въ универсальныя идеи. Если частныя явленія сами по себѣ не представляютъ намъ универсальныхъ истинъ или идей, то эти послѣднія, хотя матеріально связанныя съ явленіями, должны формально отъ нихъ различаться, имѣть свое собственное, независимое отъ явленій бытіе и, слѣдовательно, для познанія ихъ необходима особенная форма мыслительной дѣятельности, которую Соловьевъ называетъ умственнымъ созерцаніемъ, или интуиціей, и которая и составляетъ настоящую первичную форму цѣльнаго знанія. Нашъ мыслитель глубоко убѣжденъ въ существованіи особенной способности умственного созерцанія, или интуиціи. Между прочимъ существованіе этой идеальной интуиціи онъ доказываетъ фактомъ художественнаго

---

1) Явленія мистическія, говоритъ авторъ, какъ наиболѣе глубокія и центральныя, имѣютъ важность первостепенную и основную, за ними слѣдуютъ психическія и наконецъ физическія.

творчества, когда продукты умственного созерцанія художникъ воплощаетъ во внѣшнихъ образахъ. Но разъ умственное созерцаніе идей существуетъ, то спрашивается: должно ли оно ограничиваться художествомъ, или же служить основной формой и истинной философіи? Школьная философія чуждается всякой интуиціи и болѣе близка къ математикѣ, чѣмъ къ искусству: но философія, какъ цѣльное знаніе, предметъ котораго лежитъ за предѣлами, какъ наблюдаемыхъ явленій, такъ и отвлеченно мыслимыхъ понятій, можетъ основываться только на умственномъ созерцаніи, какъ первичной формѣ истиннаго познанія, и въ этомъ отношеніи представляетъ ¹⁾ существенную близость къ художествамъ. Но такъ какъ идеальный міръ во всей его дѣйствительности можетъ быть доступенъ только абсолютному познанію, то философія должна ограничиться лишь наиболѣе центральными идеями, представляя идеальную периферію художеству. Но чѣмъ центральнѣе, чѣмъ глубже и универсальнѣе идея, тѣмъ меньше возможно ея непосредственное созерцаніе для человѣка въ его настоящемъ состояніи, потому что философская интуиція значительно уступаетъ въ яркости и интенсивности интуиціи художественной, превосходя ее универсальностью содержанія.

Итакъ, основной формой истиннаго познанія Соловьевъ полагаетъ умственное созерцаніе. Но полагая умственное созерцаніе, какъ основную форму истиннаго познанія, онъ возбуждаетъ новый вопросъ. Такъ какъ умственное созерцаніе и непосредственное познаніе идей не есть для человѣка состояніе обычное, и вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не зависитъ отъ его воли, ибо „не всякому и не всегда дается пища боговъ“, то спрашивается: какая дѣятельная причина приводитъ человѣка въ возможность созерцать сущія идеи? Сами изъ себя, а ргіогі, мы не можемъ получить никакого дѣйствительнаго познанія о чемъ нибудь другомъ, а если такъ, то остается предположить, что умственное созерцаніе трансцендентныхъ идей должно зависѣть отъ внутренняго дѣйствія на насъ существъ идеальныхъ, или трансцендентныхъ. Дѣйствіе на

¹⁾ Главное отличіе философій отъ художества то, что первая имѣетъ своимъ предметомъ весь идеальный космосъ, второе—только отдѣльныя идеи.

насъ идеальныхъ существъ, производящее въ насъ умосозерцательное познаніе и творчество ихъ идеальныхъ формъ или идей,—называется вдохновеніемъ. Это дѣйствіе выводитъ насъ изъ обыкновеннаго нашего натурального центра, поднимаетъ насъ въ высшую сферу, производя такимъ образомъ, экстазъ. Итакъ, вообще говоря, дѣйствующее и непосредственно опредѣляющее начало истиннаго философскаго познанія—есть вдохновеніе.—Резюмируя сказанное,—Соловьевъ находитъ, что свободная теософія вообще есть знаніе, имѣющее предметомъ истинно сущее въ его объективномъ проявленіи: цѣлью—внутреннее соединеніе человѣка съ истинно-сущимъ; матеріаломъ—данныя человѣческаго опыта во всѣхъ его видахъ: именно—мистическаго, внутренняго, или психическаго, и внѣшняго, или физическаго; основною формою своею имѣющее умственное созерцаніе или интуицію идей, связанную въ общую систему посредствомъ чисто логическаго или отвлеченнаго мышленія, и, наконецъ, дѣятельнымъ источникомъ или производящею причиною—вдохновеніе, то есть, дѣйствіе высшихъ идеальныхъ существъ на человѣческой духъ.—Таковъ родъ познанія, опредѣляющій свободную теософію, какъ систему истинной философіи. Поскольку здѣсь изъ одного мистическаго центра идущій синтезъ обнимаетъ всѣ познавательные элементы, постольку родъ познанія и называется цѣльнымъ знаніемъ. Внѣ его возможны только или одностороннія системы философіи въ ихъ отдѣльности, или механическое ихъ сопоставленіе, или наконецъ бесплодный эклектизмъ, пытающійся, по остроумному выраженію Соловьева, описать окружность безъ центра и радіуса.

Но дѣйствительное значеніе цѣльнаго знанія, возведеннаго въ систему, можетъ быть показано только реализаціей этой схемы. Въ виду же того, что самая эта возможность реализаціи оспаривается со стороны скептицизма, Соловьевъ возбуждаетъ вопросъ: состоятеленъ ли скептицизмъ? Рѣшительно несостоятеленъ, отвѣчаетъ онъ, и очень удачно и основательно доказываетъ это. Скептики, прежде всего, ссылаются на опытъ. Они говорятъ: историческій опытъ доказалъ, что умъ человѣческой не способенъ ни къ какому вѣрному познанію о суще-

ствующемъ, ни къ какой дѣйствительной метафизикѣ. Пусть такъ, соглашается нашъ философъ; но, вѣдь, говоритъ онъ, основываясь на опытѣ, мы можемъ сослаться лишь на прошедшее, на то, что до сего времени не было возможности основать истинной метафизики. Но такъ какъ мы рѣшительно не знаемъ, въ какомъ отношеніи прожитое уже человѣчествомъ время находится ко времени для него предстоящему, то заключеніе отъ неудачи прошедшей къ безусловной неспособности можетъ въ настоящемъ случаѣ оказаться столь же неосновательнымъ, какъ если бы мы, видя трехмѣсячнаго ребенка, стали утверждать, что онъ неспособенъ говорить, потому что до сихъ поръ не можетъ произнести ни слова. Такъ какъ намъ совершенно ничего не извѣстно объ относительномъ возрастѣ человѣчества, то мы не имѣемъ права отрицать, что его предполагаемая малоспособность къ метафизическому познанію можетъ быть того же рода, какъ неспособность говорить у трехмѣсячнаго ребенка. Итакъ, на основаніи историческаго опыта, мы рѣшительно не имѣемъ основаній отрицать возможности метафизики. Далѣе Соловьевъ разбираетъ и также находитъ несостоятельными возраженія школьнаго, строгаго скептицизма. Первое изъ этихъ возраженій сводится къ утверженію, что предполагаемый предметъ метафизики, какъ *Ding an sich* есть бытіе по природѣ своей непознаваемое, такъ какъ мы можемъ познавать только явленія, а не сущее само по себѣ. Но это утверженіе основывается, очевидно, на томъ предположеніи, что сущее само по себѣ не можетъ быть вмѣстѣ и явленіемъ, т. е., существовать для другихъ. Но это предвзятая идея. Когда говорятъ, что мы можемъ познавать только явленіе, а не сущее въ себѣ, предполагаютъ между тѣмъ и другимъ безусловную отдѣльность, недопускающую никакого общенія. Но именно это предположеніе не только лишено всякаго основанія, но и совершенно нелѣпо. Явленіе есть явленіе чего нибудь, но чего же оно можетъ быть явленіемъ, какъ не сущаго въ себѣ ¹⁾? Ибо все есть, или въ себѣ, или въ другомъ—сущее, или явле-

¹⁾ Со временемъ, какъ мы увидимъ при изложеніи статьи Соловьева „Первое начало критической философіи“ (Восп. Филос. и Псих. 1897, V), онъ совершенно отказался отъ этой своей точки зрѣнія на явленія, какъ отраженіе сущаго.

ніе. Очевидно, что мы можемъ знать только то, что обнаруживается, или является для насъ, какъ другое, однимъ словомъ то, что есть явленіе; быть явленіемъ и быть познаваемымъ значить одно и тоже; и потому мы, познавая явленіе, поскольку оно есть не что иное, какъ обнаруженіе или познаваемость сущаго въ себѣ, мы тѣмъ самымъ имѣемъ нѣкоторое познаніе этого сущаго, обнаруживающагося въ явленіи. Итакъ, возраженія школьнаго скептицизма, что мы не можемъ познавать сущности вещей, совершенно неосновательно. Но скептицизмъ на этомъ не останавливается; онъ еще выдвигаетъ такой аргументъ: нашъ умъ, какъ познающій субъектъ, подлежитъ извѣстнымъ необходимымъ формамъ и категоріямъ, изъ которыхъ онъ не можетъ выйти и, слѣдовательно, никогда не можетъ достигнуть познанія о самомъ сущемъ, независимо отъ субъективныхъ формъ и категорій нашего ума. И мы, значитъ, все таки не можемъ знать истинно сущее. Нашъ мыслитель и здѣсь находитъ недоразумѣніе. Что все наше познаніе опредѣляется формами и категоріями познающаго субъекта, это истина; но что эти формы и категоріи по самой природѣ своей только субъективны, что онѣ не могутъ имѣть ничего себѣ соответствующаго за предѣлами нашего субъекта и его познанія, такое предположеніе, по нашему мыслителю, не только не доказано, но и прямо невѣроятно. Нашъ мыслитель считаетъ за неподверженное сомнѣнію, что субъективное бытіе нашихъ познавательныхъ формъ не мѣшаетъ имъ соответствовать независимымъ реальностямъ, за предѣлами познающаго субъекта. Итакъ, Соловьевъ считаетъ себя въ правѣ сказать, что познаніе объ истинно-сущемъ или о существѣ вещей, какъ со стороны познаваемаго предмета, такъ со стороны познающаго субъекта, а равно и по природѣ самаго познанія должно быть признано возможнымъ; а если такъ, то нужно признать, что возраженія скептицизма противъ возможности истиннаго знанія неосновательны.

Устранивъ предрасудки скептицизма и тѣмъ показавъ общую возможность цѣльнаго знанія въ качествѣ метафизическаго познанія о существѣ вещей, Соловьевъ переходитъ затѣмъ спеціально къ характеристикѣ органической логики. Онъ

разсматриваетъ, прежде всего, другіе существующіе виды наукообразной логики, начиная съ элементарной. Элементарная логика обыкновенно называется формальной. Это есть какъ бы грамматика мышленія и можетъ имѣть значеніе только педагогическое. Какъ чисто описательная дисциплина, эта логика не имѣетъ ничего общаго съ философіей, и потому Соловьевъ не считаетъ необходимымъ на ней останавливаться. Логика философская занимается не процессами мышленія въ его общихъ субъективныхъ формахъ, какъ эмпирически данныхъ, а объективнымъ характеромъ этого мышленія, какъ познающаго. Предметомъ нашего познанія является истинно-сущее. Какъ же и въ чемъ познаемъ истинно-сущее? Мы познаемъ истинно-сущее ¹⁾ во всемъ, что познаемъ. Но мы не могли бы познавать его, не могли бы различать его отъ частнаго сущаго, если бы оно не было дано само по себѣ въ познаніи; будучи единымъ истинно-сущимъ, т. е., субстанціей всего, оно (истинно-сущее) есть первоначальная субстанція и насъ самихъ, и, такимъ образомъ, оно можетъ и должно быть намъ дано не только извнѣ, въ своихъ отраженныхъ проявленіяхъ, образующихъ наше объективное познаніе, но и внутри насъ, какъ наша собственная основа. Великая мысль, лежащая въ корнѣ всякой истины, состоитъ въ признаніи, что въ сущности все, что есть, есть единое; и что это единое не есть какое нибудь существованіе или бытіе, но что оно глубже и выше всякаго бытія, такъ что вообще все бытіе есть только поверхность, подъ которою сохраняется истинно-сущее, какъ абсолютное единство, и что это единство составляетъ и нашу собственную внутреннюю суть, такъ что, возвышаясь надъ всякимъ бытіемъ и существованіемъ, мы чувствуемъ непосредственно эту абсолютную субстанцію, потому что становимся тогда ею. Эта абсолютная единичность есть первое положительное опредѣленіе абсолютнаго первоначала, и оно признается всѣми сколько нибудь глубокими метафизическими системами,

¹⁾ Вопросъ объ истинно-сущемъ, какъ мы видѣли, Соловьевъ подробно изслѣдовалъ въ „Кривякѣ отвлеченныхъ началъ“, и потому мы здѣсь касаемся этого вопроса лишь попутно, поскольку вопросъ объ истинно-сущемъ касается органической логики.

какъ религіозными, такъ и философскими, но особенно выступаетъ въ умозрительныхъ религіяхъ востока.

Опредѣленное философомъ сущее или сверхсущее, какъ абсолютное начало всякаго бытія, есть первый верховный принципъ органической логики, а такъ какъ эта логика есть первая основоположная часть въ философской системѣ цѣльнаго знанія, то это начало является безусловно первымъ принципомъ всей философской системы Соловьева, т. е., системы теософіи.—Установивши начало своей органической логики, Соловьевъ находитъ возможнымъ яснѣе опредѣлить отношеніе ея къ другимъ логикамъ. Всѣ онѣ ставятъ вопросъ объ истинности и дѣйствительности нашего познанія, но при этомъ школьная логика во всѣхъ своихъ видахъ хочетъ объяснить наше познаніе имманентно, т. е., изъ него самого, что совершенно невозможно, такъ какъ наше познаніе имѣетъ несомнѣнный характеръ относительности, условности и производности и не заключаетъ въ себѣ самомъ своего начала. Поэтому же всѣ объясненія школьной логики приводятъ къ отрицательнымъ результатамъ, истинная же логика обращается къ абсолютному первоначалу, какъ настоящему центру, вслѣдствіе чего периферія нашего познанія замыкается; отдѣльныя части и элементы нашего познанія получаютъ внутреннее единство и духовную связь, и все познаніе является, какъ дѣйствительный организмъ, почему такая логика по справедливости должна называться органическою. Эта логика, по Соловьеву, основывается на слѣдующемъ безспорномъ заключеніи: если область нашего познанія относительна, т. е., предполагаетъ за собою нѣкоторый абсолютный принципъ, то изъ этого только принципа оно—познаніе и можетъ быть объяснено, съ него и должно начинаться.

Но здѣсь могутъ выставить такое возраженіе: какимъ образомъ человѣкъ, самъ существо относительное, можетъ выйти изъ сферы данной своей дѣйствительности и трансцендировать къ абсолютному?—Но, вмѣсто отвѣта, спрашиваетъ Соловьевъ, кто доказалъ, что человѣкъ есть то, за что принимаетъ его школьная философія? Что человѣкъ безусловно ограниченъ міромъ кажущихся явленій и относительныхъ ка-

тегорій своего разсудка, это есть, по Соловьеву, только *petitio principii*, предвзятая идея. И противъ этой предвзятой идеи нашъ философъ находитъ себя въ правѣ утверждать, что человекъ есть самъ высшее откровеніе истинно-сущаго, что всѣ корни его собственнаго бытія лежатъ въ трансцендентной сферѣ, и что, слѣдовательно, онъ вовсе не связанъ тѣми цѣпями, которыя хочетъ наложить на него школьная философія. Но и сама логическая необходимость приводитъ разсудокъ къ убѣжденію въ этой истинѣ (въ неограниченности человека міромъ явленій). Абсолютное первоначало есть необходимое предѣльное понятіе нашего разсудка, и безъ него падаетъ всякое наше познаніе. Здѣсь намъ представляется выборъ между трансцендентнымъ познаніемъ и отрицаніемъ всякаго познанія. Или абсолютно-сущее, какъ принципъ, или чистый нуль абсолютнаго скептицизма, — вотъ дилемма для всякаго послѣдовательнаго мышленія; и, выбирая первое, мы стоимъ только на почвѣ самаго трезваго разсудка, хотя руководящагося собственно интуиціей. Положительное содержаніе этого высшаго начала, его цѣльная идея дается только умственному созерцанію или интуиціи. Способность къ такой интуиціи есть дѣйствительное свойство человѣческаго духа, и только въ немъ заключается основаніе дѣйствительной философіи. Но разъ содержаніе абсолютнаго дано намъ въ идеальной интуиціи, оно можетъ и должно быть оправдано рефлексіей нашего разсудка и приведено въ логическую систему, т. е., должна быть доказана общая логическая необходимость этого содержанія, должно быть показано, что всѣ опредѣленія, образующія это содержаніе, логически вытекаютъ изъ самаго понятія абсолютнаго первоначала или сущаго. Эти собственные опредѣленія сущаго, логически вытекающія изъ его понятія, образуютъ внутреннюю являемость, его *логосъ*, и наука, ими занимающаяся, основательно называется логикой. Этотъ *логосъ*, какъ содержащій внутреннія собственные опредѣленія сущаго, представляетъ абсолютный *принципъ* всякаго бытія ¹⁾ и познанія и безусловныя

¹⁾ Въ частностяхъ опредѣленія *логосъ*'а Соловьевъ замѣчательно близко сходится съ пр. Никаворомъ. См. его „Позитивная философія и сверхъчувственное бытіе“. II томъ стр. 391.

или необходимыя условія самой возможности всякаго бытія и познанія; и съ этой стороны логика опредѣляется, какъ наука о необходимыхъ условіяхъ познанія, или о его возможностяхъ. Такъ какъ органическая логика, имѣющая свою исходной точкой понятіе абсолютнаго первоначала или сущаго, должна изъ самаго этого понятія логически вывести всѣ существенныя опредѣленія сущаго самого по себѣ, то методъ этой науки можетъ быть только чистое діалектическое мышленіе, изнутри развивающееся, независимое ни отъ какихъ случайныхъ внѣшнихъ элементовъ. Внутреннее же содержаніе этого мышленія или его дѣйствительныя объекты даются идеальной интуиціей. Діалектика есть одинъ изъ трехъ основныхъ философскихъ методовъ; два другіе суть анализъ и синтезъ. Такъ какъ Соловьевъ употребляетъ эти термины въ нѣсколько иномъ значеніи, чѣмъ какое имъ обыкновенно приписывается, то онъ и даетъ здѣсь ихъ общее опредѣленіе. Подъ діалектикой Соловьевъ разумѣетъ такое мышленіе, которое изъ общаго принципа въ формѣ понятія вѣводитъ его конкретное содержаніе; такъ какъ это содержаніе, очевидно, должно уже заключаться въ общемъ принципѣ, но заключаться только потенціально, то актъ діалектическаго мышленія состоитъ именно въ переведеніи этого потенціальнаго содержанія въ актуальность, такъ что начальное понятіе является, какъ нѣкоторое зерно или сѣмя, послѣдовательно развивающееся въ идеальный организмъ. Изъ этихъ трехъ методовъ діалектика есть по преимуществу методъ органической логики; анализъ—органической метафизики, синтезъ—органической этики.

Излагаемую нами главу „Философскихъ началъ цѣльнаго знанія“ Соловьевъ оканчиваетъ указаніемъ отличій своей органической логики или „положительной“, какъ ее онъ самъ называетъ, отъ сходной раціоналистической діалектики Гегеля. Соловьевъ находитъ три главныхъ отличія. Первое отличіе то, что по Гегелю наше діалектическое мышленіе есть собственное сознаніе сущаго или его сознаніе о себѣ самомъ, при чемъ внѣ этого сознанія сущаго и вѣтъ совсѣмъ. Положи-

тельная же діалектика утверждается только какъ наше сознание объ абсолютномъ, не имѣющее реально никакой непосредственной связи съ его сознаниемъ о себѣ. Во 2-хъ, Гегель за исходную точку всего діалектическаго развитія, за его логическій субъектъ или основу беретъ понятіе бытія; органическая же логика—понятіе сущаго. Въ 3-хъ, такъ какъ для Гегеля сущее сводится безъ остатка къ бытію и бытіе безъ остатка къ діалектическому мышленію, то мышленіе должно исчерпывать собою всю философію, и основанная на немъ логика должна считаться единственной философскою наукою. Съ точки же зрѣнія Соловьева, съ точки зрѣнія органической логики, признающей мышленіе только однимъ изъ видовъ или образовъ проявленія сущаго, діалектика не можетъ покрывать собою всего философскаго познанія, и основанная на ней логика не можетъ быть всей философіей. Она есть только первая, самая общая и отвлеченная часть ея, ея остовъ, который получаетъ тѣло, жизнь и движеніе только въ слѣдующихъ частяхъ философской системы: метафизикѣ и этикѣ. Но положительнаго обоснованія своей метафизики и этики ¹⁾ въ излагаемомъ нами сочиненіи Соловьевъ не далъ: „Философскія начала цѣльнаго знанія“, какъ извѣстно, остались недоконченными; они прервались на 1-ой части, на изложеніи началъ разсмотрѣнной нами органической логики.

Слѣдующимъ (послѣ „Философскихъ началъ цѣльнаго знанія“) сочиненіемъ, посвященнымъ выясненію положительныхъ взглядовъ Соловьева, является: „Чтенія о Богочеловѣчествѣ“. Это рядъ публичныхъ лекцій, посвященныхъ разъясненію великихъ вопросовъ о религіи, Богѣ, Христѣ, Церкви.—Сочиненіе это важно не только тѣмъ, что содержитъ данныя для уясненія характера философскаго міровоззрѣнія Соловьева,

¹⁾ Обоснованіе этики Соловьевъ далъ гораздо позднѣе, именно въ своемъ „Оправданіи Добра“, вышедшемъ въ свѣтъ черезъ 17 лѣтъ послѣ „Философскихъ началъ цѣльнаго знанія“; обоснованія же метафизики Соловьевъ такъ и не успѣлъ дать.

но еще и тѣмъ, что оно представляетъ собою тотъ путь, которымъ шла мысль Соловьева отъ вопросовъ философскихъ къ богословскимъ. Сочиненія Соловьева до „Чтеній о Богочеловѣчествѣ“ носятъ характеръ исключительно философскій; сочиненія же 80-хъ годовъ, вышедшія послѣ „Чтеній о Богочеловѣчествѣ“, носятъ уже исключительно богословскій характеръ. Чтенія же представляютъ произведеніе смѣшаннаго философско-богословскаго характера; и въ этомъ случаѣ, говоримъ, представляютъ собою тотъ путь, которымъ шла философская мысль Соловьева отъ области отвлеченной мысли къ области религіи.

Ни въ какомъ другомъ своемъ произведеніи Соловьевъ не находится въ такой большой зависимости отъ Шеллинга, какъ въ своихъ „Чтеніяхъ о Богочеловѣчествѣ“. Все это сочиненіе, можно сказать, навѣяно „Философіей религіи“ Шеллинга. Вліяніе Шеллинга на Соловьева самое сильное: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Соловьевъ рѣшительно переходитъ въ заимствованіе у Шеллинга не только руководящихъ мыслей, но даже частныхъ примѣровъ. Это вполне будетъ видно изъ изложенія содержанія „Чтеній о Богочеловѣчествѣ“¹⁾. Что собственно представляютъ собою „Чтенія о Богочеловѣчествѣ“? Кратко на это можно отвѣтить такъ: это попытка осмыслить съ философской точки зрѣнія важнѣйшія истины христіанства. Это—собственно послѣдняя, конечная цѣль труда: задача, какъ видимъ, богословскаго характера. Но авторъ подходитъ къ ней строго философскимъ методомъ, и въ этомъ его главная заслуга.—Осмысливая же важнѣйшія истины христіанства съ точки зрѣнія философіи, Соловьевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказываетъ и обосновываетъ свои собственные философскія воззрѣнія, и въ этомъ особый интересъ его „Чтеній о Богочеловѣчествѣ“: они не мало даютъ для ознакомленія съ собственной философскою системою Соловьева. Для лучшаго усвоенія содержанія „Чтеній о Богочеловѣчествѣ“, мы сперва вкратцѣ укажемъ, о чемъ онъ говоритъ въ этомъ сочиненіи, а затѣмъ дадимъ подробное изложеніе этого труда.

¹⁾ „Чтенія о Богочеловѣчествѣ“ помѣщались сперва въ Прав. Обозр. за 1878—1881 г.

Исходнымъ пунктомъ изслѣдованія Соловьева является несостоятельность типичнѣйшихъ явленій западной философской мысли въ теоретической области позитивизма и социализма— въ практической. Ихъ критикой авторъ и начинаетъ свои „Чтенія“. Нельзя сказать, чтобы Соловьевъ въ этой критикѣ давалъ что либо новое, чего бы не было въ какомъ либо другомъ изъ его изложенныхъ нами трудовъ. Большею частью онъ здѣсь лишь кратко намѣчаетъ тотъ путь, который подробно проходитъ въ „Критикѣ отвлеченныхъ началъ“. Далѣе онъ даетъ краткую общую оцѣнку значенія католицизма въ исторіи западно-европейской цивилизаціи, указываетъ смыслъ протестантства, освободившаго человѣческую личность отъ оковъ, наложенныхъ католичествомъ, подробно разсуждаетъ о значеніи личности, указываетъ на недостаточность и крайнюю ограниченность механическаго міровоззрѣнія, не могущаго оправдать не только бытія верховнаго, абсолютнаго первоначала, но даже существованія внѣшняго реальнаго міра; отсюда прямой выводъ о необходимости оправданія вѣры, какъ источника познанія Божественнаго и сверхчувственнаго. Что же мы познаемъ вѣрою? Что дѣйствительно существуетъ? Авторъ доказываетъ, что высшею реальностью обладаютъ лишь идеи, идеи и составляютъ сущность всего. Отъ существованія идей въ ихъ многообразіи авторъ дѣлаетъ переходъ къ существованію Абсолютной идеи; доказываетъ, что эта идея должна обладать личностью и есть Абсолютное Существо; онъ далѣе даетъ опредѣленіе Божества и (слѣдуя Шеллингу) пытается дать философское обоснованіе Троичности Божества. Затѣмъ указываетъ на взаимное отношеніе лицъ св. Троицы, говоритъ о Христѣ и „идеальномъ“ премірномъ человѣкѣ. Дальше указываетъ философскій смыслъ творенія, указываетъ возможность возникновенія зла въ мірѣ; руководясь опять Шеллингомъ, говоритъ о „второй природѣ“ Бога—міровой душѣ; показываетъ способность ея къ свободному паденію; рѣшаетъ великій вопросъ о необходимости и возможности воплощенія, указываетъ на теогоническій и космогоническій процессы, какъ подготовленія и предзнаменованія воплощенія; далѣе даетъ, такъ ска-

зать, философію искупленія. Наконецъ говоритъ, въ заключеніе, о значеніи въ міровой исторіи западной и восточной церквей. Книга кончается мессіанскимъ упованіемъ, въ славянофильскомъ духѣ, на великую примирительную роль Востока...

Изъ представленнаго нами сейчасъ бѣглаго обзора содержанія „Чтеній о Богочеловѣчествѣ“ видно, что въ этомъ трудѣ Соловьевъ во многихъ мѣстахъ касался нѣкоторыхъ мыслей, высказанныхъ имъ въ другихъ сочиненіяхъ (напр. въ „Крит. Отвлеч. Нач.“ о несостоятельности механическаго міровоззрѣнія). Въ тѣхъ видахъ, чтобы лишній разъ не повторяться, мы не будемъ излагать тѣхъ отдѣловъ, гдѣ содержатся мысли, раскрытыя и обоснованныя Соловьевымъ въ другихъ его, изложенныхъ нами, произведеніяхъ, а прямо перейдемъ къ изложенію тѣхъ мѣстъ, гдѣ Соловьевъ въ первый разъ излагаетъ тѣ или иныя воззрѣнія. Таковы отдѣлы, содержащіе ученіе объ идеяхъ, какъ сущностяхъ всего, о Личности Божества, о троичности и взаимномъ отношеніи Лицъ Св. Троицы, и о возможности и смыслѣ воплощенія.

Начнемъ съ изложенія ученія объ идеяхъ.—Подъ идеями Соловьевъ разумѣетъ совершенно опредѣленные, особенныя формы метафизическихъ существъ, а никакъ не произведенія нашей отвлекающей мысли; идеямъ принадлежитъ предметное (объективное) бытіе по отношенію къ нашему познанію и вмѣстѣ съ тѣмъ субъективное бытіе въ нихъ самихъ, т. е., онѣ сами суть субъекты, или точнѣе, имѣютъ свои собственные, особенныя субъекты. Идеи равно независимы, какъ отъ разсудочныхъ отвлеченій, такъ и отъ чувственной реальности. Для познанія основы бытія необходимъ особенный способъ, способъ мыслительной дѣятельности, который удобнѣе всего назвать терминомъ умственнаго созерцанія, или интуиціи. Отсюда слѣдуетъ, что отвлеченное мышленіе, лишенное собственнаго содержанія, должно служить или сокращеніемъ чувственнаго воспріятія, или предвареніемъ умственнаго созерцанія, поскольку образующія его общія понятія могутъ утверждаться, или какъ схема явленій, или какъ тѣни идей.

Что касается реального существованія этихъ послѣднихъ, то Соловьевъ находитъ, что если бы необходимость ихъ признанія и не опиралась на ясныя логическія основанія, то все таки мы должны были бы признать ихъ на иныхъ фактическихъ основаніяхъ, сообщающихъ имъ достовѣрность общечеловѣческаго опыта: дѣйствительность идей и умственного созерцанія несомнѣнно доказывается фактомъ художественнаго творчества. Но какъ нужно понимать идеи? Что онѣ: только-ли представленія, или же обладаютъ самостоятельнымъ существованіемъ? Авторъ „Чтеній о Богочеловѣчествѣ“ того мнѣнія, что идеи имѣютъ собственную, особенную дѣйствительность, обладаютъ самосознаніемъ и личностью; противное нельзя допустить, потому что, если бы идеи различались только по своимъ познаваемымъ качествамъ, а не саморазличались бы во внутреннемъ своемъ бытіи, то онѣ и были бы только представленіями для другого, чего допустить нельзя.

Итакъ, идеи суть дѣйствительныя метафизическія существа, а носитель идеи, или идея, какъ субъектъ, есть лицо. Эти два термина: лицо и идея—соотносительны, какъ субъектъ и объектъ, и для полноты своей дѣйствительности необходимо требуютъ другъ друга. Личность, лишенная идеи, была бы чѣмъ-то пустымъ, внѣшнею бессмысленною силою, ей нечего было бы осуществлять, и потому ея существованіе было бы только стремленіемъ, усиленіемъ жить, а не настоящею жизнью. Личность и обхватываетъ не только простыя, частныя идеи, но и безусловныя. Она, опредѣляясь по своей субъективной сущности, какъ всеобъемлющая или всеединая, вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляется и въ своемъ внутреннемъ, субъективномъ существованіи, какъ единичное и единственное лицо, все одинаково въ себѣ заключающее и тѣмъ самымъ отъ всего одинаково отличающееся.

Этимъ дается первое понятіе живаго Бога и вмѣстѣ съ тѣмъ уясняется извѣстное философское понятіе о Богѣ, какъ универсѣ, какъ о „всемъ“. Богъ есть „все“; это значитъ, что какъ всякое дѣйствительное существо имѣетъ опредѣленную

сущность или содержаніе, котораго оно есть носитель, по отношенію къ которому оно говоритъ „я есмь“, точно также и Божественное Существо утверждаетъ свое „я есмь“, но не по отношенію къ какому нибудь опредѣленному частному содержанію, а по отношенію ко всему, т. е., во 1-хъ, по отношенію къ безусловной, всеединой и всеобъемлющей идеѣ, а чрезъ нее и въ ней и по отношенію ко всѣмъ особеннымъ идеямъ, составляющимъ объемъ и содержаніе идеи безусловной. Далѣе Соловьевъ опровергаетъ мнѣніе тѣхъ, которые приписываютъ Божеству только идеальное ¹⁾ бытіе. Божество, понимаемое только какъ идеальный космосъ, какъ все, или какъ гармонія всего,—такое Божество является для человѣка только какъ чистый объектъ, слѣдовательно, только въ идеальномъ созерцаніи,—и религія, которая этимъ ограничивается, имѣетъ характеръ умозрительный и художественный, исключительно созерцательный, а не дѣятельный; божественное начало открыто здѣсь для воображенія и чувства, но ничего не говоритъ волѣ человѣка. Историческія религіи подтверждаютъ это; напр. греческой религіи совершенно былъ чуждъ нравственный элементъ. Но Божество должно быть волящимъ лицомъ для того, чтобы положительно опредѣлить личность,—личную волю человѣка.—Но, спрашивается, можетъ ли Божество по своей безусловной природѣ быть лицомъ?

Этотъ вопросъ, по Соловьеву, затемняется лишь недоразумѣніями, происходящими отъ односторонности противоположныхъ взглядовъ. Такъ, съ одной стороны, утверждающіе личность Божества обыкновенно утверждаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Божество есть только личность, т. е., извѣстное личное существо, съ такими-то атрибутами. Но возстающіе противъ такого ограниченія сами впадаютъ въ противоположную односторонность, утверждая, что Божество просто лишено личнаго бытія, что оно есть просто безличная субстанція всего. Исти-

---

¹⁾ Впоследствии, какъ извѣстно, Соловьевъ нѣсколько уклонился съ этой истинно теистической точки зрѣнія. См. напр. его статью: „Понятіе о Богѣ“ (Вопр. Фил. и Псих. 1897 г. в. III), гдѣ Соловьевъ стоитъ болѣе на пантеистической, чѣмъ теистической точкѣ зрѣнія.

на въ томъ, что божественное начало не есть только личность. Оно не исчерпывается личнымъ опредѣленіемъ, оно не есть только единое, но и *все*, не есть только индивидуальное, но и всеобъемлющее существо, не только сущій, но и сущность. Въ историческомъ развитіи религіознаго сознанія мы видимъ, что уже языческой міръ, цвѣтъ котораго выразился въ эллинизмъ, утвердилъ преимущественно Божество, какъ все. Іудейство же познало Божество, какъ Сущее, или чистое „Я“. У еврейскихъ пророковъ, какъ выразителей религіозной мысли іудейства, замѣчается расширение религіознаго сознанія; религія Ветхозавѣтная у нихъ уже теряетъ свой исключительный характеръ и приобретаетъ универсальный характеръ: Іона проповѣдуетъ волю Іеговы язычникамъ Ниневіи, Исаія и Іеремія возвѣщаютъ грядущее Откровеніе, какъ знамя языковъ, къ которому притекутъ всѣ народы. Дальнѣйшее философское развитіе идеи о Богѣ послѣдовало въ Александріи, въ извѣстномъ ученіи Филона о Логосѣ; но только христіане впервые познали Божественный Логосъ и Духа не со стороны тѣхъ или другихъ логическихъ или метафизическихъ категорій, подъ которыми они являлись въ философіи александрійской, а въ живой личности, въ своемъ Распятомъ и Воскресшемъ Спасителѣ, а Духа въ живомъ, непосредственно ими ощущаемомъ началѣ ихъ духовнаго возрожденія.

Утвержденіе существующаго средства между христіанскимъ догматомъ Троицы и греко-іудейскими умозрѣніями о томъ же предметѣ, по Соловьеву, нисколько не уменьшаетъ самобытнаго значенія самого христіанства, какъ положительнаго Откровенія. Оригинальность христіанства, по Соловьеву, не въ общихъ взглядахъ, а въ положительныхъ фактахъ, не въ умозрительномъ содержаніи его идеи, а въ его *личномъ воплощеніи*. Эта оригинальность отъ христіанства неотъемлема, и Соловьевъ находитъ, что для утвержденія ея нѣтъ надобности, вопреки исторіи и здравому смыслу, доказывать, что всѣ идеи христіанской догматики явились какъ что-то безусловно новое, такъ сказать, упали готовыми съ неба; нѣтъ, нашъ мыслитель считаетъ вполне возможнымъ допустить, что онѣ, въ своемъ

историческомъ развитіи, имѣли прямую связь не только съ іудействомъ, но и съ язычествомъ.

Далѣе Соловьевъ переходитъ къ изслѣдованію внутренняго отношенія Абсолютно—Сущаго. Имѣются три отношенія Абсолютно—Сущаго, какъ опредѣляющаго себя относительно своего содержанія. Во 1-хъ, Оно полагается, какъ обладающее этимъ содержаніемъ въ непосредственномъ субстанціальномъ единствѣ или безразличіи съ Собою: Оно полагается, какъ единая субстанція, все существенно заключающая въ Своей безусловной мощи. Во 2-хъ, Оно полагается, какъ проявляющееся, или осуществляющее Свое бытіе, Свое абсолютное содержаніе, противопоставляя его Себѣ или выдѣляя изъ Себя актомъ Своего самоопредѣленія. Наконецъ, въ 3-хъ, Оно полагается, какъ сохраняющее и утверждающее Себя въ этомъ своемъ содержаніи, или какъ осуществляющее Себя въ актуальномъ, опосредствованномъ, или различенномъ единствѣ съ этимъ содержаніемъ, или сущностью. Въ видахъ лучшаго уясненія внутреннихъ отношеній Абсолютнаго Существа, Соловьевъ разбираетъ аналогичныя внутреннія отношенія человѣческаго духа: онъ находитъ, что совершенно подобную Божественной тройственности субстанцію представляетъ и нашъ духъ, если только мы признаемъ его самостоятельно существующимъ, т. е., настоящимъ существомъ. Признавая вообще существованіе нашего духа, мы должны признать, что онъ имѣетъ первоначальное субстанціональное ¹⁾ бытіе независимо отъ своего частнаго обнаруженія, или проявленія въ рядѣ раздѣльныхъ актовъ и состояній; должны признать, что онъ существуетъ глубже всей той внутренней дѣйствительности, которая составляетъ нашу текущую, наличную жизнь. Въ этой первоначальной глубинѣ лежитъ и корень того, что мы называемъ собою, или нашимъ „Я“, ибо, въ противномъ случаѣ, т. е., если бы наше „Я“, наше личное существо было привязано

¹⁾ Мысль объ этой первоначальной, независимой отъ проявленія въ душевной жизни нашего духа, субстанціи, Соловьевъ очень энергично проводилъ въ своихъ послѣднихъ статьяхъ по гносеологіи, особенно въ „Первомъ началѣ теоретической философіи“ (Вопр. Фил. и Псих. 1897 г., 5).

исключительно къ обнаруженнымъ раздѣльнымъ актамъ нашей душевной жизни, къ такъ называемымъ состояніямъ нашего сознанія, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ, съ исчезновеніемъ раздѣльнаго сознанія, исчезли бы мы сами, какъ духовное существо, для того, чтобы потомъ, съ возвращеніемъ сознанія, вдругъ явиться во всеоружіи своихъ духовныхъ силъ: предположеніе—совершенно бессмысленное. Итакъ, во 1-хъ, мы имѣемъ нашъ первоначальный нераздѣльный субъектъ: въ немъ же заключается извѣстнымъ образомъ все собственное содержаніе нашего духа, наша сущность или идея, опредѣляющая нашъ индивидуальный характеръ. Во 2-хъ, мы имѣемъ нашу раздѣльную сознательную жизнь, проявленіе или обнаруженіе нашего духа: здѣсь содержаніе, или сущность наша, существуетъ дѣйствительно (актуально) во множествѣ различныхъ проявленій, которымъ она сообщаетъ опредѣленный характеръ. Наконецъ въ 3-хъ, такъ какъ при всей множественности этихъ проявленій всѣ они суть только обнаруженія одного и того же духа, одинаково всѣмъ имъ присущаго, то мы можемъ рефлексировать или возвращаться къ себѣ отъ этихъ проявленій или обнаруженій и утверждать себя актуально, какъ единого субъекта, какъ опредѣленное я, единство котораго, такимъ образомъ, чрезъ свое различеніе или проявленіе во множествѣ состояній и дѣйствій сознательной жизни не только не теряется, но, напротивъ, полагается въ усиленной степени; это возвращеніе къ себѣ, рефлексія на себя и есть собственно то, что называется самосознаніемъ, и является каждый разъ, когда мы не только переживаемъ извѣстныя состоянія, чувства и мысли и т. д., но еще особеннымъ внутреннимъ дѣйствіемъ, останавливаясь на этихъ состояніяхъ, утверждаемъ себя, какъ переживающаго ихъ субъекта, какъ чувствующаго и мыслящаго и т. д., т. е., когда мы внутренне говоримъ: я чувствую, я мыслю и т. д.—Такимъ образомъ, тройственное отношеніе нашего субъекта къ его содержанію такое же, какъ и указанное Соловьевымъ прежде отношеніе субъекта безусловнаго или абсолютно-сущаго къ его безусловному содержанію, или всеобщей сущности.

Но здѣсь, на почвѣ признанія тройственнаго отношенія субъекта, можетъ возникнуть недоумѣніе. Кажется, что три исключаютія другъ друга положенія въ одномъ и томъ же актѣ одного и того же субъекта рѣшительно немислимы. Одинъ и тотъ же вѣчный субъектъ не можетъ вмѣстѣ и скрывать въ себѣ всѣ свои опредѣленія, и проявлять ихъ для себя, выдѣляя ихъ какъ другое, и пребывать въ нихъ у себя, какъ въ своихъ: или же, говоритъ нашъ мыслитель, выражаясь языкомъ Библии, одна и та же божественная Упостась не можетъ быть вмѣстѣ и „Живущимъ во свѣтѣ неприступнѣмъ, егоже никтоже видѣлъ есть отъ человѣкъ“, и вмѣстѣ съ тѣмъ быть „свѣтомъ, просвѣщающимъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ“, одна и та же Упостась не можетъ быть и „Словомъ, имже вся быша“, и „Духомъ, вся испытующимъ“. А если такъ, если съ одной стороны, въ абсолютномъ существѣ не можетъ быть трехъ послѣдовательныхъ актовъ, другъ друга смѣняющихъ, а съ другой стороны три вѣчные акта, исключаютіе другъ друга по своему опредѣленію, немислимы въ одномъ субъектѣ, то необходимо для этихъ трехъ вѣчныхъ актовъ предположить три вѣчныхъ субъекта (Упостаси), изъ которыхъ второй, непосредственно порождаясь первымъ, есть прямой образъ Упостаси его, выражаетъ своею дѣйствительностью существенное содержаніе перваго, служитъ ему вѣчнымъ выраженіемъ или словомъ, а третій, исходя изъ перваго, какъ уже имѣющаго свое проявленіе во второмъ, утверждаетъ его, какъ выраженаго, или въ его выраженіи ¹⁾).

Но какимъ образомъ, признавая трехъ Божественныхъ Субъектовъ, можно избѣжать противорѣчія съ требованіями единобожія? Не являются ли эти три субъекта тремя богами? Это недоразумѣніе Соловьевъ разрѣшаетъ такъ: нужно условиться, что собственно разумѣть подъ словомъ „Богъ“. Если этимъ именемъ обозначать всякаго субъекта, причастнаго, такъ или иначе, Божественной сущности, то въ такомъ случаѣ

¹⁾ Эти мысли о взаимномъ отношеніи лицъ Св. Троицы были впоследствии болѣе подробно развиты Соловьевымъ въ его французской книгѣ: „La Russie et l'Église universelle“ Paris, 1889 г. (см. особенно 203—229 стр.).

необходимо признать не только трехъ, но великое множество боговъ, ибо всякое существо такъ или иначе участвуетъ въ Божественной сущности, согласно слову Божию: „я сказалъ: вы боги и сыны Вышняго всѣ“. Если же съ именемъ Бога соединять всецѣлое и актуальное обладаніе всею полнотою божественнаго содержанія во всѣхъ его видахъ, то и тремъ божественнымъ субъектамъ названіе Бога принадлежитъ лишь постольку, поскольку они необходимо находятся въ безусловномъ единствѣ, въ неразрывной внутренней связи между собою. Каждый изъ нихъ есть истинный Богъ, но именно потому, что каждый нераздѣленъ съ двумя другими, Св. Троица существуетъ только для отвлекающей мысли, въ дѣйствительности же существуетъ только единый, въ трехъ нераздѣльныхъ и единосущныхъ субъектахъ Себя осуществляющій, Богъ.

Александръ Никольскій.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Іюля № 13. 1902 года.

Содержаніе. Высочайшая отмѣтка.—Списокъ лицъ, служащихъ въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ за 1902 уч. г.—Списокъ лицъ, служащихъ въ Купянскомъ духовномъ училищѣ за 1902 уч. г.—Разрядной списокъ воспитанниковъ Харьковской духовной семинаріи, составленный послѣ годичныхъ испытаній за 1901—1902 уч. г.—Разрядной списокъ воспитанниковъ Купянскаго духовнаго училища за 1901—1902 уч. г.—Отъ Правленія Купянскаго духовнаго училища.—Разрядной списокъ воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища за 1901—1902 уч. г.—Отъ Правленія Сумскаго духовнаго училища.—Разрядный списокъ учениковъ Харьковскаго духовнаго училища, составленный Правленіемъ училища послѣ годичныхъ испытаній за 1901—1902 уч. г.—Отъ Правленія Харьковскаго духовнаго училища.—Отчетъ Харьковскаго Епархіальнаго Соедѣнаго миссіонерскимъ дѣламъ о состояніи раскола и сектантства въ епархіи и дѣятельности епархіальной миссіи за 1901 годъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Въ понедѣльникъ, 17-го сего іюня, имѣлъ счастье представляться Его Величеству ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Харьковскій *Флавіанъ*.

Высочайшая отмѣтка.

Въ память выздоровленія Его Императорскаго Величества отъ постигшей въ 1900 году болѣзни прихожане Иверско-Богородичной церкви села Бѣжевки, Лебединскаго уѣзда, Харьковской епархіи, приобрѣли для приходской церкви колоколъ вѣсомъ въ 107 пудовъ, стоимостью 1914 рублей.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ Исполняющаго Обязанности Оберъ-Прокурора, Сенатора В. Саблера о такомъ выраженіи вѣрноподданническихъ и религіозно-патріотическихъ чувствъ Его Императорскому Величеству благоугодно было, въ 12-й день мая 1902 г., Собственноручно начертать: „Прочелъ съ удовольствіемъ“

Списокъ лицъ, служащихъ при Харьковскомъ Духовномъ Училищѣ, за 1902 учебный годъ.

Смотритель училища—Снегиревъ Александръ Алексѣевичъ, стат. совѣт., кандидатъ Казанской дух. акад. 1874 г.; 11 іюля 1874 г. преподав. Харьковской духовной семинаріи; 5 ноября 1887 г. смотритель училища.

Помощникъ смотрителя—Левитскій Іоаннъ Іоанновичъ, протоіерей, студ. Харьковской дух. семинаріи 1859 г.; 31 января 1860 г. священникъ г. Лебедина, Харьковской губ.; 10 ноября 1873 года учит. Закона Божія при Харьковскомъ духов. училищѣ; 28 ноября 1873 г. —помощникъ смотрителя училища.

Преподаватели:

Русскаго и церковно-славян. языковъ во II—IV классахъ Евецкій Иванъ Александровичъ, стат. совѣт., канд. Кіевской духовн. акад. 1883 г.; 23 декабря 1883 года препод. Черкаскаго духовн. училища; 10 августа 1884 г. преподав. Харьковскаго духовнаго училища.

Русскаго и церковно-славян. языковъ въ I классѣ—Коротковъ Сергѣй Гавріиловичъ, коллеж. ассесоръ, кандид. С.-Петербургской духовн. академіи 1897 г.; 1 января 1898 г. надз.-репет. Харьковскаго духовн. учил., 27 августа 1899 года преп. русскаго и церковно-славян. языковъ при томъ-же училищѣ.

Латинскаго языка—Булгаковъ Иванъ Васильевичъ, надв. совѣт., кандидатъ Московской духов. академіи 1895 г.; 3 августа 1895 г. преподават. русскаго и церк.-славян. яз. въ I клас. Харьковскаго духовн. учил.; 27 августа 1899 года преп. латинскаго языка при томъ-же училищѣ.

Греческаго языка—Марченко Владиміръ Васильевичъ, надв. совѣт., студентъ Харьковской духовн. сем. 1879 года; 15 августа 1879 г. надз.-репет. Харьковскаго духов. учил.; 2 октября 1880 г. препод. греческаго языка при томъ-же учил.

Географіи и ариметики—Пономаревъ Василій Арсеньевичъ, стат. совѣтн., кандидатъ Кіевской духовн. акад. 1883 года; 23 октября 1883 года помощн. инспектора Харьковской дух. семинаріи; 1 августа 1894 г. препод. географіи и ариметики Харьковскаго духовн. училища.

Церковнаго пѣнія и музыки—Лобковскій Александръ Алексѣевичъ, священникъ, студентъ Харьковской духовной семинаріи 1893 г.; 1 ноября 1897 года учитель пѣнія и музыки при Харьковскомъ духовномъ училищѣ.

И. д. учителя приготовит. класса—Лухлицкій Иванъ Васильевичъ, надвор. совѣт., воспитанникъ Харьковской духовн. семинаріи 1885 г.; 14 сентября 1887 г. надз.—репетит. Харьковскаго духовнаго училища; 18 іюля 1891 года и. д. учителя приготовительнаго класса при томъ-же училищѣ.

Надзиратели:

IV класса, Поповъ Григорій Филіп., тит. совѣт., студ. Харьк. духовн. семинаріи, съ 8 января 1897 г. III класса, Шкорбатовъ

Ник. Никол., тит. совѣт., студ. Харьк. дух. семина., съ 1 сентября 1896 г. II класса, Лобковский Иванъ Васил., падв. совѣт. студентъ Харьк. дух. семина., съ 1 авг. 1890 г. I класса, Макаровский Фед. Григорьев., нем. чина, студ. Харьк. дух. семинаріи, съ 1 октября 1901 г. Приготовительнаго класса, Соколовъ Валер. Петровичъ, воспит. Харьков. дух. семинаріи, съ 1 нояб. 1898 г.

Списокъ лицъ, служащихъ въ Купянскомъ духовномъ училищѣ за 1902 г.

1. Смотритель училища, Статскій Совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Григоровичъ. Имѣеть ордена: св. Станислава III степени, св. Анны III степени и св. Станислава II степени. Въ 1880 г. окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи со степенью кандидата, съ правомъ искать степени магистра, не подвергаясь новому устному испытанію. Въ томъ же 1880 году преподаватель латинскаго языка въ Кіево-Софійскомъ духовномъ училищѣ. Въ 1882 г. преподаватель русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ томъ же училищѣ. Съ 1881 по 1884 г. преподаватель русскаго языка и словесности при Кіевскомъ училищѣ двѣицъ духовнаго званія. Въ 1884 г. смотритель Черкаскаго духовнаго училища. Въ 1888 г. членъ и казначей Черкаскаго уѣзднаго отдѣленія Кіевскаго Епархіальнаго училищнаго Совѣта. Въ 1893 г. Смотритель Купянскаго духовнаго училища и членъ Купянскаго уѣзднаго отдѣленія Харьковскаго Епархіальнаго училищнаго совѣта; съ 1899 г. состоитъ членомъ школьной комиссіи при томъ же отдѣленіи.

2. Помощникъ смотрителя, статскій совѣтникъ Александръ Павловичъ Малишевскій. Имѣеть орденъ св. Станислава III степени. Въ 1886 г. окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи со степенью кандидата. 1886 г. учитель русскаго языка въ Кутаисскомъ духовномъ училищѣ. 1890 преподаватель литургіи, гомилетики и практическаго руководства для пастырей въ Тифлисской духовной семинаріи. 1894 г. учитель арифметики и географіи въ Купянскомъ духовномъ училищѣ. 1895 г. Помощникъ смотрителя Купянскаго духовнаго училища. 1897 г. членъ Купянскаго уѣзднаго отдѣленія Харьковскаго епархіальнаго училищнаго совѣта.

3. Старшій учитель, учитель греческаго языка священникъ Михайлъ Сильванскій. Имѣеть ордена: св. Станислава III степени и св. Анны III степени. Въ 1867 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи и удостоенъ званія студента. 1867 года младшій учитель Купянскаго духовнаго училища. 1868 г. учитель греческаго языка въ Купянскомъ духовномъ училищѣ. Съ 1888 г.

священникъ Купянской Николаевской церкви. Съ 1893 г. предсѣдатель Купянскаго уѣзднаго отдѣленія Харьковскаго епархіальнаго училищнаго совѣта.

4. Учитель русскаго языка съ церковно-славянскимъ въ старшихъ классахъ училища, надворный совѣтникъ Николай Яковлевичъ Александровъ. Въ 1894 г. окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи и удостоенъ званія кандидата. 1895 г. учитель русскаго языка съ церковно-славянскимъ во II, III и IV классахъ Купянскаго духовнаго училища. 1899 г. членъ—дѣлопроизводитель училищнаго правленія.

5. Учитель русскаго языка съ церковно-славянскимъ въ 1-мъ классѣ, надворный совѣтникъ Иванъ Степановичъ Гогинъ. Въ 1889 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи и удостоенъ званія студента. 1889 г. надзиратель-репетиторъ 1-го класса Харьковскаго духовнаго училища и учитель церковнаго пѣнія въ томъ-же училищѣ. 1897 г. учитель русскаго языка въ 1-мъ классѣ Купянскаго духовнаго училища и учитель церковнаго пѣнія въ томъ же училищѣ.

6. Учитель латинскаго языка священникъ Александръ Мавухинъ. Въ 1871 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи и удостоенъ званія студента. 1872 г. надзиратель въ Купянскомъ духовномъ училищѣ. 1873 г. учитель латинскаго языка въ Купянскомъ духовномъ училищѣ. 1894 г. рукоположенъ во священника и причисленъ сверхъ штата къ Купянскому Покровскому собору. 1895 г. законоучитель Купянскаго уѣзднаго училища.

7. Учитель ариѳметики и географіи, статскій совѣтникъ Михаилъ Димитріевичъ Островидовъ. Имѣеть орденъ св. Станислава III степени и Библію отъ Св. Синода выдаваемую. Въ 1884 г. окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи и удостоенъ званія кандидата. 1884 г. преподаватель латинскаго языка Черкаскаго духовнаго училища. 1885 г. преподаватель русскаго языка въ старшихъ классахъ того-же училища. 1886 г. преподаватель ариѳметики и географіи того-же училища. 1889 г. преподаватель ариѳметики и географіи Ярославскаго духовнаго училища. Съ 1890 по 1896 г. преподавалъ гражданскую исторію въ Ярославскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ. 1890 г. членъ отдѣленія по Ярославскому уѣзду епархіальнаго училищнаго Совѣта. 1899 г. преподаватель греческаго языка Пинскаго духовнаго училища. 1899 г. преподаватель ариѳметики и географіи Купянскаго духовнаго училища.

8. Учитель приготов. класса, надворный совѣтникъ Георгій

Феодотовичъ Поповъ. Имѣеть орденъ св. Ставслава III, степени. Въ 1890 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи, удостоенъ званія студента и опредѣленъ надзирателемъ—репетиторомъ въ Купянское духовное училище. 1894 г. учитель приготов. класса того-же училища. 1895 г. учитель чистописанія того-же училища. 1896 г. членъ-дѣлопроизводитель Купянскаго уѣзднаго отдѣленія Харьковскаго епархіальнаго училищнаго совѣта. 1898 г. членъ школьной комиссіи при томъ же отдѣленіи.

9. Надзиратель—репетиторъ IV класса Федоръ Михайловичъ Прищепа. Въ 1901 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи и опредѣленъ надзирателемъ—репетиторомъ въ Купянское духовное училище.

10. Надзиратель—репетиторъ III класса, коллежскій ассессоръ Петръ Алексѣевичъ Торанскій. Въ 1879 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи и удостоенъ званія студента. 1880 г. надзиратель въ Купянскомъ духовномъ училищѣ.

11. Надзиратель—репетиторъ II класса, коллежскій ассессоръ Виссаріонъ Ивановичъ Смирскій. Въ 1891 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи, удостоенъ званія студента и опредѣленъ надзирателемъ—репетиторомъ въ Купянское духовное училище.

12. Надзиратель—репетиторъ I класса, коллежскій ассессоръ Федоръ Александровичъ Евецкій. Въ 1891 году окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи. 1893 г. надзиратель—репетиторъ въ Купянскомъ духовномъ училищѣ,

13. Надзиратель—репетиторъ приготовительнаго класса Николай Тимофеевичъ Пипенко. Въ 1899 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи и опредѣленъ надзирателемъ—репетиторомъ въ Купянское духовное училище.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи, составленный послѣ годичныхъ испытаній за 1901—1902 учебный годъ.

В к л а с с а.

Окончившіе курсъ Семинаріи.

Разрядъ 1. 1. Николай Чернявскій, Михайль Гутниковъ, Дмитрій Кабловъ—награждены медалями, Василій Ладенко; 5. Евгений Подлуцкій—награждены книгами, Ивавъ Эйсманъ, Сергѣй Дубровинъ, Федоръ Мянченко, Николай Чепуринъ; 10. Яковъ Чернявскій, Илья Архангельскій, Антонъ Паптелеймоновъ, Александръ Антоновъ.

Разрядъ 2. Александръ Павловъ—награжденъ книгою за ревностное исполненіе обязанностей помощника завѣдующаго ученическою бібліотекою; 15. Юсіѳъ Поповъ, Наркиссъ Сербиновъ, Павелъ Карповъ, Матвѣй Любичій, Пантелеймонъ Вербицкій; 20. Александръ Горавиъ, Иванъ Алексѣевъ, Гавріиль Протопоповъ, Василій Нестереяко, Григорій Петровскій; 25. Петръ Поповъ, Василій Христіановскій, Василій Ѳедоровскій, Николай Поморцевъ, Сергѣй Прокофьевъ; 30. Иванъ Пиненко, Сергѣй Ѳедоровъ, Иванъ Веселовскій, Василій Ведрянскій, Петръ Литвиновъ.

Допущенъ къ перекзаменовкѣ послѣ каникулъ; 35. Василій Лашенко—по догматическому богословію.

5 к л а с с а.

Переведены въ 6 классъ.

Разрядъ 1. 1. Виталій Якубовичъ, Владиміръ Недохлѣбовъ, Василианъ Платоновъ, Евгенийъ Богуславскій; 5. Сергѣй Филиппенко, Викторъ Дмитровскій, Георгій Ястремскій, Григорій Артемьевъ, Василій Бесѣда.

Разрядъ 2. 10. Илья Рахманъ, Василій Жуковъ, Ѳедоръ Гончаровскій, Николай Любарскій, Анатолій Яновскій; 15. Иванъ Рубинскій, Викторъ Знаменскій, Леонидъ Лазаревъ, Яковъ Роменскій, Сергѣй Крыжановскій; 20. Василій Ладенковъ, Григорій Яновскій, Николай Залуговскій, Стефанъ Любарскій, Евгенийъ Нѣмчиновъ; 25. Гавріиль Васильковскій, Димитрій Гризодубовъ, Иванъ Заводовскій, Григорій Шишловъ, Иванъ Брагловскій; 30. Ѳедоръ Вербицкій, Алексѣй Власовскій, Иванъ Власовъ, Алексѣй Воскобойниковъ, Александръ Колесняковъ; 35. Константинъ Косьминъ, Евгенийъ Сапухинъ, Михайлъ Капустинъ.

Допущены къ перекзаменовкѣ послѣ каникулъ: Стефанъ Давиденко, Константинъ Новицкій; 40. Александръ Молодыхъ—по догматическому богословію. Иванъ Ливицкій, Петръ Рубянский—Аристархъ Сильванскій по литургіѣ, Василій Стадняченко—по гомилетикѣ; 45. Николай Хвжияковъ—по исторіи и обличенію раскола.

Оставленъ на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по малоуспѣшности 46. Николай Мвхайловъ.

4 к л а с с а:

Переведены въ 5 классъ.

Разрядъ 1. 1. Иванъ Паншинъ, Григорій Мякшинъ, Константинъ Шебатицскій, Григорій Пиненко; 5. Алексѣй Виноградовъ, Иванъ Власовскій, Григорій Рождественскій, Михайлъ Капланъ,

Михаилъ Николаевскій; 10. Борисъ Ѳедоровскій, Василий Григоревичъ.

Разрядъ 2. Петръ Поповъ, Константинъ Артюховскій, Яковъ Приходянь; 15. Аванасій Капустянскій, Петръ Роменскій, Веніаминъ Ревскій, Павелъ Горавиць, Иванъ Лобковскій; 20. Ѳедоръ Хорошковъ, Митрофанъ Вербицкій, Савва Доброницкій, Михаилъ Пантелеймоновъ, Сергѣй Якубовичъ; 25. Пантелеймонъ Бутковъ, Іона Павловъ, Николай Эвенховъ, Павелъ Четвертковъ, Яковъ Шабатинскій; 30. Николай Николаевскій, Иванъ Протопоповъ, Алексѣй Рубинскій, Аркадій Морозъ.

Допущены къ переекзаменовкѣ послѣ каникулъ: Яковъ Григорьевъ—по психологіи; 35. Алексѣй Новицкій—по греческому языку, Анатолий Чернявскій—по церковной исторіи, Павелъ Чефрановъ—по литургикѣ, Левъ Яковлевъ—по философіи, Александръ Анисимовъ—по основному богословію и философіи; 40. Иванъ Петровъ—по литургикѣ и латинскому языку, Митрофанъ Смирнскій—по основному богословію и физикѣ, Яковъ Христіановскій—по основному богословію и греческому языку, Александръ Щербина—по основному богословію и литургикѣ, Семеновъ Корнильевъ—по литургикѣ и греческому языку.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ: 45. Дмитрій Гонскій, Иванъ Камышанъ, Дмитрій Олякъ, Аванасій Пономаревъ, Владиміръ Приходьковъ—по болѣзни; 50. Алексѣй Торанскій—по неудовлетворительности сочиненій.

Уволены изъ семинаріи: Яковъ Артюховскій; 52. Михаилъ Михайловъ.

3 нормальнаго класса:

Переведены въ 4 классъ.

Разрядъ 1. 1. Владиміръ Квиріановъ, Сергѣй Чернявскій, Семеновъ Василевскій, Яковъ Леткинъ.

Разрядъ 2. 5. Стефанъ Петровъ, Александръ Ѳедоровъ, Анатолий Шиповаловъ, Гавріиль Поповъ, Автономъ Жуковъ; 10. Константинъ Золотаревъ, Михаилъ Макаровскій, Иванъ Жуковскій, Александръ Евецкій, Константинъ Землянскій.

Допущены къ переекзаменовкѣ послѣ каникулъ: 15. Михаилъ Григоровичъ—по математикѣ, Александръ Дьяковъ—по церковной исторіи, Иванъ Момировъ—по логикѣ и церковному пѣнію, Николай Ястремскій—по латинскому языку, Ѳедоръ Бородаевъ—по логикѣ и латинскому языку, 20. Илья Кіиновскій—по математикѣ и греческому языку, Сергѣй Лукьяновскій—по греческому и ла-

тинскому языку, Антоній Поповъ—по священному писанію и сочиненію, Николай Чарторижскій—по греческому языку и сочиненію.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ: Василій Алферовъ—по неудовлетворительности сочиненій, 25. Владиміръ Согинъ, Георгій Стенурскій—по малоуспѣшности.

Уволенъ изъ Семинаріи за продолжительную неявку 27. Александръ Титовъ.

3 параллельнаго класса.

Переведены въ 4 классъ.

Разрядъ 1. 1. Григорій Тычининъ, Алексѣй Николаенко, Владиміръ Евимовъ, Иванъ Понировскій, 5. Даниль Стесенко.

Разрядъ 2. Александръ Пигуль, Андрей Лѣпскій, Дмитрій Ищенко, Митрофанъ Васильковскій, 10. Сергѣй Лядскій, Николай Юшковъ, Григорій Чугаевъ, Николай Ѳедоровъ, Павелъ Краснокутскій, 15. Семенъ Баженовъ, Георгій Грековъ.

Допущены къ переекзаменовкѣ послѣ каникулъ: Николай Матвѣенко—по церковному пѣнію, Петръ Дорошенко—по латинскому языку, Евѣмій Золотаревъ—по греческому языку, 20. Сергѣй Анисимовъ—по сочиненію, Александръ Сапухинъ—по логикѣ и греческому языку, Алексѣй Петраковъ—по греческому языку и сочиненію, Ѳедоръ Косьминъ—по греческому языку и церковному пѣнію; Сергѣй Васильевъ—по логикѣ, греческому языку и церковному пѣнію.

Оставлены на повторительный курсъ по малоуспѣшности: 25. Петръ Бѣлоусовъ, Александръ Торанскій, 27. Борисъ Цыбулевскій.

2 нормальнаго класса.

Переведены въ 3 классъ.

Разрядъ 1. 1. Арсеній Головчанскій, Николай Хорошковъ, Василій Филиппенко—награждены книгами.

Разрядъ 2. Владиміръ Михайловскій; 5. Владиміръ Вѣляевъ, Александръ Сѣвирскій, Михайль Хижняковъ, Иванъ Ѳедоровъ, Виталій Толмачевъ; 10. Тихонъ Любицкій, Андрей Николаевскій.

Допущены къ переекзаменовкѣ послѣ каникулъ: Иванъ Поповъ—по математикѣ и церковному пѣнію, Тимовъ Смирнскій—по латинскому языку и церковному пѣнію, Михайль Нарожный, 15. Дмитрій Яновскій—по сочиненію, Иларіонъ Дьяковъ—по латинскому языку и церковному пѣнію, Илья Червонецкій—по латинскому языку и сочиненію, Василій Крыжановскій—по священному писанію и греческому языку, Михайль Соколовскій—по гре-

ческому и латинскому языкамъ; 20. Георгій Твердохлѣбовъ—по библейской исторіи и словесности, Андрей Ведринскій—по латинскому языку, церковному пѣнію и сочиненію.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по малоуспѣшности: Григорій Быковцевъ, Петръ Измайловъ, Николай Инюковъ; 25. Николай Пономаревъ, 26. Петръ Трофименко.

2 параллельнаго класса:

Переведены въ 3 классъ.

Разрядъ 1. 1. Михайлъ Черныгинъ—награжденъ книгою Николая Наумовъ.

Разрядъ 2. Андрей Добрецькій, Захарій Стрѣльцовъ; 5. Василий Петинъ, Александръ Олейниковъ, Стефанъ Алексѣевъ, Леонидъ Диваревъ, Гавріиль Добрецькій; 10. Григорій Цыбулевскій, Павелъ Дейнеховскій, Сергѣй Ѳедоровъ, Николай Евецкій.

Допущены къ перекзаменовкѣ послѣ каникулъ: Иона Ладенко, 15. Леонидъ Якубовичъ—по математикѣ, Николай Грызодубовъ—по сочиненію, Иванъ Твердохлѣбовъ—по латинскому языку, Василий Жуковскій, Даниль Лащенко,—по библейской исторіи и математикѣ; 20. Андрей Насѣдкинъ, Александръ Элицинскій—по греческому и латинскому языкамъ.

Допущены къ испытаніямъ по всѣмъ предметамъ послѣ каникулъ не державшіе экзамена въ свое время по болѣзни: Николай Никитинъ, Алексѣй Рудинскій.

Оставленъ на повторительный курсъ по неудовлетворительности сочиненій 24. Андрей Дзюбановъ.

I нормальнаго класса:

Переведены во 2 классъ.

Разрядъ 1. 1. Леонидъ Любичкій—награжденъ книгою, Александръ Базилевичъ.

Разрядъ 2. Петръ Суховъ, Александръ Слюсаревъ; 5. Александръ Запорожченко, Викторъ Рубинскій, Петръ Лысенко, Владиміръ Добрецькій, Павелъ Проскурниковъ; 10. Константинъ Архангельскій, Александръ Инюковъ, Викторъ Сергѣевъ, Викторъ Бородаевъ, Петръ Жебиневъ; 15. Николай Евтушенко, Андрей Кузнецовъ, Дмитрій Селезневъ, Павелъ Черниговскій, Иванъ Пантелеймоновъ; 20. Аркадій Яблоновскій.

Допущены къ перекзаменовкѣ послѣ каникулъ: Флладельфъ Балановскій—по гражданской исторіи, Виталій Григорьевскій—по греческому языку, Павелъ Сапухинъ, Александръ Тимошеевъ—по

латинскому языку; 25. Левъ Брадловскій—по словесности и латинскому языку, Григорій Гораянъ—по священному писанію и математикѣ Николай Крыжановскій—по словесности и греческому языку, Леопидъ Малаженевскій, Григорій Слоневскій—по математикѣ и греческому языку; 30. Алексѣй Ѳоминъ—по священному писанію и латинскому языку.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по малоуспѣшности: Сергѣй Дюковъ, Ѳедоръ Сулима; 33. Павелъ Трегубовъ.

І параллельнаго класса.

Переведены во 2 классъ:

Разрядъ 1. 1. Иванъ Стахевичъ, Константинъ Гревизирскій, Григорій Евфимовъ.

Разрядъ 2. Константинъ Оглоблянъ; 5. Константинъ Лядскій, Михайлъ Чугаевъ, Иванъ Павловскій, Сергѣй Владыковъ, Владиміръ Андреевъ; Александръ Артюховскій, Петръ Соколовскій, Александръ Гордѣенко, Стефанъ Дзюбановъ.

Допущены къ переэкзаменовкѣ послѣ кантулы: Владиміръ Базилевичъ, 15. Василій Ѳедоровъ—по священному писанію, Иванъ Матвѣевъ—по словесности, Владиміръ Мухинъ, Александръ Семеновъ—по гражданской исторіи, Сергѣй Буткевичъ—по математикѣ 20. Стефанъ Левадный, Михайлъ Торанскій, Александръ Поповъ—по греческому языку, Михайлъ Дзюбановъ, Павелъ Новицкій; 25. Александръ Полицкій—по латинскому языку, Николай Слубачевскій—по церковному пѣнію, Петръ Жадановскій—по церковному пѣнію и сочиненію, Григорій Платоновъ—по латинскому и греческому языкамъ.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ: Гавріилъ Грузовъ—по болѣзни; 30. Евгеній Жуковъ, Василій Платоновъ, Ипполитъ Шашовъ; 33. Михайлъ Васильковскій—по малоуспѣшности.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Купянскаго духовнаго училища за 1901—1902 учебный годъ.

Четвертаго класса.

Окончившіе полный курсъ ученія.

Разрядъ 1. 1. Глуновъ Ивацъ, Гавриловъ Иванъ съ награжденіемъ книгою.

Разрядъ 2. Жуковскій Леонтій; 5. Сѣвирскій Владиміръ, Алек-

сѣвѣ Кпріонъ, Татариновъ Алексѣй, Голяво-Захаржевскій Глѣбъ, Щелоковскій Косма; 10. Базилевичъ Алексѣй—перезкзаменовка по географіи, Бутковъ Григорій—перезкзаменовка по русскому языку, Феневъ Захарій—перезкзаменовка по латинскому языку.

Разрядъ 3. Дробать Григорій—перезкзаменовка по церковному уставу и географіи, Капустинъ Александръ; 15; Дикаревъ Викторъ—перезкзаменовка по греческому и латинскому языкамъ, Басанскій Алексѣй—перезкзаменовка по русскому и латинскому языкамъ, Оржельскій Иванъ—перезкзаменовка по греческому и латинскому языкамъ.

Имѣетъ держать послѣ лѣтнихъ каникулъ экзаменъ, котораго не держалъ по болѣзни Краснокутскій Анатолій.

Оставаются на повторительный курсъ по прошенію родителей: Лонгиновъ Михайль; 20. Яценко Борисъ.

Третьяго класса.

Переводятся въ 4-й классъ.

Разрядъ 1. 1. Чертковъ Иванъ, Васяленко Тимофей, Трегубовъ Дмитрій—съ награжденіемъ книгами, Кустовскій Борисъ; 5. Арефьевъ Дмитрій—перезкзаменовка по церковному пѣнію.

Разрядъ 2. Титовъ Николай, Тетивниковъ Сергій, Скляръ Сергій, Серединъ Дмитрій, 10. Чиркинъ Іосифъ, Макухинъ Іосифъ, Жуковскій Александръ, Грабовскій Иванъ, Бѣликовъ Николай, 15. Любарскій Аѳанасій, Поликарповъ Валентинъ, Дзюбановъ Герасимъ, Ивановъ Пантеленмонъ.

Разрядъ 3. Макухинъ Михайль—перезкзаменовка по ариѳметикѣ и географіи. 20) Кашникъ Павелъ—перезкзаменовка по греческому и латинскому языкамъ, Котляревскій Григорій—перезкзаменовка по греческому языку и ариѳметикѣ.

Оставаются на повторительный курсъ по прошенію родителей. Базилевичъ Василій, Базилевичъ Николай, Веселовскій Иванъ, 25. Рудневъ Александръ, Сѣвирскій Борисъ.

Увольняется изъ училища по малоуспѣшности и великовозрастію: Козырьковъ Михайль.

Второго класса.

Переводятся въ 3 классъ.

Разрядъ 1. 1. Бервеновъ Порфирій, Ревскій Хрисанфъ, Гилуновъ Василій—съ награжденіемъ книгами, Павловъ Викторъ, 5. Коробчанскій Владиміръ.

Разрядъ 2. Нечаевъ Петръ, Платоновъ Алексѣй, Якубовичъ Ни-

колай, Ковалевъ Павелъ, 10. Базилевичъ Николай, Платоновъ Стефанъ, Анисимовъ Александръ, Колосовскій Василій, Черникъ Иванъ, 15. Скорикъ Петръ, Мартыненко Стефанъ, Жуковскій Яковъ, Гавриловъ Михайлъ—перезэкзаменовка по греческому языку, Лядскій Григорій—перезэкзаменовка по церковному пѣнію, 20. Гончаревскій Захарій—перезэкзаменовка по ариѳметикѣ, Григоровичъ Александръ—перезэкзаменовка по священной исторіи, Краснокутскій Евгеній—перезэкзаменовка по греческому языку, Дзюбановъ Иванъ—перезэкзаменовка по ариѳметикѣ.

Разрядъ 3. Стаховскій Григорій—перезэкзаменовка по русскому и греческому языкамъ. 25. Малишевскій Александръ—перезэкзаменовка по русскому и латинскому языкамъ, Рубинскій Илія—перезэкзаменовка по греческому и латинскому языкамъ, Жуковскій Иванъ—перезэкзаменовка по русскому и греческому языкамъ.

Имѣютъ держать послѣ лѣтнихъ каникулъ экзаменъ, котораго не держалъ по болѣзни, Сидоровъ Николай.

Оставаются на повторительный курсъ. Жуковъ Анатолій; 30. Любарскій Иванъ, Капустинъ Павелъ, Григоровичъ Анатолій, Поповъ Митрофанъ, Штиловъ Иванъ—по малоуспѣшности; 35. Согиновъ Николай, Спесивцевъ Вадимъ—по прошенію родителей.

Увольняются изъ училища: Полницкій Алексѣй—по прошенію матери, Снявинъ Василій—по малоуспѣшности и великовозрастію.

Перваго класса.

Переводятся во 2 классъ.

Разрядъ 1. 1. Самойловъ Николай, Ляницкій Владиміръ, Стаховскій Александръ—съ награжденіемъ книгами, Гавриловъ Павелъ; 5. Орловъ Василій, Царевскій Валеріанъ, Спесивцевъ Сергій, Николаевскій Михайлъ, Оранскій Дмитрій.

Разрядъ 2. 10. Якубовичъ Арсеній, Пивоваровъ Иванъ, Любарскій Анатолій 1-й, Гринченко Александръ, Жуковскій Николай; 15. Татаринновъ Валентинъ, Звѣревъ Николай, Войтовъ Григорій, Пивоваровъ Стефанъ, Корнильевъ Иванъ; 20. Любарскій Анатолій 2-й, Оржельскій Михайлъ, Войтховъ Михайлъ, Рошановъ Гавриилъ, Базилевичъ Михайлъ—перезэкзаменовка по Священной Исторіи; 25. Краснокутскій Григорій—перезэкзамен. по ариѳметикѣ.

Имѣютъ держать послѣ лѣтнихъ каникулъ экзаменъ, котораго не держалъ по болѣзни, Марусовъ Веніаминъ.

Оставаются на повторительный курсъ по малоуспѣшности: Бородаевъ Иванъ, Сидоровъ Вячеславъ, Веселовскій Никонъ; 30. Рубинскій Владиміръ.

Увольняется изъ училища по малоуспѣшности Соболевъ Григорій.

Приготовительнаго класса.

Переводятся въ 1 классъ.

Разрядъ 1. 1. Гребенниковъ Иванъ, Васильковскій Николай, Любичскій Евгений, Гончаревскій Николай; 5. Колосовскій Владиміръ—съ награжденіемъ книгами, Самойловъ Борисъ, Базилевичъ Левъ, Базилевичъ Павелъ, Паськовъ Николай; 10. Жуковскій Владиміръ.

Разрядъ 2. Макухинъ Николай, Бородаевъ Василій, Феневъ Иванъ Лонгиновъ Николай, 15. Любарскій Андрей, Оружинскій Гавріилъ, Новомірскій Игнатій, Грековъ Александръ, Пантелеимоновъ Василій, 20. Черняевъ Георгій, Чернявскій Димитрій, Кирилловъ Петръ, Макаровскій Семенъ, Тетившиновъ Михаилъ, 25. Горавиъ Александръ, Пантелеимоновъ Алексѣй, Касьяновъ Николай, Зубковъ Николай, Заводовскій Федоръ, 30. Якубовичъ Владиміръ, Юрковъ Сергій; Лядскій Николай, и Любарскій Николай—переекзаменовка по русскому языку, Федоровскій Алексѣй—переекзаменовка по арифметикѣ.

Имѣютъ держать послѣ лѣтнихъ каникулъ экзамены, которыхъ не держали по болѣзни: 35. Дзюбановъ Александръ, Дзюбановъ Валентинъ, Лавденко Александръ, Трояновъ Владиміръ.

Оставаются на повторительный курсъ по малоуспѣшности: Григоровичъ Иванъ; 40. Любичскій Викторъ, Рогальскій Павелъ, Торанскій Михаилъ, Алексѣевъ Павелъ.

Отъ Правленія Купянскаго духовнаго училища.

I.

Правленіе Купянскаго духовнаго училища симъ объявляетъ, что переекзаменовки и пріемная испытанія, послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ настоящемъ году, ученикамъ Купянскаго духовнаго училища назначены въ слѣдующемъ порядкѣ: Августа 17-го переекзаменовка ученикамъ IV класса и пріемъ поступающихъ вновь въ этотъ классъ; Августа 19-го переекзаменовка ученикамъ III класса и пріемъ поступающихъ вновь въ этотъ классъ; Августа 20-го переекзаменовка ученикамъ II класса и пріемъ поступающихъ вновь въ этотъ классъ; Августа 21 и 22-го переекзаменовка ученикамъ I класса и пріемъ поступающихъ вновь въ этотъ классъ; Августа 23 и 24-го переекзаменовка ученикамъ приготовительнаго класса и пріемъ поступающихъ вновь въ этотъ классъ.

II.

Правленіе Купянскаго духовнаго училища симъ объявляетъ: а) учебныя занятія въ наступающемъ 1902—1903 учебномъ году, во всѣхъ классахъ училища, начнутся съ 26-го Августа, а учащіеся должны быть представлены въ училище къ 25-му Августа. б) Всѣ воспитанники свѣтскаго званія обязаны внести плату за право-обученіе впередъ за весь учебный годъ, въ количествѣ 60 руб. в) Родители воспитанниковъ училища, желающіе, чтобы дѣти ихъ приняты были на полнокоштное или полукосштное училищное содержаніе, обязаны подать прошеніе въ Правленіе училища не позже 15-го Августа, съ приложеніемъ благочинническаго удостовѣренія о своей бѣдности по формѣ.

г) Всѣ воспитанники, желающіе поступить въ училищное общежитіе, должны внести установленную плату впередъ за полгода, а вновь поступающіе воспитанники, кромѣ того, обязаны внести по 12 р. 50 к. въ Правленіе училища за спальныя принадлежности.

III.

Правленіе Купянскаго духовнаго училища, согласно журнальному постановленію, утвержденному Его Преосвященствомъ 17-го Іюня 1902 года, доводитъ до свѣдѣнія окружнаго духовенства, что для предстоящихъ занятій Съѣзда духовенства, имѣющаго быть 18 Сентября 1902 года, назначаются слѣдующіе предметы: а) разсмотрѣніе отчета о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ, ассигнуемыхъ духовенствомъ Купянскаго училищнаго округа, за 1901 годъ, а также журналовъ Временнаго Ревизіоннаго Комитета по повѣркѣ означеннаго отчета, б) разсмотрѣніе вѣнчиковыхъ вѣдомостей за прошедшій 1902 г.; в) разсмотрѣніе смѣты прихода и расхода суммъ по содержанію училища въ 1903 г.; г) разсмотрѣніе плана и смѣты на устройство домовоу училищной церкви; д) избраніе членовъ временнаго ревизіоннаго комитета в кандидатовъ къ нимъ на будущій 1903 годъ.

РАЗРЯДНОЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища за 1901—1902 учебный годъ.

Четвертаго класса.

Разрядъ 1. 1. Шебатинскій Николай, Иванущенко Николай, Стефановъ Іосифъ, Дмитріевъ Тимоѳей, 5. Иванущенко Сергій—награждаются книгамъ, а Стефановъ Іосифъ кромѣ того и деньгами, Ладный Иванъ, Бородаескій Иванъ.

Разрядъ 2. Крохатскій Дмитрій, Горошко Стефанъ; 10 Мигулянъ Александръ, Артюховскій Тимоѳей, Рудинскій Иванъ, Ильинскій Сергѣй, Бѣлогорскій Владиміръ; 15 Шебатинскій Анатолій, Николаевскій Василій, Чеховъ Александръ, Свѣлванскій Алексѣй, Тугариновъ Николай; 20. Новицкій Василій, Краснокутскій Григорій, Браиловскій Владиміръ, Ястремскій Данилъ, Бондаренко Василій.

Получатъ свидѣтельства объ окончаніи курса, если удовлетвори-тельно выдержатъ перекзаменовки слѣдующіе ученики: 25. Никитинъ Алексѣй—по русскому языку, Веселовскій Антоній по греческому языку, Косаговскій Михайлъ по латинскому языку, Бородаевскій Николай по греческому языку, Рудинскій Василій по русскому языку; 30. Эвнатскій Иванъ по географіи, Новомірскаго Андрей по русскому языку и арифметикѣ.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курс: Поповъ Константинъ, Ѳедоровъ Михайлъ—по прошенію родителей.

Подлежитъ испытанію въ августъ мѣсяцъ по вѣсьмъ предметамъ: 34. Рубинскій Николай.

Третьяго класса.

Переводятся въ 4 классъ.

Разрядъ 1. 1. Филипповъ Георгій, Ѳеодоровъ Георгій—награждаются книгами.

Разрядъ 2. Гриценко Дмитрій, Авксентьевъ Антоній; 5. Ступницкій Андрей, Степурскій Александръ, Индутный Василій, Яблоновскій Георгій, Тугариновъ Иванъ; 10. Черниговскій Леонидъ, Павловскій Аванасій, Черниговскій Николай.

Назначаются къ переводу въ слѣдующій классъ съ передержкой экзамена: Любинскій Леонидъ по церковному пѣнію, Лободинъ Николай по географіи; 15. Церковницкій Николай—по арифметикѣ, Мпиченко Лука—по латинскому языку, Прокоповичъ Иванъ по греческому языку, Карповъ Антоній—по географіи, Самодаевъ Николай по русскому языку письменно; 20. Христіановскій Стефанъ по географіи.

Разрядъ 3. Бѣлогорскій Александръ по латинскому языку и географіи, Печкинъ Андрей по греческому и латинскому яз., Санухинъ Иванъ по географіи и русскому яз. письменно, Краснокутскій Дмитрій по греческому и русскому яз. устно и письменно; 25. Рубинскій Евгений по географіи, русскому языку устно и письменно.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный

курсъ: Грузовъ Николай, Емельяненко Александръ, Поповъ Михайль—по прошенію родителей, Ѳedorовскій Димитрій, 30. Куксенко Николай—по малоуспѣшности.

Увольняется изъ училища Сиромахинъ Ѳедоръ, какъ не оказавшій успѣха послѣ двухгодичнаго пребыванія въ томъ же классѣ.

Второго класса.

Переводятся въ 3 классъ:

Разрядъ 1. 1. Рудвинскій Александръ награждается книгами, Труфановъ Григорій, Подлудкій Иванъ награждается книгами, Павловскій Семень.

Разрядъ 2. 5. Пономаревъ Александръ, Рудневъ Иванъ, Браиловскій Валеріанъ, Луценко Леонидъ, Фіалковскій Ѳедоръ; 10. Бѣлоусовъ Стефанъ, Матвѣевъ Николай, Александровъ Иванъ, Карповъ Тимоѳей, Наумовъ Илья.

Назначаются къ переводу въ слѣдующій классъ съ передержкой экзамена: 15. Рубинскій Владиміръ по арифметикѣ, Артюховскій Макарій по церковному пѣнію, Спасскій Іосифъ по церковному пѣнію, Поповъ Димитрій по русскому языку письменно, Крыжановскій Александръ по греческому языку; 20. Михайловскій Стефанъ по латинскому языку, Луценко Викторъ по русскому языку устно, Буткевичъ Николай, Крушедольскій Александръ и Якубовичъ Сергѣй по русскому языку письменно.

Разрядъ 3. 25. Ермоленко Димитрій по арифметикѣ, церковному пѣнію и русскому языку письменно, Богачевъ Александръ по латинскому, русскому яз. устно и письменно, Родинко Яковъ по греческому, латинскому и русскому яз. письменно.

Оставаются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ: Гончаревскій Георгій, Новицкій Викторъ—по прошенію родителей; 30. Боровиковъ Алексѣй, Гревизирскій Николай, Королевъ Владиміръ, Червонецкій Павелъ—по малоуспѣшности.

Подлежатъ испытанію въ августъ мѣсяцъ по всемъ предметамъ: Панкратьевъ Петръ; 35. Крыжановскій Владиміръ.

Увольняются изъ училища по малоуспѣшности: Дикаревъ Алексѣй; 37. Николаевскій Михайль.

Перваго класса.

Переводятся во 2-й классъ.

Разрядъ 1. 1. Калюжный Васплій, Прокоповичъ Николай, Васильевъ Алексѣй—награждаются книгами, Горавинъ Андрей; 5. Хорошковъ Димитрій, Гривгорьевъ Павелъ, Ѳедоровъ Михайль.

Разрядъ 2. Артюховскій Василій, Малиженевскій Петръ; 10. Лѣпскій Яковъ, Мигулинъ Петръ, Фроловъ Владиміръ, Бородаевскій Александръ, Македонскій Николай; 15. Ильинскій Викторъ, Поморцевъ Иванъ, Бѣликъ Василій, Глуховъ Александръ.

Назначаются къ переводу въ слѣдующій классъ съ передержкой экзамена: Мильскій Димитрій по церковному пѣнію; 20. Торанскій Павелъ по ариѳметикѣ, Труфановъ Андрей по ариѳметикѣ, Панкратьевъ Алексѣй по ариѳметикѣ и церковному пѣнію, Сукачевъ Михаилъ по русскому языку письменно, Краснокутскій Владиміръ по священной исторіи.

Разрядъ 3. 25. Буткевичъ Владиміръ по ариѳметикѣ и русскому языку письменно, Кизевальтеръ Георгій по русскому языку устно и письменно, Кипоренко Борисъ по русскому языку устно и письменно, Новомірсскій Иванъ по русскому языку устно и ариѳметикѣ, Рубинскій Михаилъ по ариѳметикѣ и русскому языку письменно; 30. Стефановскій Александръ по священной исторіи и ариѳметикѣ, Фальченко Борисъ по ариѳметикѣ и русскому языку устно и письменно, Назаревскій Василій по ариѳметикѣ, церковному пѣнію, русскому языку устно и письменно.

Подлежатъ испытанію въ августъ мѣсяцъ по вѣсѣмъ предметамъ Бѣликъ Александръ, Преображенскій Иванъ.

Оставляется въ томъ же классѣ на повторительный курсъ 35. Ведрянскій Леонидъ—по прошенію отца.

Увольняются изъ училища Филипповскій Николай—по прошенію; 37. Горбуновъ Михаилъ, какъ не оказавшій успѣха послѣ двухгодичнаго пребыванія въ томъ же классѣ.

Приготовительнаго класса.

Переводятся въ 1-й классъ.

Разрядъ 1. 1. Луценко Александръ, Быковъ Евгеній, Котляревскій Евграфъ,—награждаются книгами, Любимскій Георгій; 5. Черниговскій Владиміръ, Соколовскій Иванъ, Никулищевъ Михаилъ 1, Никулищевъ Михаилъ 2, Куницынъ Димитрій; 10. Фялипповъ Стефанъ, Павловскій Сергѣй, Филоновичъ Петръ.

Разрядъ 2. Артюховскій Евгеній, Орловъ Михаилъ; 15. Артюховскій Николай, Флоринскій Борисъ, Туранскій Николай, Барышковъ Иванъ, Канустянский Петръ, 20. Сиромашинъ Василій, Краснокутскій Викторъ, Сукачевъ Иванъ.

Назначаются къ переводу въ слѣдующій классъ съ передержкой экзамена: Кривяцкій Леонидъ по Закону Божію, Ивдутьный Алексѣй по ариѳметикѣ; 25. Гревизирскій Иванъ по русскому

языку устно, Панкратьевъ Александръ по русскому языку устно, Дьякаревъ Александръ по русскому языку письменно.

Разрядъ 3. Степурскій Антоній по Закону Божию и арифметикѣ.

Оставаются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ: Андреевъ Антоній; 30. Винницкій Василій, Крыжановскій Михаилъ по малоусидѣнности, Стеллецкій Александръ, Левицкій Яковъ, Поповъ Борисъ по болѣзни.

Предоставляется право держать экзаменъ по вѣсьмъ предметамъ въ августъ мѣсяцъ; 35. Жукову Іустину, Нестеренку Евгенію; 37. Преображенскому Владиміру.

Отъ Правленія Сумскаго духовнаго училища.

Правленіе Сумскаго духовнаго училища объявляетъ: 1, что переекзаменовка воспитанниковъ, получившихъ на годичномъ испытаніи неудовлетворительныя баллы, назначаются: 4-го класса на 17 августа, а остальныхъ классовъ 23—24. Приемныя испытанія для вновь поступающихъ будутъ произведены 22 числа того же мѣсяца. Въмѣстѣ съ сѣмъ Правленіе сообщаетъ, что въ 5-ти классахъ училища свободныхъ вакансій для поступленія въ училище съ домашнимъ образованіемъ и изъ другихъ заведеній имѣется 71, а именно: въ 4-мъ классѣ 13 вакансій, въ 3-мъ 6, во 2-мъ нѣтъ, въ 1-мъ—9, и въ приготовительномъ—43. Начало учебныхъ занятій 26 августа и въ тотъ же день молебень предъ началомъ ученія.

2. Всѣ воспитанники свѣтскаго сословія обязаны внести плату за обученіе впередъ за весь учебный годъ въ количествѣ 40 руб.

3. Желаящіе держать приемныя испытанія, а также родители воспитанниковъ училища, желающіе, чтобы дѣти ихъ приняты были на полнокоштное или полукоштное епархіальное содержаніе, а равно съ уменьшенной платой, обязаны подать прошеніе въ Правленіе училища не позже 20 августа, въ послѣднемъ случаѣ съ приложеніемъ благочиннаго удостовѣренія о своей бѣдности, по формѣ, сообщенной о.о. благочиннымъ.

4. Всѣ воспитанники, желающіе поступить въ училищное общежитіе, должны внести установленную плату впередъ за полгода, а вновь поступающіе воспитанники, кромѣ того, обязаны внести по 10 руб. въ Правленіе училища на постельный приборъ и 10 р. на письменныя принадлежности.

5. Правленіе училища, согласно журнальному постановленію,

утвержденному Его Преосвященствомъ отъ 17 іюня н. г. доводить до свѣдѣнія окружнаго духовенства, что для предстоящихъ занятій сѣзда духовенства, вмѣющаго быть 19 сентября н. г. назначаются слѣдующіе предметы: а) разсмотрѣніе журналовъ предыдущаго сѣзда за 1901 годъ, б) разсмотрѣніе смѣты прихода и расхода суммъ по содержанію училищнаго общежитія въ будущемъ 1903 году, в) докладъ временно-ревизіоннаго комитета по документальной провѣркѣ экономическаго отчета в приходо-расходной книги училища за 1901 годъ, г) разсмотрѣніе вѣдомостей о.о. благочинныхъ Сумскаго училищнаго округа о приходѣ, расходѣ и остаткѣ церковныхъ суммъ, а также о продажѣ вѣнчиковъ и листовъ разрѣшительной молитвы, д) текущія по Правленію училища дѣла.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

учениковъ Харьковскаго Духовнаго училища, составленный Правленіемъ училища послѣ годовыхъ испытаній за 1901—1902 уч. г.

Четвертый классъ.

Разрядъ 1. 1. Стрѣльцовъ Александръ, Касьяновъ Иванъ. Эти два ученика за благонравіе и отличные успѣхи награждаются книгами. Безугловъ Павелъ, Евтушенко Яковъ; 5. Безугловъ Геннадій, Краснопольскій Амвросій, Крыжановскій Александръ.

Разрядъ 2. Ильинскій Алексѣй, Сильванскій Анатолій; 10. Яновскій Михаилъ, Торанскій Тихонъ, Вербицкій Николай, Насѣдкинъ Семень, Власовъ Александръ; 15. Пантеленмоновъ Давидъ, Матвѣевъ Яковъ, Куропка Евфимъ, Гусевъ Алексѣй, Рубинскій Петръ; 20. Любарскій Петръ, Лукашевъ Иванъ, Матвѣевъ Николай, Рудинскій Дмитрій.—Эти двадцать три ученика признаются окончившими полный курсъ въ духовномъ училищѣ.

Чернявскій Михаилъ; 25. Чаговцевъ Діонисій, Щербининъ Александръ, Кравченко Антонъ, Сидоровъ Евфимъ, Подлуцкій Николай; 30. Насѣдкинъ Александръ, Молочковскій Николай, Созонтьевъ Дмитрій, Θεодоровъ Василій, Андреевъ Викторъ; 35. Мигулинъ Иванъ, Новосадскій Всеволодъ, Толмачевъ Дмитрій.—Эти четырнадцать учениковъ будутъ признаны окончившими полный курсъ въ духовномъ училищѣ, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовки послѣ каникулъ: Чернявскій Михаилъ по Церковному Уставу в русскому языку, Чаговцевъ Діонисій по русскому яз. и географіи, Щербининъ Александръ, Подлуцкій Николай и Кравченко Антонъ по русскому и латинскому языкамъ, Сидоровъ Евфимъ по русскому яз. и русскому сочиненію, Насѣдкинъ Алек-

саидръ по русскому языку, Молочковскій Николай по Церковному Уставу и русскому языку, Созонтъевъ Дмитрій по русскому языку и ариѳметикѣ, Ѳедоровъ Василій по русскому языку и географіи, Андреевъ Викторъ по Церковному Уставу и географіи, Мигулинъ Иванъ по латинскому языку и ариѳметикѣ, Новосадскій Всеволодъ и Толмачевъ Дмитрій по русскому и латинскому языкамъ и экзаменъ по греческому языку.

Степурскій Ѳедоръ.—Этотъ ученикъ допускается къ экзаменамъ послѣ каникулъ по всѣмъ предметамъ, какъ не державшій ихъ по болѣзни.

Ковалевскій Александръ; 40. Пономаревъ Левъ, Протопоповъ Григорій.—Эти три ученика оставляются на повторительный курсъ въ томъ-же классѣ по прошеніямъ родителей.

Свищынъ Владиміръ, Ѳедоровскій Гавріиль.—Эти два ученика увольняются изъ училища по прошеніямъ родителей.

Третій классъ.

Разрядъ 1. 1. Платоновъ Дмитрій, Коробкинъ Леонидъ, Мухинъ Дмитрій.

Разрядъ 2. Евфимовъ Александръ; 5. Семейкинъ Николай, Власовскій Андрей, Ивановъ Иванъ, Сельванскій Иванъ, Агнивцевъ Николай; 10. Степурскій Леонидъ, Мухинъ Алексѣй, Кохановскій Николай, Ястремскій Михаилъ, Пономаревъ Александръ; 15. Ковалевскій Василій.—Эти пятнадцать учениковъ признаются достойными перевода въ IV классъ.

Полницкій Леонидъ, Дзюбановъ Владиміръ, Яновскій Петръ, Оболенцевъ Александръ; 20. Бѣликовъ Дмитрій, Ступницкій Николай, Новосадскій Дмитрій, Рохлинъ Константинъ, Троицкій Тимоѳей; 25. Декалоговъ Николай, Колодяжный Евгений, Колодяжный Николай, Соколовъ Александръ, Григоровичъ Антонъ.—Эти четырнадцать учениковъ могутъ быть переведены въ IV классъ, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовки послѣ каникулъ: Полницкій Леонидъ по русскому сочиненію, Дзюбановъ Владиміръ по русскому языку, Яновскій Петръ по латинскому языку, Оболенцевъ Александръ по русскому языку и русскому сочиненію, Бѣликовъ Дмитрій по русскому языку и географіи, Ступницкій Николай по русскому сочиненію и географіи, Новосадскій Дмитрій по русскому и греческому языкамъ, Рохлинъ Константинъ по русскому и латинскому языкамъ, Троицкій Тимоѳей по русскому яз., русскому сочиненію и латинскому яз., Декалоговъ Николай по русскому яз., русскому сочиненію и географіи, Колодяжный Евгений по русскому яз. русскому сочиненію и ариѳ-

метикъ, Колодяжій Николай по русскому языку, русскому сочиненію и греческому яз., Соколовъ Александръ по русскому языку, географіи и церковному пѣнію, Григоровичъ Антопъ по латинскому языку и ариметикъ.

30. Щербина Дмитрій—Этотъ ученикъ допускается къ экзаменамъ послѣ канкулъ по всѣмъ предметамъ, какъ недержавшій ихъ по болѣзни.

Мухинъ Василій, Мухинъ Павелъ, Поповъ Модестъ, Прядкинъ Павелъ; 35. Наумовъ Дмитрій, Олейниковъ Семёнъ.—Эти шесть учениковъ оставляются въ томъ-же классѣ на повторительный курсъ—первые пять по малоуспѣшности, а послѣдній по прошенію отца.

Анисимовъ Захарій, Богословскій Павелъ, Калашниковъ Константинъ; 40. Стефановскій Александръ, Ѳедоровъ Алексѣй.—Эти пять учениковъ увольняются изъ училища, первые три по малоуспѣшности, а остальные два по прошеніямъ родителей.

Второй классъ.

Разрядъ 1. 1. Грызодубовъ Дмитрій.—Этотъ ученикъ за благонаравіе и отличные успѣхи награждается книгой, Ѳедоровъ Алексѣй, Америковъ Викторъ, Агнiewiczъ Владиміръ, 5. Прибытковъ Александръ, Сулима Викторъ, Грабовскій Илія, Шебатинскій Андрей.

Разрядъ 2. Власовъ Владиміръ; 10. Ходской Викторъ, Сирятскій Всеволодъ, Рубинскій Иванъ, Олейниковъ Владиміръ, Понировскій Николай; 15. Дюковъ Дмитрій, Хвжняковъ Лука, Бондаревъ Алексѣй, Протопоповъ Андрей; 20. Сергѣевъ Николай, Евтушенко Викторъ, Ветуховъ Ѳедоръ, Дюковъ Евгений.—Эти двадцать три ученика признаются достойными перевода въ III классъ.

Дьяковъ Николай; 25. Знаменскій Николай, Молчановскій Владиміръ, Раевскій Петръ, Сергѣевъ Иванъ, Бородаевъ Василій; 30. Заграфскій Владиміръ, Туранскій Иванъ, Дмитріевъ Михаилъ, Иванецкій Георгій, Инноковъ Веніаминъ; 35. Рубинскій Петръ, Толмачевъ Николай.—Эти тринадцать учениковъ будутъ удостоены перевода въ III-й классъ, если удовлетворительно выдержатъ перекламеновки по слѣдующимъ предметамъ: Дьяковъ Николай, Знаменскій Николай, Молчановскій Владиміръ, Раевскій Петръ и Сергѣевъ Иванъ по русскому яз., Бородаевъ Василій, Заграфскій Владиміръ и Туранскій Иванъ по русскому и греческому языкамъ, Дмитріевъ Михаилъ и Иванецкій Георгій по русскому языку и церковному пѣнію, Инноковъ Веніаминъ и Рубинскій Петръ по

русскому и латинскому языкамъ, Толмачевъ Николай по русскому языку, русскому диктанту и греческому языку.

Сіатовскій Іосифъ, Соколовскій Николай, Θεодоровъ Николай.— Эти три ученика оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по малоуспѣшности.

40. Огульковъ Яковъ, Петровскій Антоній, Голубинскій Иванъ.— Эти три ученика увольняются изъ училища, первый по малоуспѣшности, а послѣдніе два по прошенію родителей.

Первый классъ.

Разрядъ 1. 1. Волобуевъ Борисъ, Стрѣльцовъ Иванъ, Титовъ Владиміръ, Евфимовъ Николай; 5. Дьяковъ Иванъ, Касьяновъ Константинъ.— Эти шесть учениковъ за благонравіе и отличные успѣхи награждаются книгами.

Вертеловскій Петръ, Знаменскій Алексѣй, Насѣдкинъ Владиміръ; 10. Архангельскій Константинъ.

Разрядъ 2. Бутковскій Василій, Москалевъ Николай, Ковалевскій Александръ, Аюничковъ Владиміръ; 15. Власенко Евфимъ, Дашкѣевъ Павелъ, Строевскій Яковъ, Поповъ Александръ, Семейкинъ Арсеній; 20. Θεодоровскій Борисъ, Петровъ Николай, Трофимовъ Алексѣй, Ходской Андрей, Строевскій Александръ; 15. Воскобойниковъ Василій.— Эти двадцать пять учениковъ признаются достойными перевода во II-й классъ.

Григоровичъ Петръ, Таранскій Павелъ, Быстрицкій Сергѣй, Матвѣевъ Николай; 30. Любцкій Михаилъ. Эти пять учениковъ будутъ переведены во 2-й классъ, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовки: Григоровичъ Петръ по арифметикѣ, Таранскій Павелъ по русскому диктанту и церковному пѣнію, Быстрицкій Сергѣй по Закону Божію, Матвѣевъ Николай по русскому языку съ церковно-славянскимъ и русскому диктанту, Любцкій Михаилъ по русскому языку съ церковно-славянскимъ и арифметикѣ.

Протопоповъ Митрофанъ, Свистуновъ Романъ, Сугаченко Ілія, Дмитріевъ Иванъ.— Эти четыре ученика, не державшіе экзаменовъ по болѣзни, допускаются послѣ каникулъ къ экзаменамъ по всѣмъ предметамъ.

35. Трощкій Алексѣй, Поповъ Владиміръ, Квитковскій Дмитрій.— Эти три ученика оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по малоуспѣшности.

Моглянскій Викторъ, Поповъ Николай; 40. Таранскій Василій. Эти три ученика увольняются изъ училища по малоуспѣшности.

Приготовительный классъ:

Разрядъ 1. 1. Михайловскій Николай, Стефановъ Петръ, Платоновъ Михайль, Бондаревъ Николай.—Эти четыре ученика за благонаравіе и отличные успѣхи награждаются книгами.

5. Пономаревъ Сергѣй, Прибытковъ Леонидъ, Бесѣда Викторъ, Пономаревъ Борись, Николаевичъ Михайль; 10. Мощенко Владиміръ, Щербина Григорій, Сулима Николай, Найдовскій Антоній.

Разрядъ 2. Бородаевъ Евгений; 15. Булдовскій Василій, Евтушенко Алексѣй, Якубовичъ Анатолий, Семейкинъ Александръ, Николаевскій Александръ; 20. Зинченко Николай, Хорошковъ Федоръ, Рубинскій Василій, Рубинскій Константинъ, Рубинскій Михайль; 25. Торанскій Василій 2, Торанскій Владиміръ, Жялянъ Иванъ, Сильванскій Павелъ, Федоровскій Николай; 30. Наумовъ Андрей, Мартыновъ Петръ.—Эти тридцать одинъ ученикъ признаются достойными перевода въ 1-й классъ.

Мухинъ Алексѣй, Кандыба Федоръ, Кильчевскій-Гумялитанскій Павелъ; Поповъ Веніаминъ.—Эти четыре ученика могутъ быть переведены въ 1-й классъ, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовки послѣ каникулъ: Мухинъ Алексѣй и Кандыба Федоръ по русскому диктанту, Кильчевскій-Гумялитанскій Павелъ по русскому диктанту и ариѳметикѣ, Поповъ Веніаминъ по ариѳметикѣ.

Виноградскій Евгений, Червонецкій Павелъ, Федоровъ Николай.—Эти три ученика, не державшіе экзаменовъ по болѣзни, допускаются къ экзаменамъ послѣ каникулъ по всѣмъ предметамъ.

Квитковскій Дмитрій; 40. Колышкинъ Левъ, Пантелеймоновъ Захарій, Могпянскій Владиміръ, Торанскій Василій 1-й.—Эти пять учениковъ оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ, первые три по малоуспѣшности, а послѣдніе два по болѣзни.

Мураховскій Василій,—допускается къ экзаменамъ по всѣмъ предметамъ послѣ каникулъ.

45. Петрусенко Николай,—увольняется изъ училища по прошенію отца.

Отъ Правленія Харьковскаго духовнаго училища.

Правленіе Харьковскаго духовнаго училища объявляетъ, что: 1) переэкзаменовки во всѣхъ классахъ училища начнутся 16 августа, а приѣмные экзамены для поступленія въ подготовительный классъ имѣютъ быть назначены 22 августа; 2) прошенія о приѣмѣ учениковъ на полубошное училищное содержаніе и на со-

держаніе съ уменьшенною платою, а также объ оставленіи учениковъ на томъ же содержаніи, которымъ пользовались они въ прошломъ полугодіи истекшаго учебнаго года,—должны быть поданы, съ приложеніемъ надлежащихъ удостовѣреній о семейномъ и имущественномъ положеніи просителей отъ благочинныхъ, въ Правленіе училища къ 25 августа сего года.

— — —

Отчетъ Харьковскаго Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ—о состояніи раскола и сектантства въ Епархіи и дѣятельности епархіальной миссіи за 1901 годъ.

Противораскольническая и противосектанская миссія въ Харьковской епархіи въ отчетномъ году продолжала свою дѣятельность на пользу Православія, расширяясь въ своей организаціи и совершенствуясь въ свлахъ и способахъ своей дѣятельности.

Во главѣ Епархіальной миссіи въ отчетномъ году стояли Архипастыри, преемственно правившіе Харьковской епархіей: Высокопреосвященный Архіепископъ Амвросій, до своей кончины, Преосвященный Иннокентій и, въ концѣ года, Высокопреосвященный Архіепископъ Флавіанъ.

Говоря объ утратѣ, какую понесла Харьковская миссія со смертію архіепископа Амвросія, дѣятели епархіальной миссіи съ чувствомъ глубокой благодарности могутъ вспомнить о бывшемъ своемъ руководителѣ—въ Бозѣ почившемъ Архипастырѣ и его дѣятельности на пользу миссіи.

До 1891 года миссіонерское дѣло въ Харьковской епархіи не было прочно поставлено, и не было необходимыхъ для дѣла матеріальныхъ средствъ: существовало три окружныхъ миссіонера изъ приходскихъ священниковъ, которымъ въ вознагражденіе за труды отпускалось изъ суммъ Св. Синода 600 руб. въ годъ. Такую постановку миссіонерскаго дѣла Высокопреосвященный Амвросій призналъ неудовлетворительною. Принявъ подъ свое непосредственное руководственное попеченіе дѣло епархіальной миссіи и имѣя нужду въ постоянныхъ и близкихъ сотрудникахъ, которые бы могли помогать ему и совѣтомъ и личнымъ участіемъ въ борьбѣ съ расколо-сектантствомъ, Высокопреосвященный Амвросій учредилъ (въ 1891 г.), съ разрѣшенія Св. Синода, при каедрѣ епархіальнаго архіерея особый *Совѣтъ по миссіонерскимъ дѣламъ*, въ замѣнъ существовавшихъ трехъ окружныхъ миссіонеровъ и съ обращеніемъ въ его распоряженіе 600 рублей, отпущавшихся на содержаніе миссіонеровъ. Въ виду же очевидной

недостаточности этой суммы на покрытие расходовъ по дѣятельности Совѣта, какъ то: на пріобрѣтеніе необходимыхъ книгъ для священниковъ, служащихъ въ зараженныхъ сектантствомъ приходяхъ, на посылку лицъ для собранія свѣдѣній о положеніи раскола и сектанства и для проповѣдничества, почившимъ архипастыремъ тогда же былъ установленъ, съ разрѣшенія Св. Синода, особый взносъ отъ монастырей в наиболѣе достаточныхъ церквей епархія, который (взносъ) и поступаетъ на нужды Совѣта ежегодно въ количествѣ 2860 руб. На первыхъ же порахъ дѣятельности Совѣта, состоявшаго въ то время изъ трехъ членовъ, (прот. С. Любицкій, свящ. Т. Буткевичъ и А. Балановскій), почившій архипастырь увидѣлъ, что для успѣха въ борьбѣ съ развивающимся сектантствомъ необходимъ особый миссіонеръ, который бы, не отвлекаясь другими занятіями, могъ всѣ свои силы и время посвящать дѣлу миссіи, и вотъ, въ слѣдующемъ же году, онъ открылъ, съ благословенія Св. Синода, должность епархіальнаго миссіонера съ жалованьемъ въ 2000 руб. въ годъ сначала изъ суммъ Совѣта, а затѣмъ (въ томъ же 1892 году) имъ же было исходатайствовано въ такой же суммѣ жалованье отъ казны. Такимъ образомъ дѣло епархіальной миссіи въ матеріальномъ отношеніи было вполне обеспечено.

Вмѣстѣ съ этимъ епархіальная миссія получила прочное устройство и правильную постановку своей дѣятельности. Совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ архипастыря, принялъ на себя общее руководство дѣятельностью епархіальной миссіи; миссіонеръ, на правахъ члена Совѣта, участвовалъ въ совѣщаніяхъ его, а по должности получалъ распоряженія и руководственныя указанія отъ него въ своей прямой дѣятельности. Составъ Совѣта съ теченіемъ времени увеличился вслѣдствіе пазначенія членами его лицъ въ томъ или другомъ отношеніи полезныхъ для дѣла миссіи. Въ 1900 г. въ помощь епархіальному миссіонеру въ борьбѣ съ расколомъ былъ приглашенъ священникъ Харьковской единавѣрческой церкви Михаилъ Колышкинъ, съ жалованьемъ за труды изъ суммъ Совѣта въ количествѣ 120 руб. въ годъ и съ назначеніемъ членомъ Совѣта.

Почившій архіепископъ Амвросій, не смотря на тяжесть многосложныхъ трудовъ и обязанностей по управленію епархіей, лично руководилъ дѣятельностью Совѣта, принимая участіе въ совѣщаніяхъ и постановленіяхъ его.—Такое-же отношеніе къ своей дѣятельности Совѣтъ по миссіонерскимъ дѣламъ, къ великому своему утѣшенію и ободренію, встрѣтилъ въ новомъ архипастырѣ, Высоко-

преосвященнѣйшемъ Флавіанѣ, позволившемъ принять предсѣдательство въ Совѣтѣ.

За указанными перемѣнами руководителей дѣятельности Совѣта, членами послѣдняго состояли въ отчетномъ году слѣдующія лица: 1) настоятель Каедральнаго Собора, протоіерей Стефанъ Любичій; 2) профессоръ богословія въ Харьковскомъ Университетѣ, протоіерей Тимоѣей Буткевичъ; 3) Харьковской Христорождественской церкви священникъ Андрей Балановскій; 4) Харьковской Крестовоздвиженской церкви священникъ Николай Любарскій; 5) Каедральнаго Собора священникъ Леонидъ Твердохлѣбовъ; 6) Харьковской единовѣрческой церкви священникъ Михайлъ Колышкинъ; 7) Епархіальный наблюдатель за церковно-приходскими школами Василій Давыденко, и 8) Епархіальный миссіонеръ Дмитрій Боголюбовъ. Дѣлопроизводитель и казначей Совѣта священникъ Харьковской Воскресенской церкви Іоаннъ Гораннъ.

Дѣятельность Совѣта, соотвѣтственно самому назначенію его руководить дѣломъ борьбы съ расколо-сектанствомъ въ Епархіи въ отчетномъ году выражалась главнымъ образомъ въ организаціи и всестороннемъ обезпеченіи епархіальной миссіи.

Совѣтъ зорко слѣдилъ за положеніемъ расколо-сектантства въ приходоухъ: онъ получалъ отъ приходскихъ священниковъ своевременныя донесенія о всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ явленіяхъ и событіяхъ въ средѣ сектантовъ, о появленіи сектантства въ новыхъ приходоухъ. Въ своихъ засѣданіяхъ Совѣтъ тщательно обсуждалъ такія донесенія и дѣлалъ указанія священникамъ о мѣрахъ борьбы съ этимъ зломъ и о способахъ наилучшаго назиданія православныхъ прихожанъ. Часто сами священники обращались въ Совѣтъ со своими недоумѣніями, естественно возникающими въ новой для нихъ миссіонерской дѣятельности, и Совѣтъ всегда давалъ имъ соотвѣтственныя руководственныя наставленія и указанія, болъшею частію черезъ епархіальнаго миссіонера.

Для руководства и въ помощь пастырямъ зараженныхъ сектантствомъ приходоухъ Совѣтъ по миссіонерскимъ дѣламъ на свои средства выписывалъ для церковныхъ библіотекъ тѣхъ приходоухъ необходимыя миссіонерскія книги и періодическія изданія. „Миссіонерское Обзорѣвіе“ и „Миссіонерскій Сборникъ“; пополнялъ свою библіотеку и слѣдилъ за пополненіемъ окружныхъ благочинническихъ библіотекъ, указывая, въ случаѣ надобности, полезныя изданія. Кроме того, Совѣтъ по миссіонерскимъ дѣламъ, по согласенію съ авторомъ, переиздалъ отдѣльной книгой „Записку о засѣданіяхъ Харьковского Епархіальнаго Миссіонерскаго Съѣзда

1899 года“ и разослалъ во всѣ приходскія церкви. „Записка“ эта, полно и всесторонне обнимая собою вопросъ о состояніи Харьковскаго расколо-сектантства за послѣдніе годы и о приѣмахъ борьбы съ нимъ, представляетъ полезное руководство и справочныя указанія для духовенства епархіи, но такъ какъ она печаталась въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ на протяженіи года, то пользованіе ею было неудобно и затруднительно, что и побудило Совѣтъ выпустить ее отдѣльнымъ изданіемъ.

Руководя миссіонерскою дѣятельностью приходскихъ пастырей, оказывая имъ помощь и нравственную поддержку въ этомъ отношеніи, Совѣтъ по миссіонерскимъ дѣламъ оказывалъ пастырямъ бѣднѣйшихъ приходовъ и матеріальную помощь, насколько то позволяли его средства: то въ видѣ единовременнаго пособія, то ежегоднаго въ опредѣленной суммѣ (сл. Павловокъ, Сумск. у. и с. Пристѣна, Купянск. у.). Всего израсходовано имъ на сей предметъ въ отчетномъ году 1422 рубля.

Въ дѣлахъ пресѣченія распространенія расколо-сектантства въ епархіи, Совѣтъ по миссіонерскимъ дѣламъ входилъ (отъ имени Его Высокопреосвященства или черезъ дух. консисторію) въ сношенія съ гражданскими лицами и учрежденіями 1) по вопросамъ, возникавшимъ на почвѣ взаимоотношеній православныхъ и сектантовъ; 2) по поводу проявленія фанатизма и пропагаторской дѣятельности нѣкоторыхъ сектантовъ, для установленія надзора за ними и принятія административныхъ мѣръ; возбуждалъ (черезъ духовную консисторію) судебныя преслѣдованія противъ сектантовъ, по поводу преступленій ихъ противъ православной вѣры; давалъ заключенія по слѣдственнымъ дѣламъ о сектантахъ.

Нѣкоторые члены Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ, помимо общаго участія въ засѣданіяхъ Совѣта, выполняли особыя порученія Совѣта или его Высокопреосвященнаго Предсѣдателя. Такъ, членъ Совѣта протоіерей Тимоѣей Буткевичъ, по распоряженію архіепископа Амвросія, въ январѣ мѣсяцѣ ѣздилъ въ г. Бѣлополье для присутствованія на годичномъ собраніи мѣстнаго Братства, причѣмъ произнесъ рѣчь о характерѣ современнаго сектанства и объ отличіи его отъ ересей и расколовъ въ древней церкви. Въ Бѣлопольѣ же, въ помѣщеніи Городской Управы, при чрезвычайно многочисленномъ собраніи слушателей, произнесъ рѣчь, въ коей охарактеризовалъ сектаторскую дѣятельность ученика гр. Толстого князя Д. А. Хилкова. Посѣтилъ затѣмъ, совмѣстно съ епархіальнымъ миссіонеромъ, всѣ толстовскія села, съ цѣлью ознакомленія съ современнымъ состояніемъ тамъ толстовства, и

особенное вниманіе обратилъ на сл. Павловки. Здѣсь онъ посѣтилъ хуторъ толстовцевъ—Князевку, заходилъ въ дома толстовцевъ в бесѣдовалъ съ ними. Такъ какъ Павловскіе толстовцы настойчиво требовали разрѣшенія на переселеніе въ Канаду, то протоіерей Т. Буткевичъ нашелъ умѣстнымъ прочесть здѣсь, въ Павловкахъ, въ помѣщеніи церкви-школы, брошюру П. А. Тверского—„Духоборческая эпопея“ съ соответствующими поясненіями. Чтеніе этой брошюры произвело на народъ сильное, потрясающее впечатлѣніе. Многіе потомъ просили о. протоіерея выслать имъ эту брошюру, и по его докладу Совѣтъ выслалъ въ сл. Павловки 20 экз. ея для бесплатной раздачи, преимущественно толстовцамъ.

Священникъ Леонидъ Твердохлѣбовъ, по порученію Совѣта, въ потребныхъ случаяхъ исполнялъ обязанности эксперта при судебныхъ разбирагательствахъ сектантскихъ дѣлъ.

Священникъ Михайлъ Калышкинъ, по обязанности епархіальнаго противораскольническаго миссіонера, дважды ѣздилъ вмѣстѣ съ своимъ псаломщикомъ, въ Старобѣльскій уѣздъ для бесѣдъ съ мѣстными раскольниками, среди которыхъ въ послѣдніе годы стало проявляться движеніе въ пользу Православія, и успѣлъ убѣдить присоединиться къ Православной церкви, на правахъ единовѣрія, 24 человекъ (всѣ въ х. Кряковѣ, Трехизбянскаго прихода). Кромѣ того, онъ велъ частныя бесѣды съ раскольниками, проживающими въ г. Харьковѣ.

Какъ особую мѣру, принятую Совѣтомъ въ отчетномъ году въ борьбѣ съ сектантствомъ, нужно отмѣтить учрежденіе при Совѣтѣ должности миссіонера-сотрудника и книгоноши. Такъ какъ сектантская пропаганда съ каждымъ годомъ дѣлается утонченнѣе и изобрѣтательнѣе и услѣдить за всѣми ея путями для епархіальной миссіи не возможно; также и приходскимъ священникамъ не возможно своевременно и въ подробностяхъ знать, какіе пропагандисты, куда и для какой цѣли пріѣзжали; затѣмъ, имѣя въ виду, какъ сектанты поддерживаютъ своихъ единомышленниковъ и сѣютъ смуту въ народѣ чрезъ ложно составленные листки, Совѣтъ по миссіонерскимъ дѣламъ призналъ своевременнымъ открыть должность книгоноши-миссіонера, каковымъ пригласилъ быть, по рекомендаціи епархіальнаго миссіонера, крестьянина сл. Пристѣна, Кушанскаго уѣзда, Петра Дегтярева, съ жалованьемъ 100 руб. въ годъ. Этотъ человекъ, хорошо знакомый съ сектантствомъ, какъ бывший самъ штундистъ, и довольно начитанный въ словѣ Божіемъ, оказался полезнымъ миссіонерскимъ сотрудникомъ и книгоношей: въ теченіи года онъ посѣтилъ въ Кушан-

скомъ и Валковскомъ уѣздахъ всѣ сектантскія села, всюду разнося врученныя ему Совѣтомъ для продажи книги и брошюры противосектантскаго и вообще религіозно-нравственнаго содержанія при-слушиваясь къ говору въ средѣ сектантовъ и бесѣдуя съ ними. Каждое посѣщеніе книгоношею сектантскихъ сель отмѣчалось приходскими священниками въ выданной ему для сей цѣли Со-вѣтомъ тетради. Находясь подъ ближайшимъ надзоромъ епархіальнаго миссіонера, книгоноша отдавалъ ему отчетъ въ своей дѣятельности и сообщалъ свои наблюденія и впечатлѣнія.

Членъ Совѣта, епархіальный миссіонеръ Дмитрій Ивановичъ Боголюбовъ является главнымъ и непосредственнымъ дѣителемъ на поприщѣ епархіальной миссіи, но объ его дѣятельности бу-дѣтъ сказано ниже.

Средства Совѣта. Для удовлетворенія необходимыхъ расхо-довъ по своей дѣятельности Совѣтъ по миссіонерскимъ дѣламъ имѣлъ во своемъ распоряженіи слѣдующія суммы: а) изъ губернскаго казначейства на содержаніе епархіальнаго миссіонера—2000 руб., б) обязательнаго годоваго взноса на нужды Совѣта отъ церквей и монастырей Епархіи—2864 р., в) $\frac{0}{0}$ на неприкосновенный капиталъ въ 5200 руб. ¹⁾—199 р. 50 к., а всего съ остаточными отъ 1900 года—5560 рублей.

(Продолженіе бюджета).

Епархіальныя извѣщенія.

Протоіерей Архангело-Михайловской церкви с. Верхняго Блпкнца, Зміевского уѣзда Михаилъ *Котляровъ* умеръ 5 іюня с. г., а на его мѣсто перемѣщенъ священникъ Николаевской церкви сл. Мурафы, Богодуховскаго уѣзда, Теодоръ Сильванскій, на мѣсто же послѣдняго перемѣщенъ священникъ с. Богославскаго, Изюмскаго уѣзда Іоаннъ *Ревскій*.

— 28 іюля с. г. умеръ благочинный 1-го округа священникъ Вознесе-вской церкви с. Рогани, Харьковскаго уѣзда, Іоаннъ *Ракшевскій*.

— Священникъ Успенской церкви, с. Коробочки, Зміевского уѣзда, Петръ *Дейнеховскій*, 15 іюля с. г. уволенъ заштагъ, согласно проше-нію, а на его мѣсто перемѣщенъ сынъ его, священникъ Рождество-Бого-родичной церкви с. Лозоваго, Богодуховскаго уѣзда, Ипполитъ *Дейнехов-скій*, на мѣсто же сего послѣдняго опредѣленъ учитель двухклассной

¹⁾ Капиталъ сей, заключающійся въ свидѣтельствахъ 40/0 рента и въ двухъ билетахъ 1 и 2 съ выигрышами займовъ, составился изъ ежегодныхъ отчисленій ихъ остатковъ и 1000 р., завѣщанныхъ въ пользу Совѣта свящ. Чекаловымъ.

Александро-Невской церковно-приходской школы гор. Харькова *Василій Кіановскій*.

— Священникъ Покровской церкви, с. Рѣдкодуба, Изюмскаго уѣзда, Θεоктистъ *Феденко* перемѣщенъ къ походной церкви Св. Ольги, Егатери-нославской губ.

— На праздное псаломщицкое мѣсто при Покровской церкви, с. Бѣленькаго, Изюмскаго уѣзда, опредѣленъ Семенъ *Роменскій*.

— На праздное псаломщицкое мѣсто при Троицкой церкви сл. Охочей, Зміевского уѣзда назначенъ согласно прошенію и. д. псаломщика сынъ безмѣстнаго псаломщика Евфимъ *Сидоровъ*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Молебствіе Господу въ г. Харьковѣ по поводу, ВЫСОЧАЙШЕ оказанной Милости духовенству.—Пріемъ посѣтителей Преосвященнѣйшимъ Стефаномъ, епископомъ Сумскимъ.—Некрологъ.

30 минувшаго іюня въ Покровскомъ монастырѣ послѣ литургіи совершено благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и возгласеніемъ установленнаго многолѣтія по случаю Всемилости-вѣйше дарованныхъ россійскому духовенству правъ Высочайше утвержденныхъ 3 іюня уставомъ о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ священно и церковно-служителямъ епархіальнаго вѣдомства. Литургію и молебствіе совершалъ Преосвященнѣйшій Стефанъ, епископъ Сумскій. На богослуженіи присутствовало многочисленное городское духовенство, къ которому Владыка обратился съ соотвѣтствующимъ случаю словомъ.

— Преосвященный Стефанъ, епископъ Сумскій, принимаетъ лицъ имѣющихъ къ нему надобность, по вторникамъ и пятницамъ отъ 10 часовъ до часу дня въ Харьковѣ, въ своемъ архіерейскомъ домѣ, а въ остальные дни въ Куряжѣ. «Южн. Кр.»

НЕКРОЛОГЪ.

7-го Апрѣля сего 1902-го года въ г. Старобѣльскѣ скончался на 77-мъ году жизни заштатный протоіерей (бывшій настоятель мѣстнаго Покровскаго собора) о. Іоаннъ Гаврііловичъ Касьяновъ. Страдая тяжкимъ недугомъ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ, онъ давно уже готовился къ смерти. На четвертой седмицѣ поста было надъ нимъ совершено таинство Ело-освященія; нѣсколько разъ онъ приобщался Св. таинъ и въ послѣдній разъ сподобился Св. приобщенія за три часа до смерти. Сынъ бѣднаго и много-семейнаго дьячка І. Г. однако получалъ надлежащее образованіе, сначала въ Ахтырскомъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ въ Харьковской Духовной

Семинаріи. Окончивъ курсъ въ сей послѣдней въ 1847 г., онъ въ томъ же году женился на дочери вышедшаго заштатъ священника слоб. Боровской Старобѣльскаго уѣзда о. Іакова Буткова, и посвященъ на его же мѣсто 8-го поября того же 1847 г. Получивъ благодать священства, покойный о. Протоіерей до послѣднихъ дней своей жизни педѣбно подвизался подвигомъ добрымъ во славу Божию и на благо духовныхъ чадъ своихъ и, какъ яркій свѣтильникъ, горѣлъ и свѣтилъ на мѣстѣ служенія пастырства своего примѣрною христіанскою жизнію, словомъ назидательнымъ и дѣлами благими. Какъ въ Боровскомъ, такъ и на послѣдующихъ мѣстахъ своего священства о. Іоаннъ не совершалъ ни одной литургіи, чтобы не сказать своимъ пасомымъ поученія или назидательнаго слова.

Принявъ на свое попеченіе тестя своего, глубокаго старца, о. Іоаннъ, часто оказывалъ матеріальную помощь и своимъ пасомымъ: если самъ онъ видѣлъ въ какомъ-либо семействѣ нужду или узнавалъ о какомъ-либо несчастіи прихожанина, то не ожидалъ протянутой руки, а самъ, какъ пастырь добрый, спѣшилъ на помощь нуждающимся и своимъ любвеобильнымъ участіемъ, а также и матеріальнымъ пособіемъ старался, по мѣрѣ возможности, облегчить ихъ горькую пужду и утереть слезы. Не оставилъ онъ безъ своего вниманія и молодого поколенія: въ слоб. Боровской, о. Іоаннъ уже въ первые годы своего служенія позаботился объ открытіи начальной народной школы, для чего, за пемѣніемъ подходящаго помѣщенія, уступилъ часть своего собственнаго помѣщенія, а потомъ перестроилъ церковную сторожку съ приспособленіемъ для школы, снабдивъ ее (изъ своихъ же средствъ) всѣмъ необходимымъ и самъ былъ въ ней долгое время учителемъ и законоучителемъ. И труды его не были напрасны: многіе изъ дѣтей его прихожанъ, получивъ начальное образованіе и доброе воспитаніе, впоследствии занимали и съ достоинствомъ проходили разныя общественныя должности. Потому-то жители слоб. Боровской и до сихъ поръ съ любовію и молитвою вспоминаютъ своего добраго батюшку о. Іоанна.

Прослуживъ въ слоб. Боровской добрѣ болѣе 30 лѣтъ о. Іоаннъ въ 1880 г. переведенъ былъ къ Р.-Богородичной церкви слоб. Штурмовой Старобѣльскаго уѣзда, а отсюда 14 октября 1882 г. по прошенію въ г. Старобѣльскъ штатнымъ священникомъ къ Старобѣльскому Покровскому Собору. Проходя съ усердіемъ должность пастыря, о. Іоаннъ исполнялъ съ такою же ревностію и другія обязанности: такъ съ 1863 г. по 1872 г. состоялъ катехизаторомъ, съ 1880 г. по 1882 г. состоялъ членомъ благочинническаго совѣта по 5-му округу благочинія Старобѣльскаго уѣзда; съ 1883 г. по 1889 г. членомъ Училищнаго Совѣта отъ духовенства, законоучителемъ женской прогимназіи, народнаго училища, законоучителемъ воиескихъ чиповъ Управленія Старобѣльскаго уѣзднаго воинскаго начальника. Въ 1882 г. былъ утвержденъ цензоромъ проповѣдей по 1-му округу, въ 1885 г.—духовникомъ первой половины того же округа. За свою многостороннюю, благоплодную и ревностную службу покойный о. Іоаннъ былъ награжденъ въ 1855 набедренникомъ, двоекратно въ 1865 г. и 1868 г. удостоенъ благословенія Св. Синода, въ 1870 г. награжденъ бархатною фіолетовою скуфьею, въ 1872 г. камлавкою, въ 1885 г. сребропозлащеннымъ наперснымъ крестомъ, въ 1886 г. утвержденъ настоятелемъ мѣстнаго Собора и въ 1889 г. возведенъ въ санъ протоіеря.

Достигнувъ такого высокаго положенія среди духовенства и отличенный наградами, покойный о. протоіерей однако остался такимъ же простымъ, обходительнымъ, любвеобильнымъ, какимъ былъ и всегда раньше. Особенно же выдающимися чертами его характера была кротость и незлобіе, необыкновенная сердечная теплота и благожелательность ко всемъ окружающимъ. Эта любовь къ близкимъ и особенная его сердечность ярко сказывалась въ почитаемъ, какъ духовникѣ округа, которымъ онъ оставался, не смотря на тяжкій недугъ свой, до конца жизни: всегда находилось у него ласковое слово, мудрый совѣтъ и доброе увѣщаніе для кающагося, и каждый потому выходилъ отъ него съ облегченнымъ сердцемъ и ободреннымъ на дальнѣйшій путь христіанской жизни. Благодаря такимъ свѣтымъ качествамъ души, о. Іоаннъ и по переходѣ въ г. Старобѣльскъ скоро и легко привлекъ къ себѣ сердца всехъ своихъ пасомыхъ. Этимъ объясняется та глубокая скорбь, которая выражена была всеми его пасомыми, когда онъ, по болѣзни вынужденъ былъ въ 1894 г. выйти за штатъ, и то горячее участіе и вниманіе, которыми былъ почтенъ о. протоіерей въ день 50-ти лѣтняго своего юбилея (24 ноября 1897 г.) отъ собратій и бывшей паствы своей. Вотъ почему также, когда разнеслась скорбная вѣсть въ городѣ о смерти о. Іоанна, каждый знавшій его выражалъ искреннее свое сожалѣніе и возносилъ сердечную молитву къ Богу за новопреставленнаго. Въ самый же день погребенія его, совершеннаго соборомъ 8-ю священниками съ 6 ю діаконами,—воздать послѣдній христіанскій долгъ усопшему собралась почти всѣ горожане и со слезами проводили прахъ дорогого своего бывшего пастыря на мѣсто вѣчнаго покоя на городскомъ кладбищѣ. Во время чина отпѣванія священникъ Старобѣльскаго гимназіи о. Гавріилъ Поповъ и протоіерей слоб. Подгоровки о. Василій Аристовъ почтили усопшаго о. духовника своего,—первый трогательною рѣчью, а второй назидательнымъ словомъ.

Да даруетъ же Милосердный Господь сему достойному дѣлателью на нивѣ Христовой вѣчный блаженный покой въ царствіи своемъ!

О ВЪ Я В Л Е Н І Я

ПСАЛОМЩИКЪ,

онъ же регентъ и учитель и жена его учительница—ищутъ совмѣстной должности, или-же помѣняться съ кѣмъ мѣстами.

Адресъ: Стрѣльцовское почтовое отд. Харьковск. губ. въ слоб. Моисеевку, Старобѣльскаго уѣзда, псаломщику А. С. Павленко.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

„ОПЫТЪ ОЗДОРОВЛЕНІЯ ДЕРЕВНИ“.

Составилъ П. Г. Ганзенъ.

Съ 5 иллюстраціями и вступительною статьею Р. И. Сементковскаго. С.П.Б. Изданіе А. Ф. Маркса. Цѣна 75 коп.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые десять лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-правственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Іисуса Христа“. Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществомъ“? В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодотвореніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покой воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофала Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православенъ-ли intercomunion, предлагаемый намъ старокаатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Ливицкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

■ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНСКІЙ
и Инспекторъ Семинаріи, Константинъ ИСТОМНИНЪ.